

Сергей Волков



# Чингисхан<sup>2</sup>

Книга вторая  
**ЧУЖИЕ ЗЕМЛИ**

Автор идеи  
Константин Рыков



ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом  
«Этногенез»  
Москва, 2010



ПОПУЛЯРНАЯ  
ЛИТЕРАТУРА

Издательство  
«Популярная литература»  
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
В67

*Книга издана при поддержке Newmedia Stars*

**Волков, С.**

В67 Чингисхан. Книга вторая. Чужие земли. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.

Серебряный конь ведет Артема Новикова и профессора Нефедова через ледники и перевалы Гиндукуша. По пятам за ними следуют люди Надир-шаха, горящие желанием отомстить за своего хозяина. Свистят пули, грохочут лавины, пустынные демоны жаждут человеческой крови и получают ее сполна. Отбившись от врагов, Артем и профессор попадают к загадочным махандам, живущим в недоступной горной долине. Там Новиков влюбляется в красавицу Телли, дочь вождя. Благодаря своему таланту стрелка Артем спасает махандов от банды кашгарских контрабандистов. Он хочет остаться с Телли, но воля Чингисхана побуждает его продолжить путь. Блуждая по чужим землям, Артем и Нефедов оказываются в долине, где время остановилось. Здесь живут бояк бок древние скифы и офицеры русской Белой гвардии, воины Александра Македонского и китайские солдаты армии Чан Кайши. Таинственный хроноспазм крадет четырнадцать лет жизни Артема и, чудом выжив в лабиринте аномальных зон, он оказывается в России 1994 года. Новиков не узнает своей страны. Его друг детства Витек стал криминальным авторитетом. Он предлагает Новикову стать киллером и убить молодого московского предпринимателя Андрея Гумилева...

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
В67

ISBN 978-5-904454-22-7

© Рыков К., 2010  
© Волков С., 2010  
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

*Не оставляй в живых того,  
кто сделал тебе добро,  
чтобы никогда не быть в долгу.*

Чингисхан

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### Погоня

Я хочу тишины. В горах ее нет. Пространство вокруг нас наполнено звуками. Ветер тихонько скулит в острых гранях утесов. Шуршат осыпи. Гулко бьют в барабаны камнепады. Ущелья отзываются эхом. Ревут срывающиеся с круч водопады. Хрустит снег под ногами. Вечерами нагретые за день солнцем камни потрескивают, отдавая полученное тепло. Тревожно кричат птицы, кружасиеся над непреступными вершинами. Мы с Нефедовым говорим редко и очень тихо, но наши голоса далеко разносятся окрест и слова, отражаясь от мертвых скал, начинают жить своей самостоятельной жизнью.

Даже ночью, когда все успокаивается, я слышу еле заметный гул. Он идет со всех сторон, тихий, но мощный. Так гудят провода высоковольтных линий, так гудят рельсы. Поначалу я никак не мог понять, откуда берется этот звук, а потом догадался. Это разговаривают между собой сами горы. Увенчанные снежными шапками пики ведут бесконечные беседы. Им нет никакого дела до двух уставших, измученных людей, ползущих неведомо куда в этом царстве камня, снега и облаков.

Я хочу тишины и покоя. Но, как это обычно и бывает в жизни, получаю обратное.

Пятый день люди Надир-шаха преследуют нас. Пятый день мы пытаемся оторваться, уйти, спрятаться. Гиндукуш при желании может сокрыть в себе целую армию. Но среди его вер-

шин нет места двум беглецам. Наверное, все дело в том, что мы плохо знаем эти места, а те, кто идет по нашему следу, наоборот, слишком хорошо. Это их дом, их земля.

Долго так продолжаться не может. Нас убьют, рано или поздно. За нами идет по меньшей мере три десятка человек. Все вооружены, все прекрасно ориентируются в хаосе гор. Нас может спасти только чудо. Чудо – и английская винтовка «Ли-Эн菲尔д» образца 1895 года, модификация «Бур». Наш козырь, джокер и прикуп одновременно. Правда, патронов осталось всего семнадцать штук. Но это лучше, чем ничего...

Все началось пять дней назад у развалин той самой крепости, где в незапамятные времена погиб внук Чингисхана Мутуген и где серебряный конь открыл мне великую тайну Потрясателя Вселенной.

Мы едва успели закончить скучный походный ужин, как на равнине внизу появились люди. Они приехали на нескольких машинах и рассыпались полукольцом, окружая нас. Нефедов сразу побежал вверх по склону, я же попытался остановить профессора. Мне казалось, что можно договориться с этими людьми, узнать, что им нужно. Выстрелы и цокающие по камням пули очень быстро убедили меня, что никаких переговоров не будет.

Потеряв драгоценные минуты, мы уходим. Наш осел сбежал, и поклажу приходится тащить самим. Нас спасают ночь и ущелье, узкий проход между двух горных вершин, ведущий вглубь горной страны Гиндукуш.

...На рассвете, добравшись до выхода из ущелья, устраиваем привал у нависшей над ручейком скалы. В небе разгорается заря нового дня, снега на дальних вершинах озаряются светом восходящего солнца.

Привалившись спиной к холодному камню, я смотрю, как Нефедов скидывает со спины тяжелый мешок, и тихо спрашиваю:

- Почему они стреляют в нас?
- Мстят за Надир-шаха, – раздраженно отвечает профессор.
- То есть им нужен ты?
- Мы оба. Они же не знают, что я был один.
- Кто такой этот Надир-шах?
- Местный правитель. Феодал, если говорить по-научному.

Это его земли.

Сплевываю вязкую слону и продолжаю допрос:

- Зачем ты его убил?

Профессор исподлобья смотрит на меня, жестко усмехается.

- С чего ты взял, что это сделал я?

- Не убивал?

- Нет.

- Тогда откуда у тебя еда и оружие?

- Оказался в нужном месте в нужное время.

– Ты можешь нормально рассказать, что произошло?! – взрываюсь я. Эхо прыгает по ущелью.

– Т-ш-ш! – Нефедов прикладывает палец к губам. – Никогда не кричи в горах. Жрать будешь?

- Потом. Так что же...

– У нас может и не быть «потом», – с угрозой в голосе произносит он, доставая сверток с едой.

- Я не отстану.

– Вот ты упертый! – в голосе профессора сквозит раздражение. – В общем, так: когда я ушел из военного городка, у меня при себе был только табельный «Макаров» и фляжка с самогоном. Повар у нас гнал, большой специалист по этому делу. Ну, ты в курсе, пробовал. Я готовился уйти, собрал снарягу, продукты, но взять не сумел – обстоятельства так сложились...

- Погоди-погоди, а зачем ты вообще ушел? Ты что, знал...

– Тормози на повороте! – Нефедов отрывается кусок от лепешки, передает мне. – На вопросы отвечать не стану. Хочешь – слушай, нет – я вообще ничего не буду говорить.

«Вот же козел, – думаю я, разглядывая своего спутника. – И ведь не заставишь...»

– В районе Баклина я наткнулся на расстрелянный джип. Подошел, постучал, залез внутрь. Живых, как мне тогда показалось, не было никого...

– Что значит, показалось?

– Потому что там были неподвижные люди, изрешеченные пулями, залитые кровью, со стеклянными глазами...

– И там был этот Надир-шах?

– Там и был... Я забрал все, что нашел и что мог унести с собой... в этот момент один из душманов очнулся, стал скулить... Видимо, запомнил меня, решил, что я и есть убийца. Потом описал меня этим... – Нефедов кивает куда-то в сторону преследователей.

– И что? Ты не помог раненому?

– Я что, скорая помощь? Что я, по-твоему, должен был сделать? Взвалить на себя и тащить до ближайшего населенного пункта?

– Ты оставил его умирать!

– Как видишь, он не умер... если успел показать на меня.

Я пожимаю плечами. Неизвестно, как бы я поступил в такой ситуации.

– Мне нужны были припасы. И оружие, – запальчиво говорит профессор. Он словно бы оправдывается. – Дайте человеку цель, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации. Я обязан был выжить, потому что у меня есть...

– Цель? – заканчиваю я за него. – Какая?

– Да пошел ты! – профессор уже открыто прикладывается к фляжке. – Но ты не сомневайся, Артем, мы уйдем от них, оторвемся, вот увидишь. Главное – что я нашел тебя! Вот это главное! Вот это...

«Он что, уже успел хлебнуть до этого? – прислушиваясь к словам профессора, думаю я. – Если так, то дело плохо. Пьяный на войне – труп. И меня за собой утянет».

– Цель? – вновь заканчиваю я за него и, предупреждая очередной всплеск эмоций, протягиваю руку. – Дай глотнуть.

Теплая фляжка заполнена больше чем наполовину. Глядя прямо в глаза Нефедову, переворачиваю ее и выливаю самогон на камни.

– Ты что?! – он бросается на меня, растопырив руки.

Я предвидел такую реакцию. Сил у меня немного, поэтому я даже не пытаюсь встать, увернуться – просто выставляю ногу. Это не удар, он сам натыкается животом на мою ступню и сгибается пополам, хрипя ругательства.

– Дурак ты, Игнат, – я бросаю опустошенную фляжку на сверток с едой.

– Гнида!

Он садится, опустив голову. Здоровый, крепкий мужик, то ли потерявший в жизни все ориентиры, то ли, наоборот, слишком хорошо знающий, что ему нужно.

Спрашиваю безо всякой надежды на ответ:

– Кто убил Генку Ямина?

– А? Что?! Какого еще Ямина?

– Пацана, который лежал со мной в полевом медпункте. Он выпил отравленной глюкозы. Ее должны были закачать в меня.

Нефедов поднимает на меня мутные глаза.

– Погоди-погоди... Ты уверен?

– Я видел все своими глазами.

– Выходит, они знают... – бормочет он.

– Кто – они? Что – знают?

– Про предмет. Ох, черт! Тебя выследили. Понимаешь?

– Кто выследил? Кто?!

Он открывает рот, чтобы ответить, и тут из ущелья оглушающе бьет выстрел. Заnim второй, третий. Одна из пуль попадает в камень рядом со мной и с визгом ricochetит в небо.

Мы прячемся за скалой.

– Уходим! – рявкает Нефедов. Он подхватывает мешки, я – винтовку и сверток с едой. В тучах пыли, обдирая локти и колени, мы съезжаем по склону к подножью скалы и бежим, спотыкаясь, вдоль ручья.

Я оборачиваюсь и вижу наверху несколько человеческих фигур. Руки сами делают то, что должно – передергивают затвор, вскидывают винтовку. Глаз привычно ловит цель.

Выстрел!

Отдача у «Бура» чудовищная. Меня едва не разворачивает на месте. Но это неважно. Я попал. Один из людей падает. Остальные прячутся и начинают стрелять.

Поздно, ребята, поздно. Мы уже под защитой уступов очередной скалы. Впереди – проход между двумя горами, заваленный гигантскими глыбами. Там вы нас не возьмете.

Следующий привал делаем далеко за полдень. Неприметная ложбинка, белый корявый ствол давно высохшего дерева. Нефедов, тащивший тяжелые мешки, опускается на землю, пьет воду и засыпает. Я закидываю в рот горсть урюка из запасов Надир-шаха и забираюсь повыше – нести караульную службу. Мне очень хочется верить, что душманы отстали, потеряв нас в этом лабиринте.

Попутно осматриваю винтовку. Это явно заслуженное, боевое оружие. «Бур» хорошо смазан, ложе заботливо отлакировано, приклад покрывают насечки и прихотливый узор из множества крохотных золотых гвоздиков. Узор – круги, спирали, треугольники – не закончен. То ли у мастера не хватило золота, то ли...

И тут я вдруг понимаю, в чем дело. Это не просто орнамент, не просто гвоздики. Это своеобразный победный отчет, список трофеев. Во время войны наши летчики рисовали на фюзеляжах своих истребителей звездочки за каждый сбитый немецкий самолет. Хозяева «Бура» вбивали золотые гвозди после

каждого удачного выстрела. На прикладе винтовки – целое кладбище, жертвоприношения этому стальному монстру, сконструированному сто лет назад инженером Ли и увидевшему свет на оружейных фабриках Эн菲尔да.

Начинаю считать гвоздики – и на второй сотне сбиваюсь. Черт возьми, а ведь я сегодня утром тоже внес свой посильный вклад в узор на прикладе! Жаль, у меня нет ничего, чем можно было бы зафиксировать свое достижение. Хотя – почему нет? Где-то в кармане старой хэбэшки, надетой на мне, лежит половинка бритвенного лезвия «Спутник», обнаруженного в тумбочке Генки Ямина. Им я разрезал полотнище палатки, когда выбирался из медпункта.

На поиски уходит несколько секунд. Примостив винтовку на коленях, я осторожно, двумя пальцами беру лезвие и вырезаю на прикладе, ближе к цевью, крестик.

Да, я тоже варвар. Я тоже горжусь своими победами над врагом. И пусть меня осудят, но чтобы победить врага, я должен стать таким, как он, только еще коварнее, еще хитрее, безжалостнее и кровожаднее. Таковы законы войны. Так воевал Чингисхан...

Пятый день погони катится к своему закату. Надир-шах может быть спокоен в своем мусульманском раю – у него верные поданные. Они висят на нашем хвосте, как хорошие гончие псы. Девятерых я отправил к сюзерену. Оставшихся это, похоже, только раззадорило и обозлило донельзя.

Мы почти не разговариваем – нет сил. Только «да», «нет» и матерная ругань. Материмся от усталости.

У нас разделение труда. Я несу «Бур» и бутыль с водой, Недедов – мешки с припасами и одеждой. Без стеганых халатов и шерстяных покрывал мы бы уже давно замерзли – по ночам тут очень холодно, камни покрываются инеем. Плохо, что осталось мало еды. И еще меньше надежды, что мы выберемся из этой передряги живыми.

Сегодня утром я дал Нефедову по морде. Он потратил впустую три драгоценных патрона. Было это так: я спал, а профессор сторожил, забравшись на скалу, чтобы заметить преследователей как можно раньше. Дозоры мы несем по очереди – один спит, другой караулит.

Разбудили меня звуки выстрелов. Нефедов, поднявшись во весь рост, палил из «Бура», азартно дергая затвор. Стреляные гильзы звенели по камням.

Взобравшись к нему, я отобрал винтовку и от души врезал профессору по бородатой физиономии. Удар, правда, вышел слабым – я все еще не оклемался после тех блужданий по безводным пустошам, что привели меня в полевой медпункт.

– Ты что?! – оскалился он.

– Не умеешь – не берись, – пробурчал я.

Это был самый длинный наш диалог за последние дни.

Впрочем, вру – накануне вечером у нас состоялся разговор, в котором я решил расставить все точки над i. Я спросил у Нефедова о предметах – что это такое, откуда взялись, для чего нужны?

Он не стал юлить и изворачиваться. Отвечал четко и ясно: эти серебряные фигурки известны с незапамятных времен. Все они зооморфны, то есть изображают различных животных. У каждого предмета – свои свойства, которые они даруют владельцам.

– Практически за каждой выдающейся исторической личностью стоит такой предмет, – объяснял мне Нефедов. – Почти все великие завоеватели древности носили на себе фигурки.

– А куда девается предмет после смерти хозяина?

– По-разному. Многие теряются, что-то передается по наследству или доверенным людям. Но, согласись, пойти на такое может далеко не каждый. Своими руками отдать символ могущества – зачем?

Я киваю. Теперь ясно, почему Чингисхан не расстался с волком. Он надеется возродиться, а раз так, то этому монголу из рода Борджигинов в новой жизни обязательно понадобится предмет.

Потом Нефедов рассказывал про тайные организации, могущественные ордена и ложи, ставившие своей целью охоту за предметами. Скрытая от глаз обычных людей война велась и ведется много сотен лет. В двадцатом веке в нее включились спецслужбы.

– И англичане, и французы, и немцы, и мы отражали целые экспедиции для поиска предметов. Кому-то везло, кто-то оказывался на бобах. Ход и итог Второй мировой войны во многом есть отражение этих поисков.

– Ясно, – я снова кивнул и спросил напрямик: – Ты тоже охотишься за фигурками?

Он некоторое время медлил, потом усмехнулся, пряча за усмешкой нежелание давать прямой ответ:

– Охотишься – не совсем правильное слово. Скажем так – я изучаю их и то воздействие, которое они оказывают на историю человечества. Именно поэтому КГБ следил за мной. Но я не свернулся с выбранного пути. Не забывай, я все-таки историк.

«Историк-мародер», – едва не сорвалось у меня с языка. Нефедов понял, почему я молчу, поднялся с камня, на котором сидел, и как бы через силу сказал:

– Артем, покажи мне свой предмет. Пожалуйста.

Ответ у меня был готов давно. Наверное, он появился даже раньше просьбы профессора:

– Нет.

– Почему? Я же не отниму его.

– Нет.

– Тогда хотя бы расскажи, как он действует.

«Рассказать? – я подбросил на ладони горсть мелких камешков. – Почему бы и нет».

– Это как в кино. Я вижу то, что хотел мне показать человек, живший много-много лет назад. Его жизнь.

– Этот человек... – Нефедов впился в меня взглядом. – Этот человек... Чингисхан... У него ведь был предмет? Так? И ты знаешь, какой?

Я промолчал. Это уже перебор. В конце концов, перед началом разговора мы не давали друг другу клятвы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Поэтому с чистой совестью я ответил:

– Понятия не имею.

Професор кинул на меня полный злобы взгляд и замолк. С этого момента между нами возникло откровенное недоверие. Я не верю Нефедову. Множество предметов, сверхспособности, спецслужбы... Не верю. В сухом остатке – мой конь и большой интерес профессора к предметам. Это объективная реальность, и мне придется с нею считаться.

Перед сном меня неожиданно – давно уже такого не было! – уносит в прошлое. Серебряный конь бьет копытом, и я вижу горы Боддо-ула, почитавшиеся монголами как обитель недобрых духов.

Заросшие густым лесом, где сосны и кедры перемежались осинниками и березняками, горы разделяли поречья Керуlena и Туулы. Не всякий кочевник решится проложить путь своего коня через мрачные чащобы. Злые духи не любят людей. Заморочат, закружат путника, положат под ноги коню вместо ровной тропы острые камни, навалят буреломов, ночной порой заведут к обрыву и погубят человека. Мертвое тело пожрут дикие звери и не останется на свете и следа от дерзнувшего ступить в земли духов.

Об этом Темуджину говорил брат Бельгутей, когда крохотный отряд из трех человек пробирался краем степи к берегам Туулы. Третьим на черном мерине ехал младший брат Темуджина Хасар. Он не участвовал в разговоре, задремав в седле.

— Мы — дети Есугея-багатура, — ответил Темуджин Бельгутею.  
— Нам ли бояться духов? Я должен повидаться с побратимом нашего отца Тоорилом Керайтским. Духи, демоны, враги — никто не остановит меня. Вечное Синее небо поможет. Эй, Хасар, хватит целовать лошадиную гриву! Вперед, братья!

И вытянув коня плетью, Темуджин помчался вперед, к темнеющим впереди горным склонам. К седлу старшего сына Есугея был приторочен перевязанный ремнями тюк с собольей шубой. Свадебный подарок от отца Борте Дэй-сечена. И самая большая ценность, сокровище, с которым Темуджин собирался расстаться. Бельгутей вздохнул, переглянулся с проснувшимся Хасаром и пустил своего скакуна вскачь, следом за братом.

Уже неделю были братья в дороге. Сразу после свадьбы, оставив красавицу Борте в своей юрте, Темуджин объявил, что собирается к керайтам.

— Мне не у кого больше искать помощи. Если хан Тоорил откажет — горька будет наша участь. Станем мы прахом костра, пылью под конскими копытами, опавшими листьями на осеннем ветру. Испытаем же судьбу, братья!

Оэлун как старшая в роду, как мать отговаривала Темуджина от этой поездки. Путь не близок, в степи неспокойно. А в укромном урочище Гурельгу тихо. Лихие люди сюда не заходят.

— Какой же я сын Есугея, если, как суслик, буду отсиживаться в безопасной норе? — спросил ее сын. — Врага не убить, держа меч в ножнах. Из лука не выстрелить, не достав стрелы. Пора спросить с каждого, кто разорил улус отца. Пора вернуть свое и взять плату за все обиды. Так будет справедливо. Так хочет Вечное Синее небо.

Ночная мгла застала братьев в пути. Лесная тропа, ведущая в самое сердце Богдо-ула, исчезла во мраке. Тревожно шумели исполинские кедры над головами, в подлеске трещали ветвями то ли звери, то ли принявшие их обличие хозяева гор — духи. Темуджин объявил ночевку.

Костер, разведененный на гранитном камне, разогнал тьму. Стrenоженные кони щипали траву на склоне. Бельгутей жарил на углях вяленое мясо, Хасар нес дозор, забравшись на изогнутую, раскоряченную сосну. Сквозь древесные кроны проглядывал месяц. Где-то вдали перекликались ночные птицы. Время шло к полуночи.

Темуджин, привалившись к тюку с собольей шубой, смотрел на огонь и мысли его текли легко и ровно, как воды родного Керулена. Голоса он услышал не сразу. Сначала в шум кедровых веток вплелись отдельные слова. Тихий шепот, похожий на бормотание дряхлого старика, перепившего архи на празднике.

– Темуджин-н-н... Ночь темна... Путь опасен... Остановись... Не ходи к керайтам... Вернись домой... Ночь темна...

Вскинув голову, юноша посмотрел на Бельгутея. Быть может, это хитрый брат вышептывает исподволь, думая, что может напугать Темуджина? От Бельгутея можно ждать всякого. Второй сын второй жены Есугея, волоокой Сочихэл, он делил с сыновьями Оэлун все тяготы многолетних скитаний. Когда его старший брат Бектер решил предать Темуджина и выдать его таджиутам Таргитай-Кирилтуха, Бельгутей не поддержал брата. Темуджин вдвоем с Хасаром, которому тогда едва исполнилось семь лет, убил Бектера. Убил, чтобы спасти остальных, потому что Таргитай-Кирилтух, вознамерившийся стать ханом, не пощадил бы никого из детей своего двоюродного брата Есугея.

Перед смертью Бектер просил не трогать Бельгутея. Воля умирающего священна. Темуджин взял с мальчика клятву верности и с тех пор старался, чтобы Бельгутей всегда был рядом. Мог сын Сочихэл затаить злобу и готовить месть за брата? Много раз размышлял над этим Темуджин и всякий раз склонялся к тому, что да, мог. Но шли годы, а Бельгутей оставался верным товарищем своему старшему брату. Наверное, живи братья вдали друг от друга, все сложилось бы иначе, но Темуджин

никогда не отпускал от себя Бельгутея. Он знал – что надето ближе к телу, то сильнее греет.

– Эй, – тихонько позвал брата Темуджин. – Бельгутей! Что ты сказал?

Но тот даже не пошевелился, уткнувшись подбородком в грудь. Палка, которой он помешивал угли, выпала из рук Бельгутея. Трещало в костре подгорающее мясо.

«Уснул», – понял Темуджин. И тут снова зашумела тайга. Голоса накатили с новой силой:

– Темуджин-н-н... Ночь темна... Не ходи к кераитам...

– Во имя Вечного Синего неба – изыди! – сказал Темуджин, глядя в глаза ночи.

Но священное прозвание Тенгри не испугало шептунов. Во тьме силы света бессильны. И Темуджин понял, что может надеяться только на себя. Он выхватил из костра пылающую ветвь, поднялся на ноги. Голоса окрепли. Они уже не шептали – выли, взвизгивая, словно голодные псы:

– Не ходи к кераитам! Остановись! Это путь смерти!

– Хасар! – закричал Темуджин, размахивая своим факелом. – Ко мне, Хасар!

Брат не отозвался. Тогда Темуджин толкнул ногой спящего Бельгутея. Тот завалился на бок, сладко всхрапнул во сне. «Один, – понял старший сын Есугея-багатура. – Я остался один. Духи Богдо-ула перехитрили меня. Но я не сдамся! Я буду сражаться, как сражался отец!»

Выхватив меч, он двинулся навстречу голосам. Ветер усилился. В лицо Темуджину полетели сорванные с веток листья, кедровые иглы, чешуйки коры.

– Я не боюсь вас! – крикнул юноша, отчаянно размахивая горящей веткой. – Моя дорога – моя судьба!

– Твоя судьба – смерть! – захочотало из тьмы.

– Я не сдамся!

– Ты умрешь!

– Нет!

Темуджин рванулся в заросли, мечом прорубая себе дорогу.

– Где вы?! Покажитесь!

Он едва успел отскочить – огромный кедр со стоном рухнул на землю в двух шагах от Темуджина. Треск веток заглушил шум ветра и проклятые голоса. Тяжело дыша, юноша опустил факел. Два шага – и ствол дерева раздавил бы его голову, как кусок сыра, переломал кости, вдавил искалеченное тело во влажный мох.

– Трусы! – Темуджин едва не плакал от бессилия.

В ответ тьма расхохоталась сотней глумливых голосов. Они доносились теперь со всех сторон и даже сверху, с затянувшегося низкими тучами неба, хрипло каркало и ухало.

«Пропаду! – пронеслось в голове Темуджина. – Сейчас пропаду... Отец! Дай знак, что слышишь меня, подскажи, что делать!» И едва только он возвзвал к давно почившему Есугею, как холодный порыв ветра донес до слуха юноши далекий волчий вой.

«Волк! – обожгла Темуджина короткая мысль. – Как я мог забыть! Или... Или это духи Богдо-ула заморочили меня?» Сунув руку под стеганый кафтан, он сжал в кулаке ледянную фигурку – и небо над головой Темуджина расколола молния. Громовой грохот сотряс тайгу, горы и едва не сбил человека с ног. Но страх перед духами уже ушел, остались только ярость и ненависть.

– Моя судьба – свет! – выкрикнул Темуджин и сунул затухающий факел в густой кедровый лапник.

Пламя весело побежало по смолистым веткам. Затрещала сгорающая хвоя. Огонь, пожирая ее, вырос, разлился окрест, убивая темноту.

– Что ты делаешь?! – в смятении закричали голоса. – Нет!  
Нет!!

– Да! – теперь уже пришел черед Темуджина смеяться. – Убирайтесь с моей дороги! Я сожгу ваши леса, я сравняю с землей ваши горы – но не отступлю. Такова воля Вечного Синего неба – и моя!

Ответа он не получил. Гудело, набирая все большую силу, пламя. Грохотал над головой гром. Темуджина шатало, как пьяного. Впервые в жизни он сложил волю Тенгри со своей. Впервые поставил себя бровень с божеством. Шаман Мунлик всегда говорил, что человек – ничто в сравнении с Вечным Синим небом и если кто-то дерзнет покуситься на такой порядок вещей, кара не заставит себя ждать.

Темуджин дерзнул – и теперь ждал возмездия. Оно пришло быстро. Огонь, охватив кусты и деревья окрест, заключил юношу в кольцо. Темуджин уже чувствовал на лице обжигающее дыхание сотворенного им пожара. Трещали, курчавясь, волосы, затлела одежда. Духи оказались правы – он не сумел перехитрить судьбу. И подчинить ее себе он тоже не смог. Сгореть заживо – найдется ли смерть ужаснее этой? Надо молить Тенгри о милости, надо поклониться Вечному Синему небу и просят пощады...

– Никогда, – сказал огню Темуджин. – Мольба – удел слабых. Я – Темуджин Бордигин, сын Есугея-багатура! Я не отступлю!

Ливень хлынул с небес сплошной стеной. Огонь опал, зашипел, точно тысяча змей, все вокруг заволокло белесым дымом. Темуджин закашлялся, упал на одно колено, вонзив в землю меч.

– Брат! Ты где, брат?! – послышались позади взъерошенные голоса Бельгутея и Хасара.

– Здесь... – отозвался Темуджин и без сил распростерся в мокрой золе.

...Ставка хана керайтов Тоорила раскинулась на высоком берегу реки Туулы. Маленький отряд сыновей Есугея здесь встретили радушно. Тоорил вместе со своими нойонами сотворил молитву распятому богу Есусу, которому поклонялись керайты, затем повелел приготовить кушанья для дорогих гостей.

В ожидании пира, жмуря и без того узкие глаза, он угождал Темуджина и его братьев ароматным кумысом, вел степенные речи о здоровье родственников, об охоте, о том, как обстоят дела в дружественных племенах и родах.

– Есугей-багатур, да не знает его душа в райских кущах ни в чем отказа, был мне названным братом, андой. Вы, его дети, мне как родные сыновья, – говорил Тоорил. – Почему так долго не приезжали? Темные слухи доносили до ушей моих. Трижды тридцать раз оплакал я тебя, Темуджин.

– На все воля Вечного Синего неба, – отвечал юноша. – Я рад, что обрел отца. Как покорный и любящий сын, привез я тебе, о Тоорил Кераитский, подарок. Бельгутей!

Брат кинулся к выходу из ханской юрты, вернулся с тюком. Ножом взрезав стягивающие ремни, он развернул перед Тоорилом соболью шубу. В пламени факелов и масляных ламп мех заиграл, рассыпая тысячи искорок.

Хан кераитов от удивления положил палец в рот, глаза его округлились. Поднявшись с ханского ложа, Тоорил на криевых ногах заковылял к расстеленной на войлоке шубе, принялся, цокая языком, ощупывать подарок. Темуджин помог названному отцу облачиться, провел рукой по пушистому меху.

– Воистину, это дар от царя царю! – проговорил Тоорил, улыбаясь.

Он обнял Темуджина, потом Хасара и Бельгутея. В юрту заглянул нукер, сказал, что кушанья готовы. Вождь кераитов вышел из юрты, не снимая шубы. Нойоны и сыновья Тоорила начали громко хвалить удивительное одеяние, тревожно переглядываясь. Многие поняли – сыновья Есугея приехали не просто так. Но пока не было съедено все мясо и выпита вся арха, о делах речи не заводилось – таков степной обычай.

И лишь когда сам Тоорил перевернул свою золотую чашу кверху дном и вытер рукавом блестящий от бараньего жира рот, да-

вая понять, что сыт и доволен, Темуджин подсел поближе к хану, чтобы поведать ему о своей нижайшей сыновней просьбе.

Он так и сказал, чем немало польстил сыто отдувающемуся Тоорилу.

– Возлюбленный сын мой Темуджин, – напыщенно заговорил хан, – нет на этом свете ничего такого, в чем бы я тебе отказал.

– Керайтские воины славятся своей доблестью от одного края мира до другого, – осторожно начал Темуджин, поглядывая на братьев.

Здоровяк Хасар растянулся на узорчатых коврах у ног Тоорила, блаженно улыбаясь. Арха увела его на небесные луга, в страну грез. Худощавый Бельгутей, выпивший не меньше, напротив, был сосредоточен, сидел прямо и внимательно прислушивался к словам брата.

– Не раз бились багатуры-керайты плечом к плечу с монголами против общих врагов, – продолжил Темуджин.

Тоорил прикрыл глаза и стал похож на спящего, но узловатые пальцы хана, быстро-быстро перебирающие жемчужные четки, свидетельствовали о том, что владыка керайтов внимательно слушает.

– Козни недругов и злые сердца ложных друзей привели ныне наш род к прозябанию. Отец мой, могущественный Тоорил! Дай мне воинов своих, чтобы восстановить улус отца! Я прошел через забвение, через голод и нищету, я носил кангу, но смерть отступилась от меня. Горные духи Богдо-ула не смогли одолеть меня. Вечное Синее небо позволило мне вознести волю мою бровень со своей. Я не опозорю памяти твоего анды Есугея-багатура. Дай мне воинов, отец!

Тоорил выпустил из пальцев четки, задумчиво пощипал реденькую бородку.

– Сын мой Темуджин. Речи твои удивительны, но правдивы. Ты храбр. Ты умен. Большое начинается с малого. Но...

– Половина всего имущества, захваченного в куренях таджи-утов – твоя, отец, – быстро сказал Темуджин.

Хан керaitов засмеялся – точно ворон закаркал.

– А ты не просто умен, ты мудр, Темуджин Борджигин, сын мой возлюбленный! Ха-ха, отныне твои враги в большой опасности. Хорошо!

И подняв грузное тело, Тоорил выпрямился и громогласно объявил, подняв руку с четками:

– Эй, слушайте все! В знак благодарности за сыновью любовь и почтение, в ответ на царский подарок – вот эту соболью шубу, я говорю Темуджину, сыну Есугея-багатура, брата моего: я сберу твой рассеянный улус, как собирает хозяин для гостя лучшие куски бараньей туши. Таково мое слово. Амен!

– Амен! Во славу Есуsa! – закричали со всех сторон.

Темуджин бросил быстрый взгляд на Бельгутея. Сводный брат побледнел, смешался, но нашел в себе силы изобразить улыбку...

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### Черный поток

Шаг, другой, третий. Ремень тяжелого «Бура» оттягивает плечо. Перед глазами мельтешат черные точки. Господи, когда же все это кончится? Очередной подъем, бесконечный, выматающий подъем. Что ждет нас на склоне безымянной горы? Скальный гребень, ведущий к следующей вершине? Неприступная стена утесов, через которые нам не перебраться без альпинистского снаряжения? Пропасть, рассекающая каменную плоть? Или засада и пули, праведные, честные пули мстителей?

– Стой! – кричит сзади Нефедов.

Я останавливаюсь. Мне неинтересно, почему профессор решил остановиться. Передышка – это хорошо. Но эмоций не осталось. Сажусь на камни, прикладываюсь к бутыли с водой. Ее запас мы пополняем ежедневно – в здешних горах множество ручьев и речек.

Профессор подходит ко мне, сваливает мешки, достает карту-генштабовку. Судя по дате, творение армейских топографов отпечатано накануне ввода наших войск в Афганистан. Нефедов шуршит бумагой, пытаясь понять, где мы находимся. Наконец очерчивает ногтем неровный овал.

– Смотри: на северо-восток от нас, прямо за этой горой, перевал Караболь.

Я киваю. Перевал – так перевал. Караболь – так Караболь.

– Мы в любом случае упремся в него. Надо решать: или мы идем вдоль перевала на север и спускаемся в уезд Ишкашим, или движемся на юг, в Нуристан. Или...

- Что «или»?
- Или выбираем третий путь: через перевал. Тогда у нас впереди долина Пянджа и Ваханский коридор.
- Что за коридор такой?
- Он откладывает карту, снисходительно улыбается растрекавшимися губами.
- Узкая полоса афганской территории, отделяющая бывшие английские владения в Азии от бывшей Российской империи. Теперь Ваханский коридор отделяет СССР от Пакистана и Индии. А торцом своим он выходит в Китай. Артем, мне надо знать, куда тебя ведет конь. Иначе мы попросту погибнем в этих горах.
- Мы и так погибнем, – эту фразу я произношу равнодушно, просто констатируя факт. – Нас убьют не горы, а люди Надир-шаха. И правильно сделают.
- Не убьют, – бодро заявляет Нефедов. – Вчера мы, похоже, оторвались от них.
- Отрицательно качаю головой. Я чувствую погоню. Я знаю, что мстители идут за нами. Иногда мне даже кажется, что я вижу этих суровых, бородатых, облаченных в овчины людей, пробирающихся по нашему следу.
- Артем, – окликает меня профессор. – Ты что, уснул? Потерпи, осталось немного. Скажи, куда тебя зовет конь?
- «К пику Хан-Тенгри», – едва не срываются у меня с языка. Что-то я совсем раскис. Чтобы скрыть замешательство, тянусь к карте. Нефедов услужливо подсовывает ее мне под руки.
- Хан-Тенгри находится за краем бумажного листа. Я помню – пик расположен на границе между Китаем и СССР. Ваханский коридор граничит с китайской территорией. Стало быть, проще всего попытаться добраться до усыпальницы Потрясателя Вселенной через Китай. В любом случае мы не можем возвращаться в Советский Союз. Мы – дезертиры. Кроме того, на мне, возможно, висит смерть Генки Ямина. Такие вот невеселые дела...

Тычу грязным ногтем в голубую ниточку реки Пяндж.

– Мы идем туда.

– В Вахан? – оживляется Нефедов. – Но почему?

– Нам надо в Китай.

Профессор едва ли не подпрыгивает на месте. Лицо его све-тится торжеством.

– Все же Китай! – восклицает он, потирая руки, и тут спра-шивает сам у себя: – Но где? Джунгария? Кашгар? Внутренняя Монголия? Тогда почему мы здесь? А, Артем?

Последний вопрос адресован мне. Пожимаю плечами. Нефе-дов несколько секунд ждет, но так и не получив ответа, начина-ет рассуждать вслух:

– Чингисхан умер или погиб во время войны с тангутами, с империей Си Ся. Считается, что после смерти его тело отвезли в Монголию и там похоронили, но все попытки обнаружить мо-гилиу оказались тщетными. Ты знаешь, что ее ищут уже семьсот лет? Ищут сами монголы, ищут китайцы, русские, англичане, немцы, американцы, японцы... Я всегда был уверен, что Чин-гисхан похоронен в другом месте, не на родине. Значит, Ки-тай... Интересно, интересно. Стало быть, Пржевальский был прав!

– При чем тут Пржевальский?

– А ты вообще знаешь, кто это?

– Путешественник. Лошадок диких нашел, с тех пор их так и называют – лошади Пржевальского, – устало бормочу я и ло-жусь на камни.

Мне все надоело. Я не понимаю радости Нефедова. Мне хо-чется тишины и покоя...

– Лошадок! – фыркает между тем профессор. – Во-первых, Ни-колай Михайлович Пржевальский был офицером Российского Генштаба, членом Русского географического общества. Уча-ствовал в подавлении польского восстания, имел награды от императора. Во-вторых, он предпринял несколько экспедиций

в Азию – в Монголию, Китай. Оставил после себя множество научных трудов, составил карты, которыми наши военные пользовались до тридцатых годов. Его именем назван горный хребет на Кунь-луне. В-третьих, по слухам, он – отец Сталина. А ты говоришь – лошадки...

– Отец Сталина? – я нахожу в себе силы улыбнуться. – Каким образом?

– Это темная история. Пржевальский якобы останавливался в селении Гори и снимал комнату по соседству с семейством Джугашвили. Глава семьи в этот момент отсутствовал – уехал на заработки. А через девять месяцев родился мальчик, названный Иосифом. Будущий Сталин. В пользу этой версии говорит невероятное портретное сходство. Это просто одно лицо!

Я смеюсь в голос. Развлек меня профессор, что и говорить! Одно лицо... А Ленин и Хошимин – братья по матери, ха-ха!

– Но главное – не это! – Нефедов отбегает на несколько шагов и, отчаянно жестикулируя, едва ли не кричит. – Пржевальский в своих экспедициях вольно или невольно повторял маршруты походов армий Чингисхана! Он исследовал местность, опрашивал аборигенов, особенно стариков и лам, хранителей древних легенд и сказаний. Я уверен – он тоже искал... Жаль, судьба оказалась жестока к этому удивительному человеку.

– А что с ним случилось?

– Во время своей последней экспедиции, в Кашгарии, на реке Аксу, он подхватил какую-то заразу. Экспедиция едва успела вступить на территорию Российской империи через перевал Бедель, это рядом с пиком Хан-Тенгри, как Пржевальскому стало плохо. Он проболел некоторое время и умер в городе Каракол, теперь он называется Пржевальск. Николая Михайловича похоронили на берегу озера Иссык-куль в двойном гробу – деревянный вложили в железный. Так хоронили в Древней Азии вождей и правителей...

Он еще что-то говорит, сверкая глазами, а я сижу как пораженный громом.

Пржевальский искал могилу Чингисхана, причем явно – настоящую могилу. Он знал! И почти нашел ее! Если бы не болезнь, этот усатый путешественник наверняка обшарил бы окрестности Хан-Тенгри.

Конечно, вряд ли он хотел оживить Потрясателя Вселенной. Золото и прочие сокровища его тоже не интересовали – они находятся в обманной могиле на Хантае.

Что было нужно Пржевальскому? Скорее всего, то же, что и Нефедову.

Волк. Могущественный предмет, вызывающий страх у врагов. Гунны с помощью волка завоевали едва ли не половину мира, сокрушив непобедимую Римскую империю. Чингисхан пошел дальше и создал величайшее в истории государство. И все это благодаря волку.

Передо мной вдруг, впервые за все время, открывается некая моральная сторона проблемы: а ведь если Чингисхан возродится к жизни, он начнет войну. Он этого хотел еще тогда, перед смертью. У войны этой будут благие, как он считает, цели. Но это будет война, и вести ее будут люди нашего времени, с нашим оружием. А значит – миллионы погибших, разрушенные города, выжженные земли, кровь и смерть.

Так, может быть, не стоит тревожить тело великого завоевателя? Пусть почнет вечно в ледяной пещере под Хан-Тенгри вместе со своим волком?

Или отдать волка? Вот тому же Нефедову? Хм... А ведь человек, хладнокровно бросивший умирать раненого, получив в руки такой предмет, может натворить бед еще больше, чем сын Есугея-багатура. У того были хоть какие-то, пусть и дикарские, но принципы. А у профессора? Он сам сказал: во имя достижения цели можно пойти на все.

– Ты слушаешь? – Нефедов нависает надо мной, пытаясь понять, о чем я думаю.

– Ага. Игнат, скажи пожалуйста – как ты нашел меня? Как ты узнал про мой предмет?

Он отодвигается, в задумчивости скребет бороду.

– Хорошо, но давай откровенность за откровенность: ты скажешь, куда он тебя ведет, – и видя, как изменилось мое лицо, поспешно добавляет: – Хотя бы примерно, идет?

– Идет. Но ты первый.

– Нет, ты!

– Ты!

– Детский сад! – раздраженно выкрикивает Нефедов. – Ладно, слушай: я много работал в архивах и нашел упоминания о странной шкатулке, передававшейся из поколения в поколение в роду потомков Елюй Чу-сая. Мне удалось проследить историю вашей фамилии. Я обнаружил, что Чусаевы живы до сих пор. Я даже видел шкатулку!

– Видел?!

– Ну да. Лет пять назад я встречался с твоим ныне покойным дядей. Представился любителем древностей, предлагал купить у него шкатулку, да он отказался. Ну, а дальше ты знаешь – Николай Севостьянович умер, шкатулка по наследству досталась тебе. Наше знакомство в гостинице «Татарстан»...

– Было не случайным?

– Да.

Я зло матерюсь.

Нефедов иронично улыбается. Сволочь! Пересиливаю желание схватить «Бур» и выстрелить в его выпуклый потный лоб. Одному мне в горах не выжить, это раз. А два – я не он. Я не стану стрелять в безоружного. Хотя у него же есть пистолет. Но все равно – не стану.

Чтобы отвлечься и успокоиться, спрашиваю:

– У тебя есть предмет?

– Нет, – Нефедов проводит большим пальцем над бровями. – Глаза. Видишь? Если бы я владел предметом, они поменяли бы цвет, вот как у тебя. Кстати, именно то, что твои глаза стали разноцветными, подтвердило мои догадки о предмете в шкатулке.

– А откуда ты узнал? Вроде в гостинице у меня все еще было в норме?

– Один твой приятель рассказал. Не бесплатно, конечно.

– Бики?

– Нет, его звали Виктором.

– Витек?!

Скриплю зубами. Положительно, сегодня день неприятных новостей и открытий. Витек Галимов, верный мой друг с самого детства, оказался стукачом. За моей спиной за деньги – за деньги! – он рассказывал обо мне Нефедову. Вот и верь после этого людям...

– Мне, конечно, стоило немалых трудов держать тебя в поле зрения. А когда я увидел, как действует конь, как он коверкает твою судьбу, то даже испугался, – продолжает вешать профессор. – Сложнее всего оказалось с Афганистаном. Но я хитрый. И умный.

– Не то слово.

Неожиданно он отрывисто приказывает:

– Теперь ты!

Теперь я... Вроде бы я обязан сказать правду; как известно, уговор дороже денег. Но у меня есть твердая убежденность: таким, как Нефедов, нельзя давать в руки власть. А волк – это именно власть, безграничная и жестокая.

Собираюсь с духом и медленно произношу:

– Твой Пржевальский был прав. Он почти нашел. И умер буквально в двух шагах от...

– От чего?! От могилы или тайника?

– Я не знаю, – пряча глаза, отвечаю я, а про себя думаю: «Я и так сказал достаточно».

– Но хоть как называется то место? – Нефедов хватает меня за грудки, трясет. – Говори! Говори, ну же!

– Не знаю! Не помню...

– Врешь, гад!

– Да пошел ты!

– Убью!! – ревет Нефедов, оскалившиесь.

И тут я начинаю хохотать.

– Не-е-ет, Игнат батькович, теперь ты меня точно не убьешь!

Наоборот – будешь беречь, как родного отца.

Он разжимает руки, отходит, бормоча под нос:

– И все же я был прав... Пржевальский почти нашел... Пере-вал Бедель... Киргизия... И впрямь лучше через Китай... А ведь я знал, чувствовал! Я гений!

– Сволочь ты, – я поднимаюсь с холодных камней, смотрю вниз.

– Это не важно, – Нефедов взваливает на себя мешки. – Ну, теперь наш путь прост и ясен, хотя и, как поется в песне, далек и долг. Мы идем через перевал в Вахан.

– Не спеши, – я указываю на темные фигурки, мелькающие у подножия горы. – Оторвались, говоришь?

Хлопает выстрел, за ним второй. Значит, они тоже заметили нас. С такого расстояния – а это верные полтора километра – попасть в человека без оптики нереально. Но на всякий случай мы пригибаемся и со всех ног торопимся уйти из зоны обстрела.

Нас ждет перевал Караколь. По странному стечению обстоятельств его название и название города, в котором умер Пржевальский, очень похожи. Каракол и Караколь. Черный поток – так переводится это название. Есть в нем что-то зловещее. Впрочем, чего гадать: поживем – увидим.

Очень холодно. До сегодняшнего дня я даже не представлял, насколько ужасная это вещь – пронизывающий буквально до костей холод. Здесь, на леднике, от него нет спасения, нет лекарства. Мы натянули на себя все, что только можно, даже

ковровые мешки превратились в импровизированные безрукавные куртки с капюшонами. И все равно холод медленно, но верно убивает нас. А ведь мы еще не достигли перевала! О том, что ждет нас там, наверху, страшно даже подумать.

При всем при том нам, в сущности, отчаянно везет. Стоит ясная, солнечная погода, возвышаются пики Гиндукуша, завораживая своей красотой. Ослепительно блестает лед на вершинах, синеют подернутые еле заметной дымкой склоны. В ущельях залегли густые, почти черные тени. Воздух чист и свеж. В другое время я бы с восторгом созерцал все это великолепие.

Мы идем по леднику весь день. С двух сторон над нами нависают безымянные горы. Левая увенчана ледяной шапкой, правая наполовину голая. Ее черная вершина скособочена, склон зияет огромной выемкой. Между горами – просвет. Это и есть перевал Караколь. Почему его так назвали? О каком черном потоке идет речь? Нефедов не знает, я тоже.

Снег, точнее, фирн<sup>1</sup> под ногами плотный, ветра нет. Но морозное дыхание ледника пронзает наши тела миллионами невидимых игл. Я опираюсь на «Бур», как на посох. Пальцы примерзают к стальному стволу винтовки. Нефедов советует мне обвязать кисти рук кусками ткани, оторванными от подкладки халата. Пытаюсь сделать это – и не могу. Нет сил. Тогда профессор зубами раздирает материю, рвет ее на узкие ленты.

Далеко внизу, на белом фоне четко видны темные точки. Их двадцать одна. «Очко», как говорят картежники. Это люди Надир-шаха. Я поражаюсь их упорству и желанию отомстить. Мы достаточно далеко оторвались от преследователей у подножия ледника, но теперь расстояние между нами сокращается с каждым часом.

Вдруг Нефедов приглушенно вскрикивает.

Я вскидываю голову, щурюсь – в солнечном свете снега сияют просто нестерпимо. Профессора нет. Только что он брел метрах в пяти впереди меня и вдруг исчез. Что за черт?

---

<sup>1</sup> Слежавшийся зернистый снег, промежуточная стадия между снегом и льдом

– Игнат? Игнат, ты где?

– Зде-есь! – доносится словно бы из-под земли.

Иду вперед и останавливаюсь. Передо мной зияет темная щель.

Трещина. Я читал, на ледниках такие бывают. Именно из-за них профессиональные альпинисты обвязываются страховочными веревками. Мы – не профессионалы, да и веревки у нас нет.

Опускаюсь на колени, заглядываю в трещину. Она довольно широкая, метра полтора, и очень глубокая. Темно-зеленые, малахитовые ледяные стены уходят вниз, во мрак.

Нефедов висит, ухватившись обеими руками за косой выступ примерно в метре от края трещины. Его выпущенные глаза похожи на шарики от пинг-понга, на которых неведомый шутник нарисовал черным фломастером два кружка. Черным – потому что зрачки профессора расширились от страха во всю радужку.

– Помоги! – хрипит он.

Легко сказать. А как? Даже если я лягу на край трещины и опущу руку, то вряд ли вытащу Нефедова – он тяжелее меня. К тому же сил у меня едва хватает, чтобы переставлять ноги.

– Помоги!! – в голосе профессора слышатся отчаяние и обреченност. – Пожалуйста!

Замечаю, что у меня трясутся руки. Не от холода – холод отступил, сейчас не до него. Я просто не знаю, что делать. Гибнет человек. Пусть не самый лучший, пусть временами подонок, но человек! Если он сорвется в трещину, улетит в зловещий мрак, тогда – все. Конец. И ему, и мне, правда, не сразу.

– Арте-ем, спаси! – воет Нефедов.

– Да заткнись ты! – со слезами в голосе кричу я.

Что делать? Что?!

И тут приходит спасительная мысль: «Винтовка! Ну конечно, это же выход!».

Подтягиваю «Бур» к себе, берусь за мокрый ремень и опускаю оружие прикладом вниз в трещину.

– Хватайся!

– Ага! – обрадованно выдыхает Нефедов.

– Я буду стараться удержать ее, а ты упирайся ногами и лезь!

Это я здорово сказал: «Буду стараться». Едва только профессор повисает на винтовке, я начинаю сползать в трещину. Распластавшись на пупырчатом фирне, пытаюсь свободной рукой нашарить хоть какой-нибудь бугорок или выемку, чтобы зацепиться. Не тут то было – поверхность ровная, как гранитная плита. Только крохотные пупырышки. Впиваюсь в них ногтями, скольжение чуть-чуть замедляется.

– Ы-ы-х! – стонет Нефедов, выбираваясь из смертельных объятий трещины. – Потрепи-и-и, я щас...

Руку, которой ядерживаю ремень «Бура», сводит судорогой. Еле успеваю перехватить винтовку другой рукой, и сразу же профессор подтягивает меня к самому краю. Еще миг – и мы оба полетим вниз.

– Есть! – грязная пятерня Нефедова появляется из трещины, следом перехватывает ствол винтовки вторая. Вот уже и лохматая голова закачалась в поле моего зрения. Опервшись на локти, мой спутник отпускает «Бур» и тяжело переваливает свое грузное тело через край.

– А-а-а, все! – он дышит так часто, как будто пробежал марафонскую дистанцию.

Я улыбаюсь. Пальцы сами собой разжимаются – у меня нет сил держать винтовку на весу. «Ли-Эн菲尔д» модификации «Бур», прощально блеснув шляпками золотых гвоздиков на прикладе, улетает в трещину.

Что ж, так оно, может быть, и лучше. Этот ухоженный человекобой заслужил века покоя. Нам он не поможет – на всех предследователей элементарно не хватит патронов...

Ледяные морозные когти вновь пробираются сквозь одежду, цепко сжимают сердце. Надо идти. Вставать и идти, пусть и безо всякой надежды.

Нефедов поднимается первым, достает из-за пазухи «Макаров», протягивает мне.

– На. Все одно из меня стрелок, как из шахтера балерина.

Сую пистолет в карман. В голове – странный звон. То ли от напряжения, то ли от холода. Перед глазами все плывет, горы двоятся. Черная обглоданная вершина справа кажется разверзнутой пастью исполинского чудовища. Небо из голубого становится густо синим. Солнце висит надо мной, как лампочка.

Потом я слышу шепот. Тихий, вкрадчивый шепот, идущий ниоткуда.

– Остановись, человек... твой путь завершен... здесь твой последний приют... Присядь, дай отдых натруженным ногам... Остановись...

Я испуганно вскрикиваю, начинаю оглядываться, машу руками. Белизна снегов режет глаза. Слезы замерзают на щеках.

– Чего ты? – Нефедов пытается поймать мой взгляд. – Э-э-э, парень! Стой! Да стой же ты! Ну-ка...

Его голос отрезвляет меня. Жуткий шепот в ушах стихает. Я дрожжу, закрываю лицо ладонями. Профессор отрывается еще один лоскут от подкладки своего халата, завязывает мне глаза. Сквозь темную ткань видно плохо, но резь проходит. Я вспоминаю про снежную слепоту – бич полярников и альпинистов. Да, только этого не хватало.

– Так лучше? – с тревогой в голосе спрашивает Нефедов.

– Нормально.

– Идем. До темноты мы должны одолеть перевал.

Идти становится труднее, мы поднялись высоко и здесь ледник покрывают довольно глубокие снега. Теперь мы движемся намного медленнее – профессор сперва проверяет ногой снег

впереди, потом делает шаг. Ни он, ни я, точно сговорившись, не оборачиваемся. А зачем? И так ясно, что люди Надир-шаха догоняют нас. Все может закончиться в любую минуту – выстрел, вспышка боли и темнота...

Шепот накатывает на меня вновь ближе к полудню. Те же призрачные голоса, те же слова:

– Остановись, человек... Присядь, дай отдых натруженным ногам... Остановись...

– Игнат! – окликаю я Нефедова. – У меня это... слуховые галлюцинации, короче.

– Это духи гор, – серьезно отвечает профессор. – Не слушай их. Думай о хорошем. Пой песни, только про себя. Не поддавайся!

Легко сказать. Как я могу думать о хорошем, если зловещие слова возникают прямо в голове?

– Твой путь завершен... завершен... завершен... Здесь твой последний приют... Остановись!

Потом приходят видения из прошлого. Сквозь повязку, закрывающую мне обзор, я вдруг ясно вижу майора Киверова. В пыльной хэбэшке с автоматом, он шагает рядом со мной и снег отчетливо хрустит под его сапогами.

– Не бойся, воин, прорвемся, – улыбается Киверов.

Жутко видеть эту вполне человеческую улыбку на мертвом лице – у майора снесено полголовы.

За Киверовым является тот самый блатнюк, которого я отоварил в поезде и который потом отдал меня в ресторане.

– Все, фраерок, приплыл ты, – косо ухмыляется он. – Сколь удавочке не виться, все одно затянется. Кранты тебе. Замочат вас, оленей, чертилы местные, на глушняк посадят.

– Сгинь! – говорю я уголовнику.

Он исчезает. Появляется Надя.

– Почему ты меня не любишь? Ведь я хорошая, Артем! Правда, я хорошая! И фигура у меня нормальная, и все остальное... Артем, вернись, пожалуйста! Я тебя очень прошу!

Я крепко зажмуриваю глаза. Никакой Нади здесь нет.

– Артем! Почему ты молчишь? Ты все время молчишь!

Надя. Опять она. Никуда не делась, идет рядом. Надя изменилась. Она стала ярче краситься, заимела вышитую гуцульскими узорами дубленочку, сапоги-чулки и вообще превратилась в какую-то куклу.

– Привет! – первой начала разговор Надя. – Как поживаешь?

Она улыбалась, всем своим видом давая понять – вот, мол, какая я, сама сделала первый шаг, цени, Новиков!

– Привет, – мой ответ был сдержаным, без эмоций. Для себя я все давно решил, Надя уже в прошлом. Но иногда прошлое вторгается в настоящее, особенно если оно живет с тобой в одном подъезде.

– А я на Новый год в Трускавец еду, – сказала Надя и искоса посмотрела на меня.

– Везет тебе, – я изобразил полуулыбку.

– У нас путевки. Группа, семь человек, – продолжила она. – Нелька, Светка, Венерка, я, Роберт, Саша Симагин и...

Последовала драматическая пауза. Ясно, сейчас я услышу ГЛАВНУЮ новость.

– …И Геннадий Павлович, – закончила Надя, облизнув кончиком языка накрашенные губы. – Он – доцент с нашей кафедры и куратор нашей группы.

– Ну, удачно вам съездить, – я обошел девушку, сделал шаг, другой.

– Он мне предложение сделал! – в отчаянии крикнула Надя. – Он молодой, тридцать один год всего! У него «Жигули», тройка! Понял!

– Да понял, понял, – не оборачиваясь, усмехнулся я. – Совет вам да любовь...

И вот теперь она идет рядом и канючит:

– Арте-е-ем! Ну Арте-е-емка...

А еще она приезжала ко мне в армию.

– Уходи! – кричу я в отчаянии. – Потом поговорим! Потом!

– Тихо, – Нефедов пытается зажать мне рот рукой. – Не ори! В горах нельзя издавать громкие звуки...

Где я? Срываю повязку, оглядываюсь. Ого, а мы, оказывается, прилично протопали с того момента, как профессор сорвался в трещину. Обглоданная вершина прямо над нами. Темные точки внизу превратились в человеческие силуэты.

Догоняют.

– Тихо! – Нефедов пытается надеть на меня повязку. Сам он в такой же, и от того похож на слепца с картины Брейгеля.

Если слепой поведет слепого, все упадут в яму. Так говорил царский генерал в романе «Бег». Генерал сошел с ума. А я? Я еще нормален? Ну конечно, нормален! Все в порядке, это просто духи гор морочат меня. Смешно. Духи существуют! Ха-ха! Надо же, духи! Они умеют шептать страшные слова и показывать картинки из прошлого. Но нам, сильным людям, духи ни почем!

Черт, что за чертовщина из меня лезет? О, песня! Нефедов сказал – петь про себя. Что ж, буду петь. Что-нибудь подходящее к моменту. Например, из фильма «Вертикаль», там у Высоцкого четкие песни.

И я начинаю бормотать себе под нос знакомые с детства строчки:

– А до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою...

Звон в голове стихает. Исчезает Надя. Странная легкость охватывает меня. Я слышу звуки гитары и хриплый голос Высоцкого, чеканящий слова:

– Мерцал закат, как блеск клинка.

Свою добычу смерть считала.

Бой будет завтра, а пока

Взвод зарывался в облака

И уходил по перевалу.

Вот это здорово! Это правильная песня. И нет никакой усталости, никаких духов. Припев мы поем вместе:

– Отставить разговоры

Вперед и вверх, а там...

Ведь это наши горы,

Они помогут нам!

Высоцкий хрипит следующий куплет. Я подпеваю. Немцы идут на нас цепью, с автоматами наперевес. Они спускаются со стороны черной вершины, и у каждого на кепи серебром сверкает эмблема – цветок эдельвейса. Это враги, которых нужно уничтожить.

– Ты снова здесь, ты собран весь,

Ты ждешь заветного сигнала.

А парень тот, он тоже здесь.

Среди стрелков из «Эдельвейс».

Их надо сбросить с перевала! –

ревет Высоцкий.

Я достаю пистолет, начинаю стрелять и с каждым выстрелом выкрикиваю:

– Отставить разговоры

Вперед и вверх, а там...

Ведь это наши горы,

Они помогут нам!

Удар! Темнота. Песня заканчивается. Я открываю глаза и понимаю, что лежу на снегу. Нефедов стоит в двух шагах от меня, на его лице – злоба и отчаяние.

– Что... что это было? – спрашиваю, с трудом шевеля распухшими губами.

– Горная болезнь. От недостатка кислорода.

Оглядываюсь. Вижу поодаль «Макаров». Вокруг горячего ствола вытянуло и пистолет ушел в снег по рукоять.

И тут ледник подо мной ощутимо вздрогивает – раз, другой, третий.

– Что ты наделал... – шепчет профессор.

Он смотрит не на меня, а куда-то вверх. Я поднимаю голову и вижу, как ледяная стена, подпиравшая черную, обглоданную вершину, рушится. Сквозь трещины прорываются струи темной, грязной воды. Проходит секунда и прямо на нас несется ревущий поток.

– Озеро! – кричит Нефедов. – Там подо льдом было озеро! Все, Артем Новиков, ты нас убил... Урод!

Он еще что-то кричит, брызгая слюной, но я его не слушаю. Я заворожено смотрю на торжество стихии. Взбесившаяся вода вперемежку со льдом и камнями несется по леднику со скоростью курьерского поезда. В воздухе над потоком висит туман. Искрится на солнце снег. Рев нарастает. Ледник под ногами дрожит как в лихорадке.

Наверное, это можно назвать чудом. А быть может, нас спасла небольшая возвышенность, на которую мы поднялись за несколько минут до того, как я открыл стрельбу. Ледяной сель проносится буквально в метре от меня и катится вниз, туда, где некоторое время назад прошли мы, а сейчас мечутся по снегу наши преследователи.

Они обречены. Вырвавшись на простор, сель растекается по груди ледника и накрывает всех людей Надир-шаха. Проходит минута, другая, наступает тишина.

– Ну, ты везунок! – с плохо скрываемой злостью произносит Нефедов.

Я пожимаю плечами. А что говорить? Действительно, повезло. Нам – да, им – нет. Судьба. Или все же духи гор?

– Теперь понятно, почему этот перевал называется Караколь, – немного успокоившись, Нефедов подбирает «Макаров». – Ого, все патроны успел высадить. Ладно, что случилось – то случилось. Пошли.

И мы идем. После всего произошедшего меня пошатывает. Стынут ноги. Из медпункта я бежал в одних резиновых тапоч-

ках. В мешках Надир-шаха нашлись обычные галоши – в Афганистане это очень распространенная обувь, тут в них ходят все – и мужчины, и женщины. Я намотал на ноги разное тряпье, но эти импровизированные портянки не помогают, я не чувствую пальцев ног. Нефедову легче – у него добротные офицерские сапоги и шерстяные носки.

Ловлю себя на мысли, что сейчас, после всего случившегося, могу думать о таких прозаических вещах как носки, портянки. Мистика гор едва не свела меня с ума. Если бы раньше мне сказали, что вот так, ясным днем, при свете солнца, абсолютно трезвый, пусть и уставший, человек может начать заговариваться, видеть и слышать духов, а потом впадает в безумие – ни за что бы не поверил.

– Это еще ничего, – успокаивает меня Нефедов. – Про группу Дятлова слыхал? Мне представить страшно, что им довелось пережить перед смертью.

– Что еще за Дятлов?

– Потом как-нибудь расскажу. Давай, прибавь. До перевала уже рукой подать.

И я прибавляю шаг, хотя окоченевшие ноги еле слушаются.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

### Потаенный тракт

На перевал мы поднимаемся, когда солнце уже наполовину скрылось за горами на западе. Закатные лучи бьют нам в спину. Наши длинные фиолетовые тени лежат на снегу, точно нарисованные. Отсюда открывается потрясающий вид на две горные цепи, уходящие в темнеющую даль. Снега на вершинах горят алым. Между ними, внизу, лежит во мгле долина. По ней вьется серебряная ленточка реки. Это Пяндж. Вдоль склонов правой гряды изгибается светлая полоска. Скорее всего, караванная тропа или дорога, хотя на карте Нефедова никакой дороги не отмечено.

Дует сильный ветер. Холодный воздух с ледника перетекает гребень и скатывается по склону. Я вижу, как рождаются облака, когда теплые потоки из долины поднимаются вверх и мгновенно сгущаются в плотный туман, уносимый ветром неведомо куда, может быть, даже к нам, в далекую Россию.

– Крыша мира. Полжизни за такую картину, – глубокомысленно изрекает Нефедов.

– Во мне как раз полжизни и осталось, – бормочу я и закашливаюсь. Грудь режет, словно ножом.

Профессор кидает на меня встревоженный взгляд.

– Ты мне еще заболей тут.

– Да нет, я просто поперхнулся. Попить бы.

Бутыль с водой у Нефедова в рюкзаке. Он расстегивает клапан, сует руку внутрь, вытягивает глиняное горлышко и чертыкается. Вода замерзла и разорвала бутыль.

– Нафига ты самогонку вылил? – вытряхивая осколки и куски льда, задает профессор риторический вопрос.

Я молчу. Ветер усиливается. Надо спускаться. Меня колотит, зуб на зуб не попадает. Нефедов щупает мокрой рукой мой лоб и снова поминает черта.

– Температура у тебя. За тридцать девять, факт. На вот, анальгин пожуй. Других лекарств нет.

Сую в рот сразу две таблетки. Анальгин горький, как хина, и от этой химической горечи сразу сводит желудок. Температура – это очень плохо. Надо искать людей. Тут, в предбаннике Ваханского коридора, вероятность напороться на наши части минимальна. Душманы, вроде, тоже сюда не заходят. Зато полным-полно контрабандистов. Запретный промысел – носить по горам через границы разный товар – местные жители освоили в незапамятные времена. Границ тут хватает. Налево наш Таджикистан, направо – Пакистан и Индия, прямо – Китай.

Солнце исчезает. Мы спускаемся с перевала практически в полной темноте. Язык ледника с этой стороны очень короткий и вскоре под ногами начинают шуршать мелкие камешки. За время спуска я дважды ложусь и отдыхаю. Сил совсем не осталось.

Ночуем на обочине той самой дороги, что видели сверху. Анальгин на какое-то время сбивает температуру, но к утру она поднимается снова. Первые лучи солнца, брызнувшие мне в глаза из-за гор, я встречаю с невероятным облегчением. У меня появилась навязчивая идея, фобия – я боюсь умереть ночью. Точнее, не так: в голове засела мысль – если я умру, то именно ночью. Ночь – время зла. Я сижу на укатанной щебенке и вслух рассуждаю об этом. Свет – добро, тьма – зло. Куда прячется зло днем, когда светло? А где скрывается добро ночью? Я убежден – найдя ответы на эти вопросы, я раскрою главную тайну мироздания.

Нефедов щупает мой лоб, качает головой.

– Похоже, у тебя все сорок. Анальгина осталось семь таблеток. Давай сразу три штуки – и пойдем.

Я слышу профессора и понимаю, о чем он говорит, но мне его слова кажутся неважными и ненужными. По крайней мере, от той проблемы, которую решаю я, они отстоят очень далеко.

Жую анальгин. Внутренняя дискуссия о добре и зле, занявшая все мое сознание, начинает потихоньку сдуваться, исчезать и вскоре голова проясняется. Я обливаюсь потом. Жар спадает.

– Идти можешь? – спрашивает Нефедов.

– Куда?

– Эта дорога, – он указывает на укатанную щебенку под ногами, – судя по всему, то самое неизвестное ответвление Великого Шелкового пути, по которому в свое время прошел Марко Поло. Потаенный тракт. Он ведет в Китай мимо легендарной горы Буй-сар, которой поклоняются местные.

Пытаюсь встать на ноги и вижу машину, грузовик. Он вырывает из-за скал и мчится прямо к нам, звеня, грохоча и по-сверкавая включенными фарами. За грузовиком тянется широкий пыльный шлейф.

– Шашпай<sup>2</sup>, – непонятно говорит Нефедов и поднимает руку. Этот жест известен каждому водителю на любом из континентов.

Грузовик тормозит. Облако пыли догоняет его и накрывает нас. Когда пыль оседает, из кабины высовывается носатый афганец с пышными усами и весело кричит:

– Ассалаам алайкум! Чиз хэвли<sup>3</sup>?

Нефедов важно кивает, мол, понял, и не спеша отвечает:

– Ташакур, кха. Чарта зи<sup>4</sup>?

– Мофсар, маже малум нахст<sup>5</sup>, – продолжая улыбаться, мотает головой афганец.

– Он говорит на ваханском. Я его почти не знаю. Пушту, похоже, не понимает, – скрипит зубами Нефедов. – Попробовать на фарси?

<sup>2</sup> Так пуштуны называют ЗИЛ-130

<sup>3</sup> Как дела? (Ваханск.)

<sup>4</sup> Спасибо, хорошо. Куда едешь? (Пушту)

<sup>5</sup> Извините, я не понимаю (Ваханск.)

И профессор кричит, подкрепляя свои слова обильной жестикуляцией:

- Салам, дуст! Шамо ба забан фарси<sup>6</sup>?
- Кан аст<sup>7</sup>, – кивает водитель.
- Ну и слава аллаху, – улыбается Нефедов.

Он вступает в длинные переговоры с афганцем. Я не понимаю ни слова и только по выражению лиц и интонации могу догадаться, что чаша весов склоняется то в одну, то в другую сторону. Наконец мне это наскучивает и я начинаю разглядывать грузовик, благо пыль окончательно осела и теперь можно рассмотреть это удивительное средство передвижения во всех подробностях.

Когда-то это действительно был ЗИЛ-130. Но местные умельцы, руководствуясь своими представлениями о прекрасном, потрудились над машиной, сотворив нечто невообразимое.

Высокие борта кузова раскрашены в яркие цвета и увешаны всевозможными подвесками, цепочками, колокольчиками и медными бляшками. Над кабиной торчат флаги, мусульманские полумесяцы, перевитые золочеными шнурами. Решетку радиатора венчает чеканка с изречением на арабском, наверное, что-то из Корана. Сама кабина тоже задекорирована подвесками и бляшками до полной неузнаваемости. На дверцы приклеены афиши индийских фильмов. Узнаю героев «Мести и закона» и «Зиты и Гиты». Капот укрыт куском пестрого ковра. Все это сверкающее великолепие покрыто слоем пыли и грязи.

Однажды я был в цыганском доме. Меня поразило почти полное отсутствие мебели, яркие цвета стен и аляповатый декор. Так вот эта машина украшена именно в таком стиле, по-цыгански.

Между тем переговоры завершены. Нефедов подходит ко мне, тихо говорит:

---

<sup>6</sup> Здравствуй, друг. Ты говоришь на фарси? (Фарси)

<sup>7</sup> Немного (Фарси)

– Я сказал, что мы голландские этнографы, отстали от экспедиции. Поэтому постарайся не говорить по-русски. Эта дорога ведет на восток, к городку Карагаш, как раз туда, куда нам надо. Карагаш примерно в ста двадцати километрах отсюда. Там есть больница. Водителя зовут Мирзо. Он ваханский таджик. Говорит на местном суржике. Немного знает фарси. Я понимаю его через пень колоду. Он меня тоже. Но мы сумели договориться. Он подвезет нас...

– Вот на этом? – я тычу пальцем в монстрообразный грузовик.

– Ну да. Тут это в порядке вещей. Такие машины – нечто среднее между грузопассажирским маршрутным такси и почтовым дилижансом. Мирзо ездит по этой дороге от Ишкашима до Карагаша и обратно. Но главное не это. Он отказывается везти нас бесплатно. У меня есть советские рубли, а он хочет или рупии, пакистанские или индийские, ему все равно, или доллары. У тебя, случайно, нет долларов?

Я молча растягиваю потрескавшиеся губы в улыбке. Смешно, на самом деле смешно. Доллары! Да я их в жизни никогда не видел.

– Вот и у меня тоже, – серьезно произносит Нефедов. – Попробуем тогда обмен.

Он идет к машине. Мирзо таращится из кабины, приветливо улыбаясь. Сволочь, мог бы подвести этнографов и без денег. Профессор достает нож Надир-шаха, такой обычный афганский ножик, с тонкой медной ручкой и широким лезвием, показывает водителю. Тот берет нож в руки, вертит, ногтем пробует остроту клинка, потом отрицательно качает головой.

Нефедов с досадой ругается, отбрасывает нож в сторону и начинает решительно свинчивать с безыменного пальца золотое кольцо. Я кое-как поднимаюсь на ноги, пошатываюсь, иду к нему.

– Игнат! Не надо! Оно же обручальное!

– Плевать, – цедит профессор сквозь зубы. – Все одно мы уже три года не живем вместе.

Кольцо никак не хочет сниматься – от холода пальцы Нефедова распухли, как сардельки. Мирзо, понаблюдав за мучениями «голландца», с лязгом открывает дверцу, спрыгивает и идет к профессору с устрашающего вида ржавыми кусачками в руках.

Я поднимаю нож Надир-шаха. Он и вправду очень простенький и старый. Если бы не медная рукоятка, я бы принял его за обычный столовый ножик, навроде того, что был у нас дома.

Наконец перекусенное кольцо разогнуто и снято с пальца. Мирзо с важным видом пробует его на зуб, внимательно разглядывает след, оставшийся на золоте. Удовлетворенный осмотром, сует кольцо в складки чалмы, указывает нам на кузов, дает флягу с водой и скалит белые зубы в улыбке.

– Гафе бааф!<sup>8</sup>

Мы идем к машине. В задней части грузовика обнаруживается лесенка. Взбираемся наверх. Внутри кузова лежит несколько охапок соломы. Ни сидений, ни лавок. Вот такое маршрутное такси.

Я падаю на солому. Нефедов усаживается поодаль. До нас доносится жужжение стартера и хриплый рык заводящегося двигателя. Машина трогается. Украшения на бортах и кабине начинают звенеть, дребезжать и позвякивать. Похоже, этот звук будет сопровождать нас всю поездку.

Нефедов пересаживается поближе, наклоняется и доверительным тоном произносит:

– Артем, я хочу с тобой поговорить.

– О чем?

– Понимаешь, дорога займет не меньше четырех часов. Тут просто нельзя ездить быстрее. Действие таблеток скоро закончится. Ты серьезно болен. И если ты...

---

<sup>8</sup> Очень хорошо (Ваханск.)

Он проглатывает слово «умрешь», быстро поправляется:

– Если с тобой что-то случится, я никогда не узнаю, где находится...

– Могила Чингисхана?

– Да.

Я закашливаюсь, профессор отстраняется. Грудь режет, не хватает воздуха. Да, Нефедов прав – заболел я капитально. Не иначе как пневмония. Дела мои плохи. Но я еще жив! Жив!

И буду жить назло всем.

Приступ кашля проходит. Вытираю заслезившиеся глаза, рукой показываю, чтобы Нефедов снова наклонился ко мне – перекрикивать звон и грохот у меня нет сил. Спрашиваю на чистоту:

– Игнат, зачем тебе могила Чингисхана?

– Ты что! – выкатывает глаза профессор. – Это же... Это же величайшее открытие! Самая главная историческая и археологическая загадка последнего тысячелетия! Ученый, который отыщет место упокоения Чингисхана, прославится, как Шлиман.

«Интересно, он притворяется или специально ничего не говорит о волке», – гадаю я, рассматривая искаженное эмоциями лицо Нефедова. Меня снова начинает знобить. Анальгин – никудышное лекарство от пневмонии. Нужны антибиотики. Они могут быть в больнице Караташа. Караташ... Кажется, это переводится как «черный камень». Что ж у них тут все черное-то?

– Я буду с тобой откровенен, Артем, – торжественно заявляет тем временем профессор. – Я не собираюсь возвращаться в Советский Союз. И тебе не советую. Отыскав могилу, мы сможем безопасно жить в любой из развитых стран и заниматься тем, чем нравится. Вместе с Чингисханом были захоронены несметные сокровища, ведь так?

– Ну.

– Это тонны золота, серебра, драгоценных камней! А культурная и историческая ценность изделий и предметов из усыпальницы... они вообще не имеют цены. Это невероятное богатство, Артем! И тело Чингисхана. Какой материал для исследований, с ума можно сойти. Конечно, я очень хочу, чтобы мы совершили открытие вместе и все поделили по справедливости, пополам – и деньги, и славу. Но сейчас ты балансируешь между жизнью и смертью.

– Пока я еще живой...

Он цепляется за произнесенное мною слово:

– Вот именно что «пока»! Ты себя со стороны не видишь! Как говорится, краше в гроб кладут. Отдай мне коня, Артем! Не будь эгоистом. Отдай! Просто сними с шеи и протяни мне. Ну?!

Маска одержимого ученого слетает с лица Нефедова. Теперь оно искажено от злобы и алчности.

– Давай предмет! – ревет он. – Сопляк, ты же ничего не понимаешь! Это просто случай, слепой случай, что он попал к тебе!

– Нет, – я произношу это короткое слово тихо, но он слышит и окончательно слетает с катушек.

– Ах так? Хорошо, тогда я сам возьму его. Возьму, а там посмотрим...

Нефедов согнулся. Его руки тянутся к моей шее. Тянутся – и отдергиваются, потому что он видит зажатый в моей руке нож Надир-шаха. Острое недвусмысленно направлено в живот профессора.

– Ах ты!.. – Нефедов осекается, отскакивает и съезжает спиной по борту.

Я пожимаю плечами, но руку с ножом не убираю. Пусть видит, что у меня есть, чем ответить.

Провал в прошлое происходит, как обычно, некстати.

Еще не успев спрыгнуть с коня, Темуджин закричал застывшим на пороге юрты Оэлун и Борте:

– Матушка, женушка, готовьте угощение! Сегодня будет большой пир и много гостей.

– Какие гости, сынок? – Оэлун вздохнула. – Да и кто знает, что мы живем здесь?

– Владыка кераитов Тоорил признал меня своим сыном! Он поможет возродить улус Борджигинов! – Темуджин покинул седло, подбежал к матери. – Готовь пир, матушка. В степи вести разносятся быстрее ветра.

Борте подошла к мужу, обняла его, уткнулась лицом в плечо.

– Я скучала, когда ты уехал. Тревожные сны видела. Духи вставали будто бы на твоем пути, грозились извести тебя черным колдовством.

– То были вещие сны, – ответил Темуджин. – Но не так-то легко духам совладать с сыном Есугея-багатура! Помогай нашей матушке, готовь угощения.

Правоту слов своего старшего сына Оэлун поняла, когда еще не успела закипеть вода в котлах. Со стороны гор к становищу подъехали двое конных – стариk и юноша в синей накидке. К седлу лошади старика была приторочена походная наковальня и мешки с углем.

– Да благословит Вечное Синее небо ваш дом, ваши стада и ваши жизни, почтенные! – церемонно поклонился Оэлун, Темуджину и его братьям стариk. – Меня зовут Джарчиудайевген, я из племени уранхатов. Живу на священной горе Бурхан-халдун, занимаюсь кузнецким делом. Стрелы, изготовленные мной, пробивают любой панцирь, любой доспех. А это сын мой Джелме.

– Проходи к огню, почтеннейший, – Темуджин указал старику на место подле себя. – И сына своего сажай рядом. Что привело тебя к нам?

– Давным-давно служил я отцу твоему, славному Есугею-багатуру. На рождение твое, Темуджин, подарил я тебе шелковые

пеленки. Нет с нами сегодня Есугея бесстрашного, Есугея сильного. Но есть ты, сын его и наследник добрых дел и лихой славы. Стар я, сил у меня немного. Послужу тебе кузнецом, а мой Джелме – нукером. Вели ему коня седлать, вели двери открывать!

Темуджин засмеялся, протянул старику чашку с кумысом, после чего сказал Оэлун:

– Матушка, не верила ты мне, что пожалуют к нам гости. Посмотри теперь – первые уже явились. Жди еще.

Сын оказался прав. К полуночи у юрты Темуджина пили, ели, пели песни и бражничали не меньше сотни монголов из разных племен. Теперь, когда юный наследник своего отца получил покровительство такого могучего хана, как Тоорил, многие недовольные спешили к нему, чтобы встать под родовой туг Бордигинов. Борте, тенью ходившая за спинами пирующих, обносила их питьем и кушаньем и изредка наклоняясь к мужу, шептала:

– Будь поласковее вот с этим пастухом, у него восемь сыновей, все как на подбор багатуры. А тому охотнику в черной шапке своей рукой налей еще архи – он меткий стрелок, настоящий мерген. Своих людей надо отмечать – и тогда они ответят тебе преданностью.

Все прибывшие дали Темуджину клятву верности. Юноши сделались его нукерами, отцы – данниками и советчиками. Восстановление улуса Бордигинов началось.

Утром Темуджин объявил:

– Довольно мы прятались, как трусливые дзейрены, в этом диком месте. Завтра я переношу свой стан в степи Бурги-ерги. Всякий хозяин должен жить на своей земле.

Решение это вызвало ликование среди монголов. Старый Джарчиудай-евген сказал:

– Мне надо съездить домой, взять семью и скарб. Через месяц я вернусь и поселюсь возле тебя, Темуджин. Сын же мой Джелме останется защищать и беречь тебя.

Такие же речи вели и остальные гости. После полудня они разъехались, неся с собой по степи вести – волчонок вырос, возрождение Есугеева улуса началось!

Я выныриваю из двенадцатого века как из омута. Нефедов, кажется, ничего не заметил. Он все так же сидит у противоположного борта и в его взгляде читается ненависть. Поворачиваю голову и смотрю сквозь широкую щель между досками.

Машина едет по самому краю пропасти. Высота такая, что у меня начинает кружиться голова. Двигатель работает с перебоями, захлебывается – дорога идет в подъем. Озноб сотрясает мое тело, перед глазами все плывет. Сколько мы уже в пути? Час, два? Солнце поднялось высоко, но до полудня ему не меньше ладони. В школе на уроках географии нас учили определять время по положению светила в небе. Кажется, сейчас около одиннадцати.

Только бы не потерять сознание! Только бы выдержать. А с Нефедовым надо что-то делать. Зря я намекнул ему, что Пржевальский почти нашел место упокоения Чингисхана. Профессор не догадывается, что могил две. Можно было бы рассказать ему про Хангай, сказать, что знаю точное место. Правда, тогда он потащил бы меня туда, в Монголию. А мне надо на Хан-Тенгри.

Но что я буду делать, когда доберусь до ледяной пещеры? Оживить Чингисхана, конечно, не получится – я не волшебник, не ученый-биолог. Да и нет сейчас у науки возможностей возвращать к жизни умерших семь столетий назад людей.

«Волк! – подсказывает мне внутренний голос. – Надо взять волка. С ним можно все. Волк сделал из нищего сироты Темуджина властелина мира. Теперь другое время. Пусть Чингисхан продолжает спать вечным сном под пиком Хан-Тенгри».

И едва только я успеваю подумать об этом, как ощущаю ледяной холод, разлившийся по груди от фигурки коня. В голове проясняется.

«Иди на рогатую гору. Рогатую гору. Рогатую гору...», – настойчиво твердит уже знакомый голос. Это он понуждал меня двигаться на север, когда разбился спасший нас вертолет. Голос коня? Или моего далекого предка Елюй Чу-сая? А может быть, это сам Чингисхан направляет меня к своей могиле? Если это так, то он знает куда больше моего о цели этого похода.

Рогатая гора. Знать бы еще, где это...

Кажется, я заснул. Просыпаюсь резко, рывком. Мы по-прежнему едем по тайному тракту между гор. Синие вершины медленно, величаво плывут над головой. Вижу орла, кружашегося выше облаков. Понимаю, что это не птица залетела так высоко, а облака висят очень низко, всего в нескольких десятках метров над грузовиком.

Нефедов спит, его голова брезвально покачивается, рот приоткрыт, на нижней губе повисла ниточка слюны. Видать, профессор караулил меня, но и его укатали здешние крутые горки. Пусть спит. Так спокойнее.

Мне трудно дышать, в груди что-то булькает, свистит, словно там застряла пищалка из детской игрушки. Трогаю лоб. Очень горячий. Рука ледяная, а вот тело пышет жаром. Это плохо. Значит, температура будет продолжать подниматься. Когда там сворачивается кровь, на сорока двух градусах? Похоже, я совсем близок к этому.

Вспоминаю про Рогатую гору. Где ее искать? И как – я едва шевелюсь. Нет, надо сперва оклематься. Конечно, лечение займет время, но разве я куда-то тороплюсь?

И тут мне впервые с момента бегства из медпункта на ум приходит простой, казалось бы, вопрос: «А что потом?».

Действительно – что? Как я буду реабилитировать себя, как вернусь домой? Мне совершенно не улыбается перспектива жить за границей, а на родине числиться убийцей и дезертиром. Я хочу увидеть маму, Витька, хоть он и гад, Маратыча,

дядю Гошу, пацанов со двора. Надю хочу увидеть! Может, она уже вышла замуж за этого своего препода, мне плевать.

Я хочу вернуться в Казань. И вернусь, чего бы это мне ни стоило! Ох, как же мне плохо... А если я умру? Задохнусь в воюючем кузове разукрашенного шашпая? Сгорю в лихорадке?

И тут же понимаю, что ничего тогда не будет. И мне становится неожиданно легко и просто от этой мысли. Ни-че-го... И пофигу. А раз так – не надо печалиться. Нужно делать, что должно – и будь что будет...

Профессор просыпается, смотрит на меня и лезет в карман. Видимо, я совсем жутко выгляжу. Он протягивает мне надорванную упаковку с оставшимися таблетками анальгина. Кишаю, мол, спасибо, благодетель. Впрочем, мне жаль Нефедова. Умный, хитрый, коварный и жестокий человек стал, как это принято говорить, заложником ситуации. Господи, поскорее бы мы приехали. Обшарпанный кузов опротивел до рвоты.

Глотаю таблетки, запиваю из фляги Мирзо. Вода сильно отдает железом. За подъемом начинается спуск. Дорога очень плохая, нас каждую секунду подбрасывает, кидает из стороны в сторону. Рыжий султан пыли висит позади машины, как дымовая завеса.

Тракт сбегает на дно долины, к реке. Здесь легче дышать, появляются запахи, отсутствующие на верхотуре. Пахнет водой, травой, цветами, кажется, даже дымом очагов. На другом берегу Пянджа я вижу кишлак – десяток домов с плоскими крышами, стадо коз, несколько коров. И людей. Ребятишки возятся у воды, поодаль женщины стирают белье, двое мужчин с палками неподвижно стоят на вершине холма, из-под рук глядя на машину.

Дорога поворачивает и кишлак скрывается за каменным уступом. Все, маленький обжитой островок исчез, остался в прошлом. Что за люди там живут? Как они живут? Чем они

живут? Я никогда не узнаю ответов на эти вопросы. ЗИЛ опять прет в гору, плюясь гравием из-под колес.

Наша поездка ценой в обручальное кольцо заканчивается неожиданно. Зашипев тормозными пневмоцилиндрами, грузовик останавливается. Хлопает дверца, над бортом появляется носатая рожа Мирзо. Сверкая улыбкой из-под усов, он машет рукой куда-то в сторону.

– Караташ! Караташ!

Мы спускаемся на землю. Я сразу сажусь на придорожный камень. Нефедов прощается:

– Шобош. Кхудар хафиз<sup>9</sup>!

– Мербони<sup>10</sup>, – откликается Мирзо, забираясь в кабину.

---

<sup>9</sup> Спасибо. До свидания! (Ваханск.)

<sup>10</sup> Пожалуйста (Ваханск.)

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### Рогатая гора

ЗИЛ трогается с места и исчезает в облаке пыли. Нефедов подходит ко мне, садится рядом.

– Что такое Рогатая гора? – спрашиваю я его.

– Не знаю, – пожимает плечами профессор. – А при чем тут она?

– Нам надо идти на Рогатую гору.

– Нам надо идти в Карагаш, в больницу, – без эмоций говорит Нефедов. Так обычно разговаривают с детьми. – Ты же кони двинешь с часа на час. Таблеток больше нет. Поэтому забудь про свою гору, и пошли. Если не можешь идти, я тебя понесу. До поселка всего три километра. Это вниз, в долину.

– Нам надо найти Рогатую гору.

– Да не знаю я никакой Рогатой горы! – взрываетяется профессор.

Он вытаскивает карту, сует ее мне под нос.

– На, сам смотри!

Смотрю. Перед глазами расплываются коричневые и зеленые пятна, голубые ниточки рек извиваются, как живые.

– Как будет «рогатый» по-местному? – спрашиваю я, закрыв глаза.

– А? – Нефедов в замешательстве. Он возвращает себе карту и начинает разглядывать ее, бормоча под нос: – Рогатый – это значит две вершины... Два по-вахански – «буй». Вершина – «сар».

– Буй-сар, – вспоминаю я название. Профессор упоминал его, когда рассказывал про потаенный тракт.

– Буй-сар, – повторяет за мной Нефедов. – Ты уверен? Это, в общем-то, недалеко. Но тебе не дойти, там сплошные скалы. Поэтому отложим вояж на Буй-сар до лучших времен и выдвигаемся в поселок.

– Нет, – шепчу я. – Нам нужно к Рогатой горе.

– Ты же убиваешь себя!

– Нам нужно к Рогатой горе, – теперь уже я говорю с ним, как с ребенком.

– Да за каким хреном нам сдалась эта твоя гора?! – раздраженно орет профессор.

– Так хочет конь, – я ставлю точку в нашем бессмысленном споре.

– Конь... Как он может чего-то хотеть? – ворчит Нефедов, вновь расстилая на земле карту. – Буй-сар... От него до китайской границы рукой подать. Но там нет ни одного селения! Вообще ничего! Только летовки пастухов на горных лугах. Нет, я не поведу тебя к Буй-сару. Все, никаких разговоров. Идем в Караташ!

На дороге появляется еще одна машина. Это что-то среднее между легковушкой и маленьким грузовичком. Кажется, такой тип автомобилей называется «пикап». Нефедов смотрит на машину, резво соскаивает с места и тащит меня за скалы.

– Ты чего? – удивляюсь я.

– Кажется, это местная полиция. Или военные. Нам встречаться ни с теми, ни с другими нет никакого резона.

– Карта! – хриплю я. – Ты оставил карту!

Нефедов материться. Карта, придавленная булыжником, действительно осталась у дороги. Пикап приближается. Он грязно-серого цвета, с зелено-желтой полосой. В кузове трое. И пулемет на турели. Машина тормозит, останавливается. Афганцы в светло-серой форме спрыгивают на землю, один из них поднимает карту, показывает остальным.

– Уходим! – профессор взваливает меня на спину, как раненого Че Гевару, и тащит вверх по склону, петляя между огромными глыбами. Снизу слышатся крики полицейских. Они пока не стреляют, надеясь, что мы вернемся.

Я улыбаюсь. Мне уже давно стало понятно, что противиться воле коня – или того, кто послал мне через века эту фигурку – невозможно. Буй-сар так Буй-сар. Рогатая гора.

И еще теперь я твердо знаю, что не умру. Мертвый я не смогу выполнить то, что должен. Значит, я выживу, вылечусь, и еще дрогнет небо от копоти, как любил говаривать Витек Галимов.

Минут через пятнадцать Нефедов останавливается, опускает меня. Профессор устал. Очень жарко. Солнце палит просто немилосердно. Мы стягиваем с себя одежду. Я остаюсь в белом медицинском халате, позаимствованном вместе с хэбэшкой в медпункте, Нефедов – в полевой офицерской форме, с которой он успел спороть погоны и петлицы. Бритая профессорская голова блестит от пота.

Раздается звук, напоминающий треск разрываемой ткани. В воздухе свистят пули. Полицейские не идут за ними, предпочитая для очистки совести дать очередь из пулемета. Они – не люди Надир-шаха, их не ведет ярость и чувство мести. Просто работа. Инструкции, формуляры, правила. Я их понимаю.

– Сейчас... отдохнешь... и двинем дальше, – хватая ртом воздух, сипит Нефедов.

Я поднимаюсь на ноги, делаю шаг, другой. Вроде ничего, я могу передвигаться самостоятельно.

– Перестань, загнешься же, – профессор сует в рюкзак теплые вещи, протягивает его мне. – На, вдень руки в лямки, а я понесу тебя. Так мы будем идти быстрее.

Может быть, он прав, но я упрямо шагаю по склону самостоятельно. Я должен доказать сам себе, что жив. Так надо.

Он догоняет меня, протягивает руку. Отрицательно мотаю головой. Склон заканчивается каменистым гребнем, за ним тянется безжизненное плато. Пучки коричневой травы, серый песок – пейзаж, как на Марсе. Вдали, за пилообразными скальными цепями, высится заснеженный пик с двумя вершинами. Буй-сар. Вот она какая, Рогатая гора.

Идем по плато. Здесь негде укрыться, и если бы полицейские поднялись следом, они перестреляли бы нас, как в тире. Боже, храни тех, кто пишет инструкции!

Столб мы замечаем одновременно. Он почти черный, и вначале мне кажется, что это каменная свая, но подойдя ближе, вижу – дерево. Очень старое, изглоданное ветрами и морозами дерево, отесанное неизвестным мастером. Четыре грани, острые вершины. И глубоко вырезанные символы – круги, квадраты, а внутри них – многоконечные звезды с загнутыми лучами. По одной звезде на каждую сторону света.

– Что это? – спрашиваю у профессора.

Он молчит, внимательно разглядывая столб.

– Пограничный знак?

– Нет. Если бы я увидел такое в России, в музее, то сказал бы, что это славянский межевой столб, очень древний, еще дохристианский. Видишь, – Нефедов тычет пальцем в звезды, – это называется громовые знаки. Символы Сварога, небесного кузнеца.

– Они похожи на свастику, только лучей не четыре, а...

– Шестнадцать, можешь не считать. Не понимаю, как эта штука сюда попала...

Грозный окрик застает врасплох. Из-за камней в десятке шагов от нас выходит несколько человек с оружием наизготовку. Нефедов шипит сквозь зубы ругательства, поднимает руки. Я следую его примеру.

Вляпались. Вот тебе и громовые знаки...

Нас ведут к скалам, обрамляющим плато с запада. Поимщиков четверо, все вооружены. Это очень странные люди. Они не похожи на тех афганцев, которых я видел до этого. Высокие, в подпоясанных широкими поясами холщовых рубахах и меховых шапках, бородатые, они почти не разговаривают, лишь обмениваются короткими фразами на непонятном языке. Нефедов его не знает. Он несколько раз пытается заговорить, используя фарси, пушту, хинди, английский – безрезультатно. Теперь профессор бормочет что-то себе под нос, словно бы вспоминая.

Но самое главное даже не язык и одежда. Те, кто задержал нас и сейчас конвоирует к скалам, вооружены старинными ружьями с кремневыми замками. И еще у них русые волосы и светлые глаза.

Вот и скалы. Мы останавливаемся между двух красноватых утесов. За ними – каменная стена и черный зев пещеры. Один из русоволосых прикладывает руку ко рту и что-то кричит. Раздается ответный крик и из пещеры выходят несколько человек. Они тоже вооружены диковинными старинными ружьями, а впереди важно шагает исполинского роста мужик с окладистой бородой. В нем никак не меньше двух метров. За его пояс заткнут жуткого вида топор, настоящая секира. У мужика ярко-зеленые глаза под кустистыми бровями. Взгляд пронзительный и грозный. Он меня пугает. Нефедову тоже явно не по себе.

– Не дергайся, – шепчет он мне. – Кажется, я догадываюсь, кто эти люди...

– Кто?

Ответить профессор не успевает – бородач, внимательно оглядев нас, что-то говорит и указывает могучей рукой на щербатую каменную глыбу. Я получаю чувствительный удар прикладом в спину и закашливаюсь. Нефедова тащат к глыбе едвали не волоком.

Вижу вблизи поверхность камня. Щербины на нем – явно следы от пуль. И тут до меня доходит – да это же расстрельная стена! Здесь приняли смерть десятки, если не сотни человек!

А теперь, выходит, наша очередь?

Предводитель басом выкрикивает несколько слов. Русоволосые выстраиваются в десяти шагах от нас, поднимают ружья.

– Стойте! – кричу я, размахивая руками. – Так нельзя! Мы же вам ничего не сделали!

Великан хохочет, уперев руки в бока. От его смеха кровь стынет в жилах. Стрелки взводят курки. Неужели все, конец? Вот так буднично, просто – поймали, отвели к камню и расстреляли? За что?

И тут Нефедов начинает говорить, срывающимся голосом тщательно произнося незнакомые мне слова. Я вижу, как меняется выражение лица предводителя. Он явно понимает то, что говорит профессор. И это злит бородача. Теперь ему не до смеха. Выкатив глаза, он отрывисто командует – и опустившиеся было ружья вновь поднимаются.

– Не помогло, – тихо, с сожалением, бормочет Нефедов. – Прощай, Артем.

Прощай?! Волна холодной ярости поднимается во мне, ослепительная вспышка на долю секунды затмевает глаза. Кто смеет угрожать мне смертью? Какие-то горцы, дикие аборигены этого медвежьего угла? Как поступил бы на моем месте Темуджин? Да он одним своим словом остановил бы стрелков!

Я делаю шаг вперед и ору в черные зрачки ружейных стволов:

– Козлы бородатые! Ну-ка ведите меня к своему начальнику! К главарю, к шаху, хану или кто там у вас! Я – Артем Новиков, кандидат в олимпийскую сборную СССР, а это профессор Нефедов. Нас нельзя убивать!

– Не старайся, они все равно не понимают, – вздыхает за спиной Нефедов. – Это калаши. Они безжалостны к чужакам.

– Калаши-малаши – мне пофиг! – я опять закашливаюсь. Пот заливает мне глаза, белый халат весь в пятнах. От слабости подгибаются ноги.

Ловлю взгляд крайнего стрелка и понимаю – он готов нажать на курок. Остальные тоже. Увы, я – не Темуджин. Вспышка ярости окончательно выматывает меня, но не приносит нам никакой пользы. Счет идет на секунды.

Пронзительный крик, похожий на клекот орла, разносится между скал. Из пещеры выбегает старик в зеленом плаще. Длинные пряди свисают на изрезанное морщинами лицо, борода расчесана надвое и заплетена в косы. Этот человек настолько стар, что его седые волосы пожелтели, как осенняя трава. Не переставая кричать, старик семенит к великанию с секирой, машет перед его невозмутимым лицом скрюченным черным пальцем. Потом он подходит ко мне, с явным благоговением касается края медицинского халата. На Нефедова старик тоже обращает внимание, оглаживая бритую голову профессора.

И торжествующе кричит, потрясая руками:

– Пилилак! Пилилак!!

Дальше происходит что-то невообразимое. Стрелки опускаются на одно колено, кладут ружья на земли и склоняют головы, прижимая правые руки к груди. Здоровяк с секирой чуть медлит и следует примеру своих людей. То же проделывает и старик.

Они кланяются нам!

– Чертовщина какая-то, – недоуменно шепчет Нефедов.

У меня все плывет перед глазами. Земля уходит из-под ног. Последнее испытание оказалось соломинкой, сломавшей спину верблюда. Я падаю на бок, больно ударившись локтем. Все заволакивает тьма...

В себя прихожу от яркого света. Рядом с моим лицом покачивается пылающий факел. Я тоже покачиваюсь, лежа на полот-

няных носилках. Вокруг – темнота. Впереди угадывается свет еще одного факела. Соображаю, что меня несут через пещеру. Прислушиваюсь и различаю сквозь шорох шагов голоса. Один принадлежит Нефедову, второй – старику, который остановил расстрел. Они о чем-то беседуют, время от времени громко повторяя слова. Иногда Нефедов ругается – старик, видимо, не понимает профессора.

«Он сказал, что этих людей называют калаши, – мысли мои разбегаются, как весенние ручейки. Судя по всему, опять поднялась температура. – Калаши, калаши... Никогда не слышал о таких. Светлые волосы, светлые глаза, «громовые знаки»... Интересно, куда они меня несут?»

Факел выхватывает из темноты желтоватую стену пещеры. С нее скалятся какие-то зубастые чудища. От неожиданности дергаюсь, потом понимаю, что это фрески. Наскальные рисунки. Но испуг не проходит бесследно – я теряю сознание...

Полумрак. Я лежу, укрытый мягкой шкурой, на лежанке у стены. Надо мной сквозь дымовое отверстие в потолке синеет кусочек неба. Возле него подвешены на крюках какие-то темные предметы, наверное, обереги от злых духов. В очаге потрескивают дрова. Пахнет травами и вареным мясом. Хорошо, спокойно. Ничего не болит, ничего не волнует. Ничего не нужно делать. Можно просто лежать, смотреть на небесную за-платку в потолке и улыбаться.

Скорее всего, я умер. Душа моя перенеслась через годы и расстояния и воплотилась в теле человека из какой-то далекой эпохи. Быть может, даже в теле древнего монгола. Точно, я в юрте! А вокруг расстилается бескрайняя степь, напоенная ароматами разнотравья. У меня наверняка есть жена, дети, стадо овец, параолов и верный конь. Вечное Синее небо благосклонно к своему сыну – в моем курене достаток и благополучие.

Быть может, я – Темуджин? Не исключено. Видимо, серебряный конь сделал меня тем, чью судьбу я наблюдал в течение долгого времени, с кем я практически сроднился. Меня ждет жизнь, полная великих свершений. Вот сейчас в юрту войдет Борте и скажет: «Вставай, лежебока! К нам скачут твои верные нукеры Боорчу и Джелме. Они везут благие вести. Вставай, солнце уже высоко».

Я слышу шаги. Неужели и вправду Борте?

В юрту входит девушка. Она прекрасна. Высокая, стройная, в сером платье с вышивкой и шерстяной безрукавке, девушка похожа на принцессу из сказки. У нее длинные золотистые волосы, заплетенные в косы, на голове пестрая шапочка, расшитая кусочками лазурита и бирюзы. Чуть вздернутый нос, полные губы, плавная линия шеи. И глаза. Огромные, густо-синие, в опушке длинных ресниц. Девушка улыбается, ставит на низенький столик глиняный горшок. Над посудиной поднимается пар.

Это не Борте. И лежу я не в юрте, потому что не бывает юрт с каменными стенами. Где же я?

И кто я?

Красавица подходит ко мне, продолжая улыбаться. Она певучим голосом произносит несколько фраз на непонятном языке, откладывает укрывающую меня шкуру.

Черт, я голый! Совсем, не считая фигурки коня на шее. Пытаюсь вернуть шкуру на место, прикрыться – и понимаю, что не могу пошевелиться от слабости. Девушка тихонько смеется, подхватывает горшок и начинает намазывать меня остро пахнущей горячей жижей.

– Ты кто? – шепчу я.

– Ее зовут Телли, – раздается от порога знакомый голос. – Телли, дочь Атхи, князя махандов.

Нефедов! Я дергаюсь, приподнимаю голову, чтобы увидеть профессора. Девушка сгоняет с лица улыбку, сводит бровки

над переносицей и легонько надавливает мне пальцами на лоб, опуская голову на лежанку. Я не понимаю смысла сказанных ею при этом слов, но общая интонация узнаваема: «Больному нужен покой. Выходите отсюда!».

Похоже, я угадал. Нефедов очень почтительно отвечает все на том же неизвестном мне языке, скороговоркой добавляет по-русски:

– Артем, я зайду позже, поправляйся.

Он уходит. Намазав грудь, плечи и шею, Телли легко, словно мешок с сеном, переворачивает меня на живот и покрывает варевом спину. Я изнываю от невозможности как-то сгладить неловкость ситуации. Нет, будь это все в больнице, а на месте золотоволосой девушки – медсестра, я бы не переживал. Врачей не надо стесняться, это все знают с детства. Но память уже вернулась ко мне. Я не в больнице. А Телли – никоим образом не медработник. И потом – она красивая. Она мне нравится, это я понял сразу, как только увидел девушку. Может быть, она понимает английский?

– Ду ю спик инглиш? – шепчу я, проклиная себя за тупость. Ну, вот ответит она сейчас: «Йес, ай ду», – и что? Мои познания в английском ограничены двумя десятками фраз. Читать-переводить я еще могу, а вот говорить... Что я смогу ей сказать на языке Шекспира и Маргарет Тэтчер? «Май нейм из Артем», «Я лив ин юэсэса», «Ай эм стьюодент»? Да и какой я, к чертовой матери, стьюодент! Я – дезертир и убийца.

– Т-с-с-с! – интернационально просит помолчать Телли.

Закончив процедуру, девушка снова укладывает меня на спину, укрывает шкурой, чистой тряпичкой вытирает руки – и смотрит прямо в глаза долгим, внимательным взглядом, от которого у меня по коже начинают бегать мурашки. Она улыбается. Боже, как она улыбается!

Я знаю, на какого персонажа из мира живописи похожа эта девушка. Есть такой старинный портрет, написанный, ка-

жется, Боровиковским. На нем изображена Мария Ивановна Лопухина, дочка графа Ивана Толстого, жена придворного егермейстера Лопухина. Телли выглядит как сестра Марии Лопухиной. Но как сестра более красивая и обаятельная. И, наверное, младшая. На вид дочери князя махандов не больше семнадцати.

Мне очень приятно думать обо всем этом. Я просто таю от положительных эмоций. Господи, только бы она подольше не уходила! Это же настоящее счастье – смотреть на нее, думать о ней...

Эту романтическую идиллию перерывает приход старика, того самого, что спас нас с Нефедовым от расстрела. Опираясь на кривую палку, он с ворчанием вваливается в комнату, ковыляет к лежанке. Телли сразу становится деловитой, убирает тряпичку, подхватывает пустой горшок и спешит к выходу. Я вздыхаю.

Старик сдергивает с меня шкуру, проводит кривым пальцем по груди, проверяя, хорошо ли я намазан. Кажется, он остается доволен работой Телли. Не переставая ворчать, он своей кривой палкой снимает с крюка под потолком один из черных комков, при ближайшем рассмотрении оказывающийся куском сыра, густо обросшего плесенью.

Не успев удивиться, я с ужасом смотрю, как старик, ловко выхватив из-за пояса нож, нарезает сыр на пластинки, стараясь не повредить плесень. По комнате распространяется зловоние. Он что, собирается есть эту гадость?

Оказывается, нет. Сыр предназначен для меня. Бесцеремонно сунув пальцы мне в рот, старик оттягивает нижнюю челюсть и запихивает кусочек сыра едва ли не в горло. От жуткой горечи перехватывает дыхание. Я пытаюсь выплюнуть странный деликатес, но мой мучитель не дает этого сделать. Он жесткой ладонью зажимает рот, вращает глазами и что-то гневно выкрикивает.

– Не сопротивляйся, – доносится до меня голос Нефедова. – Делай как он говорит, если хочешь выжить.

С невероятным трудом прожевываю сыр, стараясь не думать о плесени. Старик поит меня из глиняной кружки каким-то отваром, грозит черным пальцем и уходит.

Мы остаемся с Нефедовым вдвоем.

– Что... что это за дрянь? – спрашиваю я.

– Антибиотик. Точнее, Пенициллиум кrustосум, плесень, из которой наш микробиолог Зинаида Ермольева в сорок втором году выделила пенициллин, – Нефедов присаживается рядом со мной, улыбается. – Риши называет его «божьей шерсткой».

– А нормальных лекарств здесь что, нет?

– Здесь, Артем, ничего нет. Ни лекарств, ни электричества, ни связи, ни газет. Средневековье.

– Так бывает?

– Как видишь.

– Но кто эти люди? Ты говорил – какие-то калаши...

– Маханды. Они называют себя махандами. И они действительно родственны калашам, но живут обособлено. Ладно, об этом потом. Лучше скажи, как себя чувствуешь?

– Да вроде ничего. А девушка, Телли, она...

– И об этом потом, – Нефедов чуть ли не с отеческой улыбкой поправляет на мне шкуру. – Тебе действительно нельзя много разговаривать. Отыхай, поправляйся. Я буду навещать тебя. А сейчас спи.

Я хочу попросить его сказать Телли, что буду рад увидеть ее снова, но не успеваю и проваливаюсь в сон.

С момента нашего несостоявшегося расстрела прошла неделя, целых семь дней. Я их почти не помню, потому что все эти дни спал или находился в беспамятстве. А старик с заплетенной в косы бородой тем временем боролся за мою жизнь. Боролся и вроде как победил.

Старика зовут Риши. Нефедов сказал мне, что это переводится как «мудрец». Риши – не имя, а прозвище. Свои настоящие имена маханды никогда не произносят, чтобы не навлечь на себя гнев духов.

Я уже два раза выходил из дома Риши, опираясь на плечо Телли. Маханды всякий раз встречали меня громкими криками, выражая свою радость по поводу выздоровления такого уважаемого человека, как Пилилак.

Пилилак – это я. Великий чародей и пророк, облаченный в белые одеяния. Я всякий раз являюсь с гор в сопровождении безволосого слуги, когда для народа махандов наступает час испытаний. Последний раз я спас племя, указав ему дорогу в укромную горную долину у горы Буй-сар. Это было почти сто пятьдесят лет назад...

Легенду о пророке Пилилаке и лысом слуге мне пересказал Нефедов. Я долго смеялся – надо же, оказывается, нам спас жизнь обыкновенный медицинский халат! Но потом мне стало не до смеха. Это пока маханды лечат меня и оказывают всяческие почести. А потом от пророка Пилилака потребуют чуда. Что тогда делать?

– Не переживай раньше времени, – успокаивает меня профессор. – Вот оклемаешься окончательно – и будем рвать когти. Хотя, конечно, эти маханды – настоящее чудо. Открытие века, без дураков. Будь моя воля, я бы тут остался на год. Это же невероятно: неизвестный науке этнос, и не в джунглях Калимантана или Амазонии, а буквально под боком! Язык, мифология, обычаи, быт – у них до сих пор в ходу аутентичные вещи шестнадцатого века!

Мне тоже не хочется уходить от махандов. И причина тому, конечно же, вовсе не этнография. Причина носит шапочку, расшитую лазуритом и бирюзой и зовут ее Телли.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

### Телли

...Мы встречаемся почти каждый день – то на улице между домами, то на площади у источника, то в доме ее отца, невысокого, очень подвижного мужчины, князя Атхи. Встречаемся, обмениваемся взглядами, улыбаемся – и все. Почему? О, тому есть масса причин!

Во-первых, она – дочь князя, а я – пророк. Мое дело – сидеть в душных помещениях со старейшинами племени и через переводчика Нефедова вести бесконечные разговоры о прошлом и будущем, изрекая время от времени мудрые мысли. Эти самые мудрые мысли я беззастенчиво черпаю из коллективной памяти русского народа, где они хранятся века в виде поговорок. На махандов поговорки производят неизгладимое впечатление. «У семи нянек дитя без глаза», в вольном переводе Нефедова произнучавшее как «Каждый должен заниматься своим делом и тогда в селении не будет одноглазых детей», стало фразой недели. Вождь даже велел высечь эти слова пророка Пилилака на стене Пещеры предков.

Во-вторых, я не знаю языка махандов, а Телли не знает русского. Общаться же с любимой девушкой через переводчика смешно и глупо. То, что я люблю Телли, я понял после первой нашей встречи. То, что язык махандов мне не выучить и за год, понял совсем недавно. Это очень странный язык. Нефедов, который сам изъясняется на нем через пень колоду, утверждает, что, скорее всего, на таком разговаривали древние индоевропейцы.

– Если бы не санскрит, я бы тоже был как глухонемой, – расстолковывает мне профессор. – Но в языке махандов почти все

слова имеют санскритские корни. Точнее, наоборот: санскрит, скорее всего, произошел от махандского. Язык очень архаичный. Возможно, один из первых языков на земле. Но это вовсе не значит, что он прост для изучения. Я насчитал четырнадцать спряжений глаголов – и, судя по всему, это не предел.

Нефедов действительно изучает махандов. Он постоянно пишет что-то в свою записную книжку. В какой-то момент князю это не понравилось и мне пришлось растолковывать ему, опять же через профессора, что мой слуга обязан вести записи – такова воля пророка Пилилака.

Что такое «вести записи» махандам объяснять не надо. Они имеют свою письменность, в их алфавите сорок четыре буквы, напоминающие руны. В Пещере предков хранятся кожаные скрижали – свитки с письменами, повествующими об истории народа махандов. Нефедов готов отдать руку за право хотя бы одним глазком взглянуть на эти свитки. Но ему, как слуге, не положено входить в пещеру. Зато там побывал я. Для науки, это, конечно же, совершенно бесполезно.

В девятнадцатом веке маханды жили бок о бок с калашами, еще одним народом непонятного происхождения. И калази, и маханды – язычники, и местные мусульмане со временем открыли на них настоящую охоту. Калази первыми ушли в труднодоступные районы Гиндукуша, где живут и поныне. Нефедов утверждает, что сегодня их осталось чуть более шести тысяч. Все калази светлоглазые, с европейскими чертами лица. Сами себя они считают потомками воинов Александра Македонского.

С махандами все сложнее. Этот народ принял на себя основной удар исламских фанатиков. От полного истребления племя спас пророк Пилилак, который вывел его к горе Буй-сар. С тех пор маханды полностью отгородились от мира, убивая всех чужаков, которые пытаются проникнуть в пределы их владений.

В отличие от афганцев и пакистанцев маханды пользуются мебелью – столами, стульями, кроватями. Нефедов считает это очень важным моментом для понимания корней этого народа. Еще он старательно срисовывает орнаменты махандов. Вышивки на женских платьях, узоры на поясах мужчин, резьбу на столбах и балках жилищ – все это профессор тщательно копирует в свою книжечку.

У меня совсем другие проблемы. Телли – главная, но не единственная. Еще меня очень беспокоит грядущая беда, что должна обрушиться на племя, и моя роль спасителя. Князь, старейшины и главы родов истово верят в древнюю легенду. Я, понятное дело, нет. Но бросать этих удивительных людей на произвол судьбы, «рвать когти», как выразился Нефедов, мне не хочется.

Наконец, я всерьез беспокоюсь из-за коня. Фигурка словно уснула. Такое уже было однажды – я перестал ощущать предмет дней за пять до того памятного боя, когда душманы уничтожили нашу заставу. Сейчас происходит нечто похожее. Конь не зовет меня к горе Хан-Тенгри. Он как будто чего-то ждет. Но чего?

Мы с Нефедовым живем в пристрое главного дома махандов – княжеского терема. Я все еще очень слаб, не могу далеко ходить – начинаю задыхаться. После каждой такой прогулки приходится часами отлеживаться. Однажды, из чистого любопытства, я заглянул в записную книжку Нефедова. Помимо зарисовок орнаментов махандов там обнаружились любопытные записи об этом народе:

«Маханды живут натуральным хозяйством. Кое-какие торговые отношения с соседями-ваханцами у них есть, но это бесконтактная торговля. Продавцы приносят товар в условленное место и уходят, затем являются покупатели, забирают товар и оставляют плату. По-моему, так торговали еще при первобыт-

нообщинном строем. Но маханды свято чтут заповедь пророка Пилилака: никаких чужаков.

Попасть в долину Махандари, где обитает племя, можно двумя путями – через подгорный грот, по которому нас вели сюда, и через перевал Сломанных ребер. Где-то рядом с этим жутким местом находится проклятая земля, называемая Неш. Маханды говорят, что оттуда не возвращался ни один человек.

Ежедневно на плато у входа в грот и на перевале несут стражу отряды воинов, истребляя всякого, кто дерзнет нарушить запрет Пилилака. Вооружены маханды старинными (новых им за последние сто пятьдесят лет попросту негде было взять) ружьями. Мой спутник, неплохо разбирающийся в оружии, опознал их. Это так называемые литтихские штуцеры, изготовленные в Бельгии в середине девятнадцатого века. Такие использовались в русской армии во время Крымской войны. Штуцеры заряжаются со ствола. Пули системы полковника Куликовского имеют ушки, которые при заряжании должны совпасть с нарезами в стволе.

Стреляет штуцер на тысячу двести шагов. Пороха у махандов много. Они делают его сами, добывая калиевую селитру, иначе говоря, нитрат калия, на специальных компостных кучах. Селитру смешивают с древесным углем и серой. Конечно, это примитивный, дымный порох, но другого здесь нет.

А вот с навыками стрельбы у махандов настоящая беда. Они почти не охотятся – стада коз, овец и яков, куры и гуси исправно снабжают племя мясом, шкурами, шерстью. Безумцев, желающих проверить, что ждет их в окрестностях Буй-сара, не находилось очень давно. Ваханцы и жители Нуристана прекрасно знают, что высоко в горах обитают безжалостные белоголовые демоны, убивающие всех и каждого. За последние тридцать с гаком лет мы оказались первыми чужаками в здешних местах. Штуцеры служат скорее психологическим оружием – с ними мужчины чувствуют себя настоящими воинами.

Город-крепость махандов, также называемый Махандари, террасами поднимается по склону горы. Он устроен таким образом, что крыша одного дома служит двором для вышестоящего. Частично дома вырублены в скале, частично сложены из камней и бревен. Леса в Махандари много – по склонам гор растут реликтовые рощи из каменного дуба, гималайского кедра, самшита и можжевельников. Там много ягод – облепихи, брусники, черники – и грибов.

Дом князя – самый верхний в крепости. У него остроконечная крыша, увенчанная резным изображением Ахни, бога огня. Маханды чтут Ахни выше других своих богов и приносят ему в жертву драгоценные камни, которые находят в горных ручьях. Особенно ценятся рубины и гранаты – за красный цвет. Считается, что в самоцветах живет дух огня.

Те из обычай махандов, с которым я успел познакомиться, достаточно самобытны и не имеют аналогов у соседних народов. Очень интересен свадебный обряд. Как и в большинстве архаичных культур, здесь жениха с невестой сводят еще в детстве. Свадьбу играют после того, как юноша пройдет через процедуру инициации, о которой ниже. Брачные узы скрепляет верховный жрец, после чего жених собственоручно прокалывает невесте уши и вдевает в них массивные золотые серьги.

Беременная женщина отселяется от мужа «в женскую половину» – особую пристройку к основному дому. После родов старейшины и жрецы осматривают младенца, выясняя, не является ли он сыном или дочерью горного демона. Если у ребенка обнаруживают хвостик, повышенную волосатость, бесцветные глаза или какие-то явные уродства, его безжалостно убивают, разбивая голову о Священный камень Сив, закопченный огнем жертвенных костров.

Маханды считают, что горный демон, умеющий менять обличие, под видом мужа может возлечь с женщиной, отчего и рождаются демонята. Женщина, обманутая демоном, считает-

ся нечистой. В знак того, что она не имеет прав рожать, ей отсекают уши.

Хилых, слабеньких новорожденных подвергают испытанию ночью. Это означает, что ребенка оставляют на ночь во дворе, на голой земле без одежды. Если он после этого не умирает, считается, что бог Ахни даровал ему свою силу. За таким ребенком, особенно если это мальчик, пристально следят старейшины. Во время обряда инициации его подвергают особенно жестоким испытаниям.

Вообще посвящение в мужчины у махандов – длительный и сложный ритуал. Достигших шестнадцатилетнего возраста юношей за две недели до праздника весеннего равноденствия вводят в особую пещеру, где они постятся и общаются с духами предков. В ночь инициации, до восхода солнца, каждый из них должен с завязанными глазами пройти по бревну через пропасть, достать красный камень со дна горного озера Багар, пронести через семь холмов на плечах овцу, пройти босиком по углам священных костров, подняться на отвесную скалу и с первыми лучами солнца войти в Пещеру предков. Там начинается сакральная часть ритуала, о которой мне пока ничего не удалось узнать.

Все эти варварские обычай, очень далекие от цивилизации, нельзя назвать прихотью чьего-то больного воображения. Их породили суровые условия жизни махандов и их предков. Жесткая отбраковка детей, своеобразная селекция, известна у многих древних народов, достаточно вспомнить тех же спартанцев. Маханды обрекают слабых и больных соплеменников на гибель во младенчестве, чтобы потом не кормить нахлебников.

Генетическая фильтрация тоже имеет объяснимую с точки зрения рационализма причину: непохожий на других человек в условиях постоянной борьбы за существование может оказаться слабым звеном и, в конечном итоге, послужит причиной гибели всего племени. Уничтожение младенцев с атавизмами,

альбиносов и уродов широко распространено не только у архаичных народов. В Третьем рейхе генетическая фильтрация была... ».

– Юноша, а вас разве не учили в детстве, что нельзя совать свой нос в чужие записи без разрешения? – Нефедов застает меня врасплох, и несмотря на шутливый тон, он явно рассердился.

Я решаю не обострять конфликт и надменно цежу сквозь зубы:

– Как смеешь ты, слуга, так разговаривать со своим господином? Я велю высечь тебя на конюшне!

– Нет тут никаких конюшен, – ворчит Нефедов, проходя в комнату.

Он отбирает у меня записную книжку, сует в карман. Я тянулся к кувшину с травяным настоем, протягиваю кружку профессору.

– Будешь?

– Нет, – он валится на свое ложе, устроенное у двери, закидывает руки за голову.

Интересуюсь:

– Ты чего такой?

– На душе неспокойно. ВалиТЬ надо, Артем.

– Чего это вдруг?

– Вдруг – не вдруг... А если, правда, что-то случится? Как будем выкручиваться?

От удивления настой попадает не в то горло. Булькаю, тараща глаза. Наконец мне удается проглотить питье и сказать:

– Вот те нате! Ты ж сам говорил, что торопиться не надо...

– Говорил! – Нефедов раздраженно щурится. – Но сегодня вернулись разведчики. Князь все время посыпает дальние дозоры к Пянджу, к границе, в Нуристан. В общем, неспокойно вокруг. Как бы нас не коснулось...

Последние дни мы с Телли почти не видимся. Она с матерью и сестрами все время находится на женской половине княжеского дома. За ворота выходит только в сопровождении пожилой толстой служанки. Я спросил у Нефедова, почему она приходила ко мне, больному, и накладывала целебную мазь? Оказывается, у махандов есть поверие, что рука юной княжны – это длань богини жизни Дзивы. Ее прикосновения исцеляют. Ну а мудрый Риши для подстраховки снабдил Телли, перед тем как ее отправили ко мне, горшком с мазью.

Не знаю, что сыграло главную роль – пенициллин, выращенный на испорченном сыре, отвары и настои или рука Телли и впрямь стала рукой богини – только на второй неделе пребывания в Махандари я наконец-то чувствую себя здоровым.

По этому случаю князь Атхи закатывает праздничный пир, продолжающийся всю ночь. Мы пьем махандское вино и пиво, едим, слушаем игру на местных гуслях, называемых «зузан», любуемся танцами девушек, среди которых особой грацией и статью, конечно же, выделяется Телли. Она пляшет впереди всех, в роскошном, шитом золотом, платье.

Это танец огня. Мне почему-то кажется, что княжна танцует его для меня.

В течение нескольких последующих дней я ищу встречи с Телли, но мне не удается увидеться с ней даже украдкой. Нефедов, мрачный, как туча, время от времени заводит со мной разговоры о побеге, но я его не слушаю.

Сегодняшнее утро – особенное. Ночные стражники, дежурящие на башенках, на рассвете замечают над Буй-саром радугу. Риши, как верховный жрец, сразу объявляет это добрым знаком и маханды целыми семьями тянутся в Пещеру предков – молиться душам давно умерших соплеменников. После обеда во дворах отчаянно блеют жертвенные бараны, а ближе к четырем часам на главной площади происходит обряд жертвоприношения. Лучшие части бараньих туш – печень, сердце, почки,

мозги – Риши и старейшины сжигают в огромном бронзовом жертвеннике во славу богов и пращуров.

Когда обряд заканчивается, Нефедов отводит меня в сторону.

– Пойдем, тебе надо взглянуть на это.

– На что?

– За городской стеной на равнине есть курганы. В них похоронены предки князя. Это очень интересно.

– Да чего там интересного? – я искренне не понимаю профессора. – Видел я. Земляные холмы, поросшие травой.

– ТАМ очень интересно! – выделяя голосом первое слово, говорит Нефедов и подмигивает мне.

Чувствуя себя полным болваном, плетусь за ним к городским воротам. На ночь их запирают, но до захода солнца еще далеко. Мы огибаем сторожевую башенку. На ее вершине маячит дозорный. Долина Махандари подернута сизой дымкой. По холмам бродят стада яков.

Нефедов ведет меня вдоль стены, потом по краю земляного вала и вниз, к курганам. В какой-то момент он останавливается и говорит подозрительным голосом:

– Мне в сапог попал камень. Ты иди по тропинке, я тебя догоню...

Тропинка вьется между камней, утопающих в зелени. Вокруг много ромашек, самых обычных ромашек, таких, как у нас в России.

Вот и курганы. Их девять. Высотой в десяток метров, с крутыми склонами они цепью тянутся вдоль подножия горы. На вершине крайнего кургана замечаю сидящего человека. Он смотрит в сторону заката. Опустившееся к зубчатой стене дальних гор солнце красит его голову и плечи в пурпур.

Я поднимаюсь на курган. Трава шелестит у меня под ногами. Человек слышит звуки шагов, поворачивается ко мне.

Это Телли.

Ладони мои влажнеют. Девушка украсила свои золотые волосы венком из ромашек. Солнечные лучи прошиваются белые лепестки насквозь и венок кажется объятым пламенем.

Мы стоим друг напротив друга и молчим. И я знаю, что мог бы стоять так вечно. Землетрясения, пожары, цунами, лавины, наводнения, извержения вулканов, нашествие саранчи, все казни египетские не сдвинут меня с этого места. Мне хочется только одного – чтобы время остановилось.

«Здравствуй», – говорит она. Говорит без слов. Взглядом, улыбкой. Я понимаю ее и отвечаю: «Здравствуй».

Она улыбается еще шире.

– Телли, – вслух говорю я.

– Артъ-ем, – нараспев, мягко произносит Телли и смеется – как будто колокольчики звенят.

– Телли... – я делаю шаг к ней, беру за руку. Огненные ромашки в ее волосах гаснут – на солнце наползла туча. Я обнимаю ее, вдыхая аромат трав и цветов, исходящий от девушки.

– Эй, голуби! – голос Нефедова скрежещет, как железо по стеклу. – Я дико извиняюсь, но обстоятельства явно против наших отношений. Артем, нам надо возвращаться в Махандари. С плато прибежал раненый дозорный – что-то случилось...

Для Телли он добавляет несколько слов на языке махандов. Я вздыхаю. Черт, ну почему раненые дозорные прибегают в самый неподходящий момент?

– Артъ-ем, – девушка печально улыбается.

– Телли...

Она поворачивается на месте и, подобрав подол длинного платья, ловко поднимается вверх по крутыму склону, к скалам.

– Там прорублен секретный проход, ведущий на женскую половину дома князя, – поясняет всеведущий Нефедов. – Ну а нам придется идти как обычно, через ворота.

– Что там с дозорным?

– Похоже, на плато чужие, и много. Эх, боюсь, опоздали мы с побегом. И план мой провалился.

– Какой план?

Профессор дергает себя за бороду, усмехается.

– Да я думал – вот сведу вас вместе и ты поймешь, что, во-первых, она – дикарка, а во-вторых, без знания языка вам даже о свиданке в стогу сена за околицей Махандари не договориться.

– Циник ты, Игнат.

Он хохочет:

– Стариk, ты все верно и правильно говоришь. Спор физиков и лириков закончился тем, что победили циники. Таково веление времени.

– Не нравится мне такое время, – бормочу я, сбегая по тропе с холма.

И тут над стенами Махандари начинают трубить боевые рога.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### Чудо пророка Пилилака

У ворот многолюдно. В центре стоят князь Атхи, старейшины с посохами, жрец Риши, вооруженные дружины. Вокруг толпятся старики, старухи, женщины, дети. Князь взволнованно что-то говорит, посверкивая глазами. Нефедов протискивается поближе, пытаясь понять. Я, как и подобает пророку, застываю в величественной позе поодаль. Надо будет – сами все расскажут.

Я совершенно не волнуюсь. Ну, разве что досадую, что наше первое свидание с Телли оказалось таким скомканным. Беды махандов кажутся мне смешными. Что там могло случиться со стражниками? Обвал? Оползень?

Оказалось, все намного хуже. Новости, принесенные Нефедовым, меня напугали:

– На плато вышла многочисленная вооруженная группа. Скорее всего, контрабандисты из Пакистана. Дозор у пещеры уничтожен. Завалить проход камнями им не удалось.

– Думаешь, эти контрабандисты полезут сюда, в Махандари?

– Уже полезли.

– Но зачем?

– Новые маршруты, места для складирования товаров, базы. Просто грабеж, – Нефедов пожимает плечами. – Мало ли что... нам о другом думать надо – как из этого всего выпутываться.

Ответить я ничего не успеваю – князь заканчивает свою вдохновенную речь, начинает раздавать приказания. Повинуясь его слову, женщины, дети и старики разбегаются по до-

мам. Оставшиеся мужчины и дружины выходят из города. Мы с профессором считаем – получается около пятидесяти человек. Вообще-то мужское население Махандари намного больше, но многие маханды сейчас сопровождают стада яков, коз и овец на горных пастбищах. Тем не менее пять десятков бородатых мужиков со штуцерами, топорами и саблями – сила внушительная. Интересно, что там за контрабандисты такие?

Они появляются на равнине примерно через полчаса. Князь внимательно разглядывает темные фигурки в старинную подзорную трубу с позеленевшими медными скрепами, потом передает ее мне. Я прикладываюсь глазом к окуляру и изумленно присвистываю. Почему-то враги махандов представлялись мне этакими типичными азиатскими горцами – в халатах, чалмах, ведущие в поводу ослов и лошадей.

На самом деле к Махандари идут совсем другие люди. На них армейские комбинезоны камуфляжной расцветки, за спинами – станковые рюкзаки. А главное, эти искатели приключений вооружены американскими автоматами, или, если использовать западную терминологию, штурмовыми винтовками M-16. Это, конечно, не «Калашниковых», но против M-16 у литтихских штуцеров махандов нет никаких шансов.

Контрабандистов навскидку около тридцати человек. Стрелков-махандов – чуть больше пятидесяти. При всем моем уважении, племя обречено. Тем не менее князь выстраивает своих людей вдоль заросшего травой земляного вала. Вал возвышается над равниной всего метра на полтора. Мы стоим в стороне. От моего былого спокойствия не остается и следа.

– Что они делают! – я указываю на стены. – Надо запереться в крепости и отстреливаться оттуда.

– Всякий мним себя стратегом, видя бой со стороны, – Нефедов задумчиво почесывает бритую голову. – Меня другое беспокоит...

Риши, звеня амулетами, подходит к князю, что-то говорит ему, указывая на меня. Атхи резко прерывает его, вытаскивает из ножен саблю.

– Ну вот, накаркал, – профессор прислушивается, переводит:  
– Старик хочет, чтобы пророк Пилилак, то есть ты, избавил племя от этой напасти. Слава богу, князь против. Он считает, что маханды справятся сами.

– Самоуверенный идиот! – я срываюсь с места, тащу Нефедова за собой к валу. Стрелки уже выстроились в линию. Они даже не прячутся – стоят на гребне, словно мишени в тире. Князь взмахивает саблей, каркающим голосом отдает команды. Маханды поднимают штуцеры.

– Далеко же! Надо подпустить поближе! – я трясу Нефедова.  
– Переводи! Игнат, они погибнут! Переводи!

Звучит еще один приказ – и следует трескучий залп. Пороховой дым застилает пространство перед нами. В лучах опустившегося к самым горам солнца он кажется красным. Когда ветер рассеивает дымное облако, становится ясно – ни одна из пуль махандов не попала в цель. Тем не менее стрелки очень довольны. Они, орудуя длинными шомполами, спокойно перезаряжают штуцеры, смеются, прищелкивают языками.

Нефедов, несколько секунд понаблюдав в подзорную трубу за противником, уверенno говорит:

– Скорее всего, это кашгарлыки. Кашгарские уйгуры, если по-русски. Это плохо.

– Почему?

– В труднодоступных горах на границе Афганистана, Китая и Пакистана существует свой «черный треугольник», подобный «золотому треугольнику» в Юго-Восточной Азии. Там, в укромных долинах, рабы выращивают опиумный мак, а потом наркотики по секретным тропам переправляются в соседние страны, а оттуда – в Европу и Америку. Этим занимается международная мафия, но в «черном треугольнике» всем заправля-

ют кашгарлыкские ханы. Их боевые группы хорошо вооружены и обучены. Похоже, нам «повезло» – Махандари атакует как раз одна из таких групп.

– Тогда тем более нужно сказать князю, чтобы его люди ушли под защиту стен!

– Бесполезно. Князь горд и упрям. А в горячке боя может и саблей полоснуть. Ложись!

Этот вскрик вырывается у него непроизвольно – на равнине начинают гавкать штурмовые винтовки кашгарцев. Нефедов падает в траву. Я сую руки в карманы своего халата и выпячиваю подбородок. Телли наверняка наблюдает за боем со стены. Правда, внутренний голос тут же подсказывает мне, что в белом халате я являюсь отличной мишенью, но я сжимаю покрепче зубы и шагаю к линии стрелков.

Лай М-16 становится громче. В воздухе посвистывают пули.

– Ложись, дурак! – шипит из травы Нефедов.

– Да пошел ты...

Среди махандов – первые потери. Уже трое дружиных свалились к подножию вала. Князь поднимает саблю. Следует второй залп. И вновь все пули – мимо. У меня появляется непреодолимое желание подобрать выпавший из мертвых рук штуцер и встать плечом к плечу с махандами. Единственное, что меня останавливает – я не умею заряжать это оружие.

Когда в траву со стоном оседает седьмой дружины, я не выдерживаю и иду к князю.

– Уводи людей! – кричу я ему, указывая на крепостные стены.

– Постреляют же всех! Не понимаешь? Тах-тах! Уводи скорей!

Атхи топает ногой в начищенном сапоге, машет саблей, орет что-то в ответ. Маханды теперь ведут беспорядочный огонь по принципу: зарядил – выстрелил. Кажется, им удалось застрелить пару кашгарцев. Наши потери составляют уже двенадцать человек.

Противник приближается.

– Ну, хотя бы сгони своих молодцов с вала! – я жестами показываю князю, что земляная грязь может защитить стрелков от пуль. Но, похоже, Атхи считает, что делает все правильно. Может быть, это какая-то древняя махандская тактика ведения боя – во весь рост, под пулями, с великолепным презрением к смерти? Если это так, если они всегда воевали вот таким отважным, но безумным образом, то неудивительно, что от некогда многочисленного народа осталась пара тысяч человек.

Кашгарцы двигаются короткими перебежками, прячась за валунами и кустарником. Они бьют махандов на выбор, как рябчиков. Я прошу дать мне заряженный штуцер. Князь не понимает. Нефедов куда-то делся. Зато старик Риши тут как тут. Он вступает с князем в эмоциональный диалог, тычет в меня скрюченным пальцем. Похоже, пришло время пророку Пилилаку явить спасительное чудо.

С невысоких стен Махандари раздаются крики, женский плач. Мы потеряли уже два десятка стрелков, кашгарцы – от силы пять человек. Надо что-то делать.

Появляется Нефедов. Присев за валом, он вклинивается в разговор Риши и князя. Я разбираю в потоке незнакомых слов несколько раз прозвучавшее «Пилилак».

– Ты чего задумал? – спрашиваю у профессора.

Он не успевает ответить – ко мне обращается князь. Нефедов начинает переводить:

– Сиятельный правитель махандов Атхи уверен, что его воины столкнулись с неуязвимыми горными демонами. Если все дружины погибнут, демоны возьмут Махандари и племени придет конец. Этого нельзя допустить. А посему древнее пророчество должно исполниться... Короче, Артем, теперь вся надежда только на тебя.

– Вот урод! – я кричу от отчаяния. Положить столько народу вместо того, чтобы с самого начала послушать моих советов!

– Переводи! – командую Нефедову и поворачиваюсь к князю:  
– Значится, так: прикажи своим людям убраться с вала. Пусть спрячутся, вот как он... – я киваю на профессора.

Князь, выслушав мои слова, вспыхивает было, но справляется с гонором, гонит стрелков вниз, спускается сам. Полдела сделано – бессмысленный отстрел махандов прекращен.

– Отправь несколько человек за порохом. И пусть принесут бочку, в которую собирается дождевая вода у нас во дворе, – я указываю в сторону крепости. – Мне нужно много пороха. Дальше: здесь должны остаться пять человек и двадцать штуцеров. Пусть воины заряжают оружие и передают мне. Все остальные должны уйти за стены. Выполнять! Бегом!!

Удостоверяюсь, что мои распоряжения, то есть воля пророка Пилилака, выполнены и выбираюсь на гребень вала. Протягиваю руку – в нее ложится ствол заряженного штуцера. Ну-с, поглядим, что это за зверь...

Беглый осмотр оружия меня удручет. Всех прицельных приспособлений – наполовину стертая мушка на конце ствола. И как тут стрелять?

Целюсь по стволу, фактически наугад. Очень мешает, что штуцер от души начищен – на стволе горит солнечный блик. Кашгарцы подобрались уже шагов на двести. Я замечаю над камнем голову в пестрой кепи, упираю приклад в плечо, нажимаю на спусковой крючок. Спуск у штуцера очень тугой. Щелкает курок, шипит порох на полке.

Выстрел!

Отдача у старинного оружия сильнее, чем у «Бура». Прицел сместился и я хорошо вижу, как пуля ударяется в камень на четыре часа от головы в кепи, сантиметрах в тридцати. Ну, лиха беда началась.

Спихиваю отстрелянный штуцер с вала, получаю следующий. Прицел, щелчок курка, шипение...

Выстрел!

Попал! Я попал! Из дульнозарядной винтовки, которой сто пятьдесят лет! Кепи слетает с головы кашгарца, сам он мешком вываливается из-за камня.

Ну, с почином, Артем Владимирович.

Из пяти следующих выстрелов точными оказываются три. Кашгарцы замечают удачливого стрелка и переносят огонь на гребень вала. Мне приходится переползать с места на место, высовываться, очень быстро прицеливаться и стрелять.

Это такая игра, смертельно опасная, но очень увлекательная. Называется – «угадай, где». Пока я выигрываю. Еще трое кашгарцев отправляются к гуриям, или кто там у них развлекает обитателей эдемских садов? Впрочем, с чего я взял, что покойные заслужили рая? Быть может, их уже подгоняют вилами к бурлящим котлам?

Какая ерунда лезет в голову... Снизу передают очередной штуцер. Так, в прошлый раз я двигался влево, значит, теперь нужно вправо. Стоп! Это слишком просто, это легко просчитывается. А вот там, где я уже был, кашгарцы меня явно не ждут. И я ползу к тому месту, откуда стрелял минуту назад.

Упираясь носками сапог в землю, выглядываю. Та-ак, господа бандиты перешли в атаку. Разумно. На ходу постреливая, кашгарлыки бегут к валу. Тем лучше. Точнее, проще. Все, игра в угадайку закончились. Началась другая – кто быстрее.

Привстаю на одно колено, и меняя штуцеры, веду беглый огонь по противнику. По мне стреляют, я стреляю – все честно. Пули кашгарцев несколько раз попадают в вал возле моих ног. Я даже чувствую, как земля вздрогивает, когда в нее вонзаются кусочки металла.

– Порох! – сообщает снизу Нефедов. – Порох и бочку принесли!

Я спускаюсь к нему и махаю мешочком с порохом – целая куча. Вполне хватит для претворения моего плана в жизнь. Решение надо принимать быстро – кашгарцы на подходе. Указываю на бочку, обращаюсь к Нефедову:

– Игнат! Плотно загрузи ее порохом вперемежку с камнями. Пару мешочеков с порохом оставь. Камни больше кулака не клади. Давай, быстрее, быстрее! И скажи остальным – пусть заряжают все штуцеры и уходят.

Профессор, укладывая мешочки в бочку, переводит мои слова махандам. Князь, естественно, никуда уходить не собирается. Риши тоже – он хочет своими глазами увидеть чудо пророка Пилилака. Ну, а дружинники, конечно же, не могут оставить правителя и главного жреца.

Я разрываюсь между стрельбой по кашгарцам, контролем за работой Нефедова и переговорами с упрямым князем. Чувствую – от былого хладнокровия не остается и следа. Начинаю психовать. Это очень плохо. Маратыч учил нас: стрелок обязан всегда, при любых раскладах, иметь холодную голову. Стреляя в тире, мы не очень понимали смысл этой фразы – ну, подумаешь, разволнуешься перед парой последних выстрелов, когда нужно добирать баллы, подышишь – да и успокоишься.

А вот теперь, на поле боя, я даже не мозгами – всем организмом понимаю, что имел в виду мой тренер. Холодная голова – это прежде всего отсутствие гнева, суетливости, злобы, словом, тех эмоций, что могут привести к гибели.

Подхожу вплотную к сидящему на земле князю, смотрю в его прозрачные глаза и делаю короткий и понятный жест рукой в сторону крепости. Он недовольно дергает ртом. Над нашими головами свистят пули – кашгарцы уже совсем близко.

– Бочка наполнена, – к нам на четвереньках подползает Нефедов.

– Надо плотно закрыть ее крышкой.

Профессор переводит. Князь отдает распоряжения. Потом он приказывает своим людям уходить. Слава богу!

С заряженным штуцером высываюсь из-за вала – и тут же ныряю обратно. Очередь косит траву на гребне. Кашгарцы буквально в двадцати метрах! Идут густой цепью, с М-16 наперевес.

– Бочка готова?

– Ну да, – Нефедов подбирается ближе, вполголоса, как будто кто-то может нас подслушать, говорит: – Артем, не дури. Мы можем сдаться кашгарцам. Скажем, что были пленниками. Сразу нас не убьют, мы ж европейцы, значит, за нас можно получить выкуп. А потом чего-нибудь придумаем...

– Гад ты все же, профессор Игнат Нефедов, – я, лежа на боку, перехватываю штуцер поудобнее. – Вот врежу я тебе сейчас прикладом в лобешник...

Он делает страшные глаза, поспешил отползает. Спускаюсь следом, но не за тем, чтобы выполнить свою угрозу – просто пришло время для чуда. Вешаю на шею два связанных вместе мешочка с порохом. Берусь за бочку – и вижу, как у меня дрожат руки. Да, с этим волнением уже ничего не поделать. Сейчас на карту поставлено все, и жизнь, и смерть, и прошлое, и будущее...

– Мне нужен нож и огниво! – это не просьба, это приказ.

Счет идет на секунды. Нефедов поспешил переводит. Князь подходит ко мне, вытаскивает из ножен на правой стороне кинжал, протягивает мне. Кинжал очень хорош. Голубоватая сталь, ухватистая рукоять из желтоватой слоновой кости, на хвостовике – нефритовый шарик. Огниво – кресало, кремень и трут – мне передает жрец.

– Уходите все! – кричу я и начинаю закатывать бочку наверх, благодаря богов и судьбу, что вал невысок.

Когда до гребня остается совсем чуть-чуть, я, чтобы бочка не скатилась обратно, упираюсь в нее коленом и кинжалом не столько пробиваю, сколько расковыриваю в крышке дыру. Врезаю мешочки, сыплю порох внутрь, в бочку.

Так, полдела сделано. Осталось самое простое – и самое сложное одновременно. Сложное не потому, что опасное, тут все опасно, а потому что я это делаю первый и, скорее всего, последний раз в жизни.

Про пороховую бомбу, изготовленную из обычной винной бочки, я читал в книге, посвященной гугенотским войнам во Франции. Для такой бомбы нужен порох, камни и галька в качестве поражающего элемента, бочка и наклонная поверхность. Но в книге, я это точно помню, помимо прочего было написано: из десяти пороховых бомб такого типа успешно взрывались только четыре. А у меня – всего одна. Это означает, что я не имею права на ошибку.

Слышу голоса кашгарцев, перекликающихся друг с другом. Они совсем рядом. Напоследок обозреваю окрестности. Серые стены Маханадари, силуэты людей между зубцами, изумрудную зелень травы внизу, набравшие вечернюю синеву конусы дальних вершин и багровое солнце, наполовину ушедшее за Рогатую гору, таинственный Буй-сар. Я хочу, чтобы все это навечно сохранилось в моей памяти.

А еще я очень хочу видеть Телли. Ее глаза. Венок из пламенеющих ромашек на ее волосах.

Пора!

Упираясь плечом в бочку, выкатываю ее на гребень вала. Кашгарцы – в нескольких шагах от вала – вскидывают автоматы. Их человек двадцать, взрослые, бывалые мужики. Наверное, Нефедов и впрямь мог бы с ними договориться.

– Привет! – я улыбаюсь самой радушной из всех мыслимых улыбок. – Подходите поближе, друзья! Представление начинается!

Толкаю бочку ногой. Она катится вниз, постепенно набирая скорость. Один из кашгарцев гортанно вскрикивает, указывая на высывающийся из бочки порох.

Я валяюсь в траву, начинаю ширкать рубчатым кресалом по кремню. Это самое «узкое место» моего плана. Я плохо умею обращаться с огнivом, а спичек у махандов, понятное дело, нет.

Начинается стрельба. Из-под кресала летят искры. Они попадают на лежащий в траве трут, голубоватая змейка дыма

поднимается вверх. Начинаю дуть, стараясь не дать крохотной искорке умереть. Трут, изготовленный из какого-то темного пористого вещества, явно за меня. Искорка расплзается, превращается в оранжевое пятнышко. Я дую, щуря слезящиеся от дыма глаза. Понимаю – уже опоздал. Огонь не успеет по пороховой дорожке добежать до бочки. Все пропало!

Над трутом поднимется долгожданный язычок пламени. Безо всякой надежды сую горящий трут в кучку просыпавшегося из бочки пороха. Яростное пламя бьет в лицо. Кричу от боли, вскакиваю на ноги.

Вижу кашгарцев, ногами расшвыривающих пороховую дорожку. Они смеются, машут мне рукой – иди сюда, мол, вояка. Вот и все. Мой план провалился. Бочка останавливается, упервшись в какую-то кочку. Порох догорает в траве. На меня направлены стволы М-16. Князь внизу кричит, размахивая саблей. Риши горестно стонет. Нефедов безумными глазами смотрит на меня, в его взгляде читается недоумение.

Да, Пилилак оказался лжепророком. Он не спас махандов. И сейчас погибнет или, что еще хуже, будет захвачен в плен.

Впрочем, еще есть возможность сохранить если не жизнь, то хотя бы честь. Прощай, Телли. Прощай, мама. Никогда не думал, что все закончится вот так...

Я подхватываю с земли заряженный штуцер и не целясь – разве можно промахнуться с пяти метров! – стреляю в бочку. Взрыва я не слышу и не вижу. Просто что-то огромное, слепящее, поднимается под ту сторону вала и поглощает меня, как штормовая волна одинокого пловца...

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

### Перевал Сломанных ребер

– Понимаешь, Артем, – Нефедов делает неопределенный жест рукой, – этнос, переживший фазу обскурации, становится реликтовым. Вот как маханды.

– Что значит – «реликтовый»? – спрашиваю я у профессора, поднимаясь следом за ним по тропе к перевалу Сломанных ребер. Разговор о судьбах различных народов, затянутый полчаса назад, перерос в настоящую лекцию по истории человечества.

– Мой учитель Лев Николаевич Гумилев говорил, что реликтовые этносы – это народы, растерявшие свой пассионарный фонд. Они потеряли способность к саморазвитию, но поддерживают баланс своего племени с природой. Без давления извне такой этнос может бесконечно долго хранить свою оригинальную культуру и отработанный стереотип поведения. Вместе со способностью к саморазвитию он теряет и ощущение времени.

– А что такое обскурация?

– Одна из фаз этногенеза, то есть развития этноса. Фаза обскурации — снижение пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающееся либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт.

– Тьфу ты! Игнат, я запутался. Гомеостаз – это что за зверь?

Он смеется.

– Гомеостаз — способность популяции поддерживать определенную численность своих особей длительное время. Обскуративная фаза – одна из финальных в развитии того или иного народа.

– Одна из? То есть существуют и другие?

– Конечно. Есть еще мемориальная фаза. Это состояние этноса после фазы обскурации, когда отдельными его представителями сохраняется культурная традиция. Память о героических действиях предков продолжает жить в виде фольклорных произведений, легенд. Народы утеряли активность, но богатый былинный эпос говорит нам об их былой славе. Например...

– Не надо «например», – перебиваю я профессора. – Ты лучше скажи: вот наш СССР – это какая фаза?

– Ты некорректно ставишь вопрос. Нельзя рассматривать события последних десятилетий в отрыве от развития русского суперэтноса, возникшего в пятнадцатом веке. А он сейчас находится в фазе надлома.

– Дурацкое слово какое-то – надлом.

– Ну, дурацкое – не дурацкое, а это так. Фаза надлома – это резкое снижение пассионарного напряжения и увеличение доли субпассионариев. Императив: «Мы устали от великих свершений». К тому же у нас есть объективная причина: три революции, Гражданская и Великая Отечественная войны выбили огромное количество пассионариев. Теперь основная масса населения страны – обыватели, мещане. Люди больше думают не о Родине, а о себе. О своей норке. О колбасе. Таких, как ты – мало.

Таких, как ты... Поправив рюкзак, я поудобнее перевешиваю трофеиную М-16 и углубляюсь в раздумья. «Таких, как ты» – это каких? Значения слова «пассионарий», постоянно употребляемого Нефедовым, мне все же не до конца понятно. Монгольские «люди длинной воли» – тут все просто. А я? Стал бы я таким, каков есть сейчас, если бы не серебряная фигурка из шкатулки? Совершенно точно – нет.

Как сложилась бы моя жизнь, не появись в ней конь? Да все просто: я бы, скорее всего, сделал предложение Наде, вошел в Олимпийскую сборную и сейчас готовился к свадьбе, Олимпи-

аде и заканчивал третий курс. Что в этом мещанского? Обычная жизнь. Как у всех.

И вдруг у меня в голове возникает короткое слово: «отец». Я его совсем не знаю, но ведь он-то как раз не стал существовать «как все». Он-то свою жизнь изменил резко и жестко! Понял, что не может больше жить с матерью – и ушел. Не побоявшись родительских проклятий, осуждения знакомых и прочего. Как не боялся совершать подобные поступки Темуджин.

Получается, отец – пассионарий? Этот вывод мне не нравится. Все же пассионарий – это не только «человек длиной воли», а отец – просто эгоист. Наверное, ключевой момент в пассионарности – способность пожертвовать собой ради других, бросить все ради ДЕЛА, а не ради собственного благополучия и комфорта.

– Ты чего приумолк? – не оборачиваясь, спрашивает Нефедов. – Голова как? Не болит?

– Нормально.

Про голову он спрашивает не случайно. После той битвы у стен Махандари я несколько дней мучился жестокими головными болями. Контузия. Или, говоря медицинским языком, общее поражение организма вследствие резкого внешнего механического воздействия. В моем случае таким воздействием стала ударная волна от взрыва пороховой бомбы.

Собственно, после взрыва бой закончился. Бомба убила семерых кашгарцев, остальных поsekло камнями, опалило огнем, оглушило и подоспевшие дружинники во главе с князем саблями и ножами добили их, полностью истребив весь отряд.

Меня спасло то, что я стоял не на самом гребне вала и взрывная волна, отразившись от земляной насыпи, ушла вверх. Жрец Риши тут же объявил случившееся «чудом пророка Пилилака». Меня на руках отнесли в Махандари и почти сутки окуривали дымом священных костров, изгоняя из тела демона беспамятства. Все это время князь, Телли, жрец и Нефедов не отходили

от меня, а остальные маханды молились богам, чтобы пророк выжил.

Очнувшись, я первым делом велел собрать все трофеи. Оказалось, что трупы врагов вместе с оружием и всеми вещами уже зарыты в «поганой яме». Своих мертвцев маханды сжигают, хороня пепел в курганах или каменных могилах, а чужаков попросту закапывают. Пришлось настоять на эксгумации – для дальнейшего похода нам нужно было оружие и снаряжение.

С комбинезонами вышла промашка – маханды так издырявили мертвцев, что их одежда превратилась в лохмотья. Выбрав пару более-менее целых рюкзаков, собрав патроны и пристреляв две наиболее сохранных М-16, я объявил, что пророк Пилилак и его слуга отправляются в дальний путь. Конь звал меня, не давал спать, слал видение за видением. И днем, и ночью в ушах стоял несмолкаемый шепот: «Долина Неш. Иди в долину Неш...».

На прощание князь Атхи устроил богатый пир в мою честь и подарил тот самый кинжал, которым я расковыривал днище бочки с порохом. По махандским обычаям это была высшая честь – принять оружие из рук самого князя. Нефедов получил куда менее ценный, с точки зрения обитателей Махандари, подарок – всего лишь мешочек с драгоценными камнями.

В ответ я одарил этих людей «заветами пророка Пилилака», тут же занесенными на скрижали мудрости. Заветы были очень просты: «учиться военному делу настоящим образом», то бишь постоянно упражняться в стрельбе и боевых искусствах; «кадры решают все», что означало подбор на ключевые должности людей не по степени родства с князем и знатности происхождения, а по способностям; «миром правит информация» – тут я просто объяснил старейшинам и князю, что без разветвленной системы далеко вынесенных постов, связанных с Махандари через гонцов, следующий отряд тех же кашгарцев уничтожит племя. «О враге вы должны знать за несколько дней

до того, как он приблизится к вашим границам, – сказал я махандам. – Тогда у вас будет время подготовиться и встретить его во всеоружии».

Тропа идет по скалистой гряде, петляя между утесов. Она то ныряет в расселины, то выется над обрывами. Иногда ширина ее не превышает ладони. Слева – отвесная стена, справа – бездна, над головой – облака.

Мы в пути второй день. Перевал Сломанных ребер совсем рядом. Там кончаются владения махандов и начинается спуск в проклятую долину Неш, из которой еще никто не возвращался. Так гласит легенда, рассказанная нам старцем Риши.

Воля, подстегиваемая конем, ведет меня вперед. Душа же стонет и плачет. Душа хочет вернуться, потому что сердце мое живет там, за серыми стенами Махандари, в доме князя Атхи.

Телли...

Как я хотел остаться с ней! Каждый день, каждый час видеть ее лицо, прикасаться к золотым волосам, слышать ее голос... Но Нефедов прав – мы не можем быть вместе. И дело тут даже не в том, что я – советский гражданин, а она – дочь князя племени махандов, застрявшего не то чтобы в средневековье, а вообще в каких-то невообразимо далеких временах, когда мир был еще юн.

Я сойду с ума, если не последую за конем. Мой долг выжжет меня изнутри. Поэтому для себя я решил так: потом, когда все свершится и закончится – вернусь к Телли. За Телли. Просить Нефедова, чтобы он перевел эти слова девушке, я не стал. Просто посмотрел ей в глаза – и она поняла меня, как поняла тогда, у курганов, перед боем с кашгарцами.

Двурогая вершина Буй-сар белеет по левую руку от нас. Впереди, совсем близко – перевал Сломанных ребер, до него уже подать рукой. Несмотря на зловещее название, он расположен

достаточно низко. Здесь нет ледников, как на жутком Карабахе, где мы едва не погибли. Я не чувствую признаков горной болезни, и вообще ощущаю себя, как говорится, на все сто. Голова ясная, руки-ноги в порядке. Если бы не тоска по Телли...

Справа синеют горные цепи, теряющиеся в мглистой дали. Когда-то через них к перевалу пришло племя махандов, спасавшееся от фанатиков-мусульман. Риши говорил нам, что переход был очень трудным.

— Горные демоны брали по две-три души в день. Мы не могли погребать умерших в огне, как велит обычай, и оставляли их на скалах, разбивая кости камнями.

— Зачем?

— Чтобы в мертвые тела не вселились злые дэвы и не преследовали нас. Больше всего трупов осталось на перевале. Именно поэтому он зовется перевалом Сломанных ребер.

Тропа выводит нас к черному, как смоль, утесу. Он торчит над пропастью, как гнилой зуб. Чтобы обогнуть его и попасть на перевал, нужно пройти по подвесному мосту, висящему над бездной. Мост сделан из веток, камней, глины и выглядит настолько ненадежно, что я заранее потею и невольно начинаю тяжело дышать. Под нами метров сто пустоты, внизу шумит горный поток. Нефедов предлагает сделать связку. Это разумно.

Веревки у нас — три отреза. Отрез — это махандская мера длины, составляющая тридцать шагов. Еще мы взяли с собой овчинные шубы, шерстяные носки, холщевые плащи, воду и продукты — вяленое мясо, лепешки, просо, сушеные яблоки и изюм из горного винограда. И патроны — порядка четырех сотен натовских патронов калибра 5,56 миллиметра. У Нефедова есть топор, у меня — кинжал князя Атхи.

Обвязываю веревку вокруг пояса. Снимаю рюкзак. Я понесу его в руках, чтобы, если что, сразу бросить. М-16 за спиной. Американский автомат легче «Калашникова», но все равно это дополнительный вес. На утлой дорожке из хвороста каждый

грамм имеет значение. Профессор первым ступает на мост. Раздается треск веток, вниз летят камешки, мусор, щепки.

– Ничего, – улыбается он, повернув голову. – Не мы первые, не мы последние.

Это звучит как заклинание.

Я следом за ним ставлю ногу на ветки. Ну, теперь все зависит только от тех безвестных мастеров, что протянули эту дорожку над бездной.

Шаг за шагом мы продвигаемся вперед. От нагретой стены утеса исходит ощутимое тепло.

– Если я сорвусь, – не поворачиваясь, тихо говорит вдруг Нефедов, – сразу ложись. Так удельное давление станет меньше.

Я не успеваю ничего ответить – потрескивание веток под ногами внезапно сменяется громким хрустом и я проваливаюсь, обдирая пальцы о камень в тщетной попытке удержаться на отвесной стене. Веревка натягивается, больно врезаясь в спину.

– Не дергайся! – кричит Нефедов. – Я попробую тебя вытащить!

Раскачиваюсь над пропастью, как маятник. В лицо летит песок, всякий сор. Мост снизу выглядит еще более пугающе – гнилые сучья, забитые в трещины, тонкие прутики, заплетенные между ними. Такое сооружение не выдержит и кошку.

– Ы-ых! – выдыхает Нефедов, подтягивая меня наверх. – Ы-ых!

Хватаюсь левой рукой за веревку, упираюсь ногами в камень, чтобы помочь профессору. Медленно, сантиметр за сантиметром, я возвращаюсь в мир живых. Когда до моста остается метра два, подъем прекращается.

– Игнат, ты чего?

– Н-не могу-у-у... Руки режет... Черт, надо было узлы навязать!

Молчу. А что я могу сказать? У меня в такой ситуации есть только один выход – достать кинжал и обрезать веревку. Но это

на самый крайний случай. Сейчас нужно просто подождать, пока Нефедов отдохнет.

– Ну, господи, помоги! – хрипит профессор и снова начинает тянуть.

…Первое, что вижу, когда выбираюсь на мост – красное от напряжения лицо Нефедова и выпученные глаза, в которых полопались сосудики.

– Идиот! – стонет он. – Почему рюкзак не бросил?!

Только тут понимаю, что моя левая рука продета в рюкзачные лямки. Непроизвольно улыбаюсь.

– Смешно ему, – ворчит профессор и показывает ладони. – Видал?

Да уж, зрелище не для слабонервных. Жесткая веревка содрала кожу до мяса. Кровь течет по пальцам, капая на ветки под ногами.

– Машинально как-то…

– Машинально он… Давай, перевязывай теперь, – Нефедов подмигивает мне. – Надеюсь, моя кровь в качестве жертвы успокоит духов гор.

Достаю из рюкзака прощальный подарок старца Риши – глиняный горшочек с целебной мазью. Накладываю мазь на раны. Нефедов плюется, шипит от боли, но терпит. Перематываю профессорские ладони полотняными лентами. Откупориваю козий мех с кислым махандским вином. Нефедов жадно пьет, усмехается, вытирая бороду:

– Теперь мы с тобой квиты.

Это он про тот случай, когда я на леднике вытаскивал его из трещины. Я тоже делаю несколько глотков вина. После пережитого нужно как-то успокоиться.

– Десять минут курим – и идем, – объявляет Нефедов.

«Курим» – это для красного словца. Сигареты у нас кончились еще на подходе к Караболю. Но не сказать, что мы оба мучаемся без курева. В горах как-то не до этого.

Мост остается позади. По косой скальной полке поднимаемся в горы. Посредине из груды камней торчит обтесанный древесный ствол с «громовыми знаками» – пограничный столб махандов. Поодаль я вижу позеленевшие, обросшие узорчатым лишайником человеческие кости. Вот он какой, перевал Сломанных ребер.

Надо перекусить, отдохнуть. Снимаю рюкзак, сажусь на корточки...

– Хэй-е! – раздается позади звонкий девичий голос.

Я знаю, что по-махандски «хэй-е» – нечто среднее между «привет» и «здравствуйте». Нефедов резко оборачивается. Я застываю над развязанным рюкзаком. Мне нет нужды смотреть, кто здоровается с нами. Этот голос я узнаю из тысяч других.

Телли.

Скриплю зубами. Что же ты делаешь, девочка моя...

– Как она прошла мост? – поражается Нефедов.

Чего удивляться? Сейчас поднимется – можно будет спросить... Я каменно спокоен. Как скала. Как гора. Как целый горный хребет.

Слышу шаги, выпрямляюсь. Телли улыбается, помахивает узорчатой «дорожной палкой». Она в простом платье из грубого материала. За спиной котомка, на голове – любимая шапочка, расшитая бирюзой и лазуритом. Голубовато-зеленые камни очень эффектно сочетаются с ее глазами.

Нефедов что-то говорит ей, Телли отвечает задорно и весело. Отвечает, а сама смотрит на меня. Я молчу. И вовсе не по причине незнания языка. Я просто таю от любви к этой девушке, и в то же время судорожно соображаю, что делать.

Мы не можем взять Телли с собой в поход к Хан-Тенгри. В первую очередь для ее же блага. Бог ведает, какие беды ждут нас на этом пути. В любой сложной ситуации мне придется защищать ее, не потому, что девушка не сможет за себя постоять – она, как и все махандки, великолепно управляетя с кривым

острым ножом-касаем – а потому, что я мужчина и люблю Телли. Но защищая ее, я забуду о главном – и это станет концом всей экспедиции.

Диалог между Телли и Нефедовым становится эмоциональным. Похоже, профессора раздражает то, что говорит махандская княжна. Телли тоже перестает улыбаться. Вот они уже орут друг на друга, размахивая руками. Тугие косы девушки летают над плечами, переливаясь на солнце чистым золотом.

Подхожу к Телли, ловлю ее ладони, сжимаю, смотрю в глаза. Она обрывает очередную гневную тираду на полуслове, всем телом подается ко мне.

– Артем, она говорит, что сбежала из дома, – комментирует Нефедов. – Говорит, что хочет, чтобы ты проколол ей уши. Ну, ты понимаешь, что это значит. Я пытался ей объяснить...

– Уйди, Игнат, – цежу я сквозь зубы.

Профессор меня утомил. Неужели он не понимает, что сейчас бессмысленно взвывать к разуму – и Телли, и моему?

– Артъ-ем... – нараспев произносит девушка.

Не в силах спорить с нею, обнимаю Телли, целую. У нее теплые, мягкие губы. Волосы пахнут ромашками и мятой.

– Прости, – вслух, по-русски говорю я, отстраняюсь и веду ее, не выпуская ее ладоней из рук, к деревянному столбу. – Игнат! Давай веревку!

Прости, родная, но так надо...

Все то время, пока я обматываю ее веревкой, Телли молчит, закрыв глаза. По щекам девушки текут слезы. Я и сам сейчас заплачу. Черт, как же глупо и несправедливо устроен мир!

Слышу голос Нефедова:

– Ты принял мужское решение, Артем.

– Заткнись! – срываюсь я на крик.

Он послушно умолкает, отходит в сторону. И слава богу, иначе я дал бы ему в морду.

Затягиваю последний узел. Все, Телли накрепко примотана к столбу, ее голова находится прямо под «громовыми знаками». Надеюсь, священные символы ее народа оградят девушку от всех бед, пока она не освободится. По моим прикидкам, это произойдет часа через два. Нож Телли, кривой касай, я кладу на камень в нескольких шагах от столба.

Нам надо идти дальше. Спускаться в долину Неш, спускаться быстро, чтобы княжна не смогла догнать нас. Риши говорил, что склоны долины очень круты, без веревок и страховки, в одиночку, спуститься невозможно.

– До свидания, любовь моя, – я целую Телли. Она не открывает глаз. На моих губах остается солоноватый привкус ее слез.

Подхватываю рюкзак, бегом несусь по еле заметной тропке, ведущей с перевала вниз. Нефедов едва поспевает за мной. Мы спускаемся метров на пятьсот и тут до меня долетает звонкий голос Телли:

– Кама маамак! Асмад натиам смар анугам! Арть-ем! Кама маамак!

– Она кричит, что будет помнить и ждать тебя, – переводит Нефедов. – Что ты – ее любовь.

– Я знаю...

И в этот момент меня накрывает.

Оэлун лежала в юрте, укрывшись расшитой красным и желтым кошмой, предаваясь воспоминаниям. Много лет минуло с той поры, когда ее старший сын, ее Темуджин, увидел свет. Много – а словно вчера все было. Теперь Темуджин стал мужчиной, женился на прекрасной девушке, встал крепко, обеими ногами, на земле предков. Жаль, отец, Есугей, не видит. Порадовался бы за сына.

Оэлун вспомнила, как тяжело проходили роды и ощущение счастья, когда новорожденный сын впервые припал к ее груди, жадно глотая молоко.

– Какой голодный! – Есугей повалился на кошму у очага, прошел рукой по щеке жены. – Я привез тебе золотое ожерелье из жемчуга и голубых сапфиров. В нем ты будешь прекрасна, как дождевое облако, освещенное восходным солнцем!<sup>11</sup> Как раз такое висело над берегом Онона в то утро, когда мы впервые увидели друг друга.

– Я помню, – прошептала Оэлун.

...Она и вправду помнила этот странный, самый, пожалуй, странный в своей жизни день. Накануне она, тогда еще совсем девочка, и ее жених, меркит по имени Чиледу, покинули становище олхонутов, родного племени Оэлун. На повозке, запряженной парой быков, они ехали вдоль Онона и быстрые воды реки, сверкающие на перекатах, казались девушке похожими на ее судьбу, уносящуюся куда-то вдаль, туда, где кочуют на берегах Селенги неведомые ей меркиты.

Ее жених Чиледу не был плохим человеком. Всю дорогу, весь жаркий день он угождал ей сладкими лепешками и прохладным кумысом, а когда они остановились на ночлег, не тронул ее, потому что чтил заветы стариков, согласно которым до свадьбы жених и невеста спят порознь.

Утром взошло солнце и Оэлун, проснувшись, увидела над рекой облако. Белое сверху и густо-синее снизу, оно походило на огромный ком выбеленной овечьей шерсти, вывешенный на просушку. Лучи солнца позолотили облако, и засмотревшись на него, девушка не заметила, откуда появился одинокий всадник. Казалось, он просто возник на берегу, у самой воды, среди кустов краснотала. Возник, соскочил с коня, сбросил повод, давая своему скакуну напиться.

А потом возле незнакомца появился Чиледу. В руках жених Оэлун сжал широкий киданьский меч, но нападать не спешил – по законам степи нельзя убивать неизвестного человека, иначе тень его будет преследовать тебя до самой смерти.

---

<sup>11</sup> Оэлун – по-монгольски «облачко»

О чем говорили мужчины, Оэлун не слышала. В какой-то момент сердце ее сжалось от тоски и тревоги. Девушке вдруг захотелось, чтобы незнакомец оказался посланцем отца, который решил расстроить свадьбу. Но Вечному Синему небу желалось другое...

Оэлун разожгла костер и повесила над огнем походный котел-таган – вскипятить чаю. Ночь выдалась зябкой, да и гости с дороги принято угощать чашкой ароматного напитка, направленного бараным салом.

Чиледу и незнакомец, ведущий в поводу коня, подошли к костру, когда чай был готов и Оэлун нарезала вяленную конину.

– Моя еда – твоя еда, – произнес Чиледу традиционные слова, приглашая гостя разделить утреннюю трапезу.

– Я не забуду твою щедрость, – в тон ему ответил незнакомец. Оэлун заметила, что оба мужчины держатся насторожено, приглядываясь друг к другу. Из-под бронзовых подвесок, свисающих на лицо, она посмотрела на чужака – и задохнулась от смешанного чувства восторга и страха.

Сидящий у разожженного ею костра мужчина имел золотые волосы и светлые глаза разного цвета! Он с достоинством принял чашку дымящегося чая, макнул в нее кончики пальцев и брызнул в небо, на костер, на землю и в сторону реки. Это было подношение духам стихий.

Не спеша, наслаждаясь вкусом, путники пили чай. Они молчали – перед разговором придет потом. Все это время Оэлун украдкой рассматривала незнакомца.

Он был молод, пожалуй, даже моложе ее жениха. Широкая грудь, гордо посаженная голова выдавали его силу и непреклонный нрав. Серый войлочный плащ скрывал одежду, и Оэлун не могла понять, из какого он племени.

Утолив жажду и голод, незнакомец степенно отставил пустую чашку, вытер руки о свой плащ и произнес:

– Мерkit и олохнутка в одной кибитке здесь, на берегах Онона. Что свело вас вместе?

– Почему ты спрашиваешь? – недобро прищурился жених Оэлун. Чиледу не нравился рыжебородый человек, это было видно.

– Потому что... – незнакомец вдруг резко поднялся на ноги и скинулся плащ. Голубой халат с золотистой вышивкой по вороту полыхнул на солнце. – Потому что я Есугей Кият-Борджигин, нойон из рода Хабул-хана!

– А я Ике-Чиледу, брат Тохтоа-беки, владыки удуут-меркитов! – зарычал жених Оэлун и взялся за меч.

Несколько мгновений мужчины стояли друг против друга. Чиледу тяжело дышал. Есугей смотрел... нет, не на меркита. Он смотрел на Оэлун. А она смотрела на него. Потом рыжебородый рассмеялся.

– У тебя красивая невеста, Ике-Чиледу. До устья Селенги дальний путь. Поторопись, в здешних землях случается всякое...

Не прощаясь, Есугей вскочил на коня и умчался в степь. Жених Оэлун тут же начал собираться в дорогу. Девушка помогала ему, но у нее все валилось из рук.

– Пошевеливайся! Ты что, хочешь, чтобы эти проклятые Борджигины нагрянули сюда, меня убили, а тебя сделали рабыней? – прикрикнул на нее Чиледу.

– Почему ты так говоришь о них?

– Потому что это волчий род, выродки, не признающие ничьей власти. Они берут себе все, что пожелают. Мы, меркиты, давно враждуем с ними. Их земли лежат совсем рядом. Этот наглец с рыжей бородой может привести подмогу. В одиночку он не отважится напасть на меня.

Оэлун подумала, что Есугей не стал ссориться с Чиледу не из-за страха, а потому, что чтил древний обычай, согласно которому гость не имеет права обижать хозяина, но ничего не сказала своему жениху.

Они ехали весь день. Оэлун погоняла быков, но делала это без всякой охоты. Наконец Чиледу отнял у нее кнут, утверждая, что девушка нарочно не торопится. Оэлун промолчала в ответ.

Всадники нагнали их кибитку, когда солнце начало клониться к закату. Их было трое. Чиледу с проклятиями начал доставать оружие и отвязывать шедшего за кибиткой боевого коня.

– Нет, Чиледу, – сказала тогда ему Оэлун. – Не сражайся с ними. Их много и они убьют тебя. Твой род пресечется, твои дети умрут в тебе не рожденными. Садись на коня и скаки прочь. Им нужна я. Спасайся, а потом отомсти за меня.

Меркит зарычал, точно раненый тигр, злобно сверкнул глазами на Оэлун. Он все понял, но ничего не сказал. Нахлестывая коня, Чиледу умчался в степь.

Девушка встала возле кибитки. Всадники приблизились. Есугей спешился, подошел к ней и обнял.

– Мое Облачко, – сказал он. Оэлун засмеялась и спросила, кивнув на гарцающих поодаль молодцев:

– Это твои нукеры?

– Это мои братья – Некун-тайджи и Даритай-очигин.

– Они не похожи на тебя.

– Старики говорят, что во мне проявилась кровь нашего божественного предка Бодончара, рожденного Алан-Гоа от самого Тengри. А этот меркит поступил мудро, уехав отсюда. Мне не пришлось убивать его. Скажи, Облачко это ты надоумила его?

Девушка ничего не ответила. Она обхватила двумя руками Есугея, прижалась к нему и закрыла глаза.

Выбор был сделан, и никогда в жизни Оэлун не пожалела о нем...

А вот теперь ей вдруг стало тревожно. Словно из прошлого пришла темная туча и заволокла небо над головой. Да, Темуджин стал уважаемым в степи человеком. Идут к нему люди, хан Тоорил Керантский покровительствует ему. Но ведь и враги не дремлют. Ох, как бы беды не случилось...

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

### Проклятая долина Неш

Я не помню спуска в долину – сперва наблюдал за историей отношений Оэлун и Есугея, потом думал о Телли. Дважды порывался я бросить все и вернуться. Нефедову пришлось удерживать меня силой и даже угрожать оружием.

В себя прихожу только на скалах. Внизу – бездна, в руках – веревка. Профессор, утвердившись на выступе, кричит, чтобы я побыстрее спускался. Упираюсь сапогами в камень, шепчу ругательства. Пот заливает глаза. Когда оказываюсь рядом с Нефедовым на узком выступе, от напряжения сводит судорогой мышцы.

– Вон там, ниже, еще одна полка, – говорит профессор. – Сейчас перевяжемся и пойдем туда.

У Нефедова хорошая альпинистская подготовка. Он умеет, как сам выражается, «ходить по скалам». Знает хитроумные узлы, позволяющие сдернуть привязанную наверху веревку. Если бы не это, мы не смогли бы спуститься. Долина Неш лежит примерно в восьмистах метрах ниже перевала. Почти все это расстояние – отвесная каменная стена с редкими выступами.

– Ты где так научился? – следя за тем, как ловко Нефедов сматывает наш альпиншнур, спрашиваю я.

– В студенчестве ездили с ребятами на Хибины, на Кавказ, в Крым. У меня разряд по альпинизму. Все, хватит болтать! Отдохну? Тогда давай, на этот раз пойдешь первым.

Иду. Точнее, ползу. Еще точнее – сползаю вниз по веревке, обдирая руки. Не знаю, как справляется Нефедов, у которого

раны на ладонях. Но мне очень тяжело. Плюс ко всему приходит одуряющий страх высоты. Добираюсь до выступа мокрый как мышь. Стыдно – я же мужчина! Но нервной системе не прикажешь. Чтобы отвлечься, снова начинаю думать о Телли.

Как она там? Освободилась ли уже? Спуститься следом за нами девушка не сможет. Очень надеюсь, что у нее хватит благоразумия не наделать глупостей.

И у меня тоже...

Когда подошвы моих сапог, подаренных махандами, касаются земли у подножья скальной стены, я от усталости уже не могу разговаривать, только мычу в ответ на указания Нефедова что-то нечленораздельное.

Профессор сдергивает последнюю веревку, падает рядом со мной, не сняв рюкзака. Он тоже устал. Риши сказал нам, что из долины Неш не возвращался ни один человек. Это немудрено – чтобы подняться обратно по этим скалам, нужно иметь крючья, карабины, разные хитрые альпинистские штуки, позволяющие затрачивать минимум усилий.

Наверняка из долины можно выбраться другим способом и в других местах, но все они, видимо, находятся далеко от Махандари.

Неш лежит перед нами. Долина шире и длиннее той, в которой обитают маханды. Мы видим купы деревьев, речушку, петляющую меж зеленых холмов. Вдали, в сизой дымке, проглядывает что-то вроде дороги. Там движутся темные пятна, но что это – люди, машины или стадо каких-то животных, отсюда не понять.

И самое главное – над деревьями поднимаются несколько столбов дыма. Долина Неш явно населена. И нам совсем скоро предстоит познакомиться с ее обитателями.

Идем вдоль берега реки. Жарко. Над головой выются мухи, в траве поскрипывают какие-то местные кузнечики. Замечаем пару ан-

тилоп, спустившихся к водопою. Почуяя нас, животные уносятся в заросли на другом берегу. Нефедов снимает с плеча М-16.

– Зверье здесь пуганное, – сообщает мне профессор. – Значит, людей много.

Мне все равно. Мне – плевать. Я хочу к Телли. Хочу видеть и обнимать ее, хочу жить с ней в хижине на берегу горной реки, засыпать и просыпаться вместе. Все остальное – ерунда. Проклятый конь, проклятый Темуджин!

– Стой! – обрывает мои безрадостные мысли Нефедов. – Кто-то едет!

Мы прячемся в зарослях колючего можжевельника, садимся на корточки, чтобы кустарник скрыл нас. «Кто-то» не просто едет – скачет, причем, судя по сотрясанию почву, к нам приближается не менее двух десятков всадников.

Они выносятся на прибрежный луг из-за деревьев широким веером и Нефедов невольно вскрикивает. Я понимаю изумление профессора. Мне самому хочется присвистнуть и выдать пару нецензурных междометий.

А вдоль берега во весь опор несутся, звеня доспехами и оружием, бородатые всадники в сверкающих гребенчатых шлемах. Бронзовые панцири, красные плащи, стеганые защитные попоны на лошадях; в руках всадники сжимают длинные копья, овальные щиты заброшены за спины.

Я не особо силен в истории, но по форме шлемов, по доспехам, по оружию догадываюсь – эти люди изображают воинов античного мира. Изображают, потому что мы явно попали на съемки фильма. Ну, а как еще объяснить происходящее?

– Гетайры, – шепчет Нефедов. – Настоящие гетайры Александра Великого...

– Чего? – я выпрямляюсь. А какой смысл таиться от киношников. Проклятая долина Неш оказалась обжитым местом – тут даже фильмы снимают. Интересно, из какой страны киногруппа? Может, наши?

– Спрячься! – делает страшные глаза Нефедов. – Куда ты?!  
Стой, дурак!

Я выбираюсь из зарослей, машу всадникам.

– Ой, идиот! Что ж ты делаешь! – рычит профессор, следом за мной покидая можжевеловое укрытие.

– Сам ты идиот. Чего нам от них прятаться? Сейчас режиссер...

Дротик, вонзившийся в землю у моих ног, не дает договорить. Гетайры, как их назвал Нефедов, на всем скаку перестраиваются и мчатся к нам, опустив копья. Они что-то орут, но топот копыт и звон доспехов заглушают крики.

– Бежим! – Нефедов тащит меня к зарослям, но еще один дротик, пущенный умелой рукой, вонзается в его рюкзак и толкает профессора на землю.

– Они офигели, что ли? – я помогаю Нефедову подняться, потом вытягиваю руку в приветственном жесте. – Эй, придурки! Вы че творите?! Наберут в массовку дебилов...

– Какая, к черту, массовка! – рычит мой спутник, лихорадочно дергая затвор М-16. – Ты что, не видишь – это НАСТОЯЩИЕ гетайры, тяжелая конница армии Александра Македонского!

– Но откуда... Так не бывает!

– Стреляй! Они же убьют нас!

У Нефедова совершенно дикие, сумасшедшие глаза. Именно взгляд профессора, а не его слова убеждают меня, что дело и вправду дрянь. Все же мы с этим человеком побывали в разных переделках и назвать Нефедова трусом я не могу никак. А сейчас он испугался, его натурально трясет от ужаса.

Сбрасываю на землю рюкзак, изготавливаюсь к стрельбе. Гетайры, завывая и улюлюкая, несутся на нас, бросая дротики. Вокруг все уже утыкано ими. Зрелице великолепное и впечатляющее: сверкают на солнце наконечники копий, блестят доспехи, развиваются красные плащи, храпят кони, ветер уносит в сторону облако пыли.

Первым начинает стрелять Нефедов. М-16 отрывисто гавкает – раз, другой, третий. Один из коней спотыкается, всадник через голову летит на землю, но ловко группируется, совершаet пару кувырков и вскакивает на ноги. Похоже, этих парней не-плохо подготовили к подобным ситуациям.

Я опускаюсь на одно колено, чтобы был упор для локтя, прицеливаюсь. У М-16 есть планка Пикатинни, чтобы крепить оптику, но в вещах кашгарцев мы не нашли ни одного оптического прицела. В общем-то он сейчас мне и ни к чему – нас отделяет от гетайров метров десять и это расстояние с каждой секундой уменьшается.

Выбираю первую жертву. Прицел у М-16 диоптрический, почти такой же, как у ТОЗовских «мелкашек». В него виден всадник с искаженным от злости лицом. Я тяну спусковой крючок, но не до конца. Я медлю.

Потому что не верю, что стреляю во врага. Не могу поверить. Это сон. Бред. Розыгрыш, в конце концов.

М-16 Нефедова умолкает. Профессор что-то говорит, странно булькая. Я кидаю на него быстрый взгляд – и холдею.

Нефедов убит. Пронзен насеквзь дротиком. Оружие было брошено с такой силой, что пробило грудь, вышло из спины и вонзилось в землю. Профессор еще не умер – он сilitся встать, ухватившись руками за дротик. Из распяленного в немом крике рта толчками идет кровь, очень яркая, алая; она залила уже всю бороду.

Я начинаю стрелять сразу, уже особо не целясь, тем более что расстояние такое, что даже слепой не промахнется. Первой же очередью валю пятерых всадников – М-16 клинит. Передерги-ваю затвор и выбиваю из седел еще пару человек.

Они уже совсем близко. Несутся пестрой орущей лавиной, демонстрируя полное пренебрежение к смерти. Нормальные люди попытались бы уйти с линии огня, как-то избежать губительных пуль. Даю третью очередь. Патроны в магазине заканчиваются. Надо перезарядить винтовку, а на это требуется вре-

мя. Вскакиваю, бросаюсь к кустам, проклиная свое неверие. Если бы я открыл огонь сразу, Нефедов был бы жив.

Удар. Меня бросает на землю. Ощущение такое, словно я попал под таран. Боли нет – просто очень неудобно лежать. Видимо, шок. Пробую пошевелиться – не могу. Почему-то отнялись ноги, я их совсем не чувствую. Накатывает слабость, перед глазами все кружится. Вижу свою растопыренную руку, упертую в землю. Она вся в крови. Кровь течет по рукаву. Рядом с рукой появляется конское копыто. Кто-то переворачивает меня на спину. Вижу того самого всадника, в которого собирался выстрелить в самом начале. Он все так же скалится. Короткий меч в руке. Замах, блеск стали – и омерзительный хруст моей плоти, рассекаемой клинком.

Вот теперь больно. Очень. Жжет, как будто в тело вонзили раскаленный вертел. Спасительное забытье накатывает, как девятый вал. Последняя мысль, сверкнувшая в затухающем сознании: «Меня убили...».

Старая Хоакхин-эмген, служившая Оэлун, когда та была еще совсем юной, а теперь вновь вернувшаяся к своей госпоже, проснулась до рассвета. Чуткий старческий сон прервался видением – за дальней сопкой, нахлестывая коней, торопятся к курению Темуджина люди. Много людей. Три или даже четыре сотни. Словно ждали они, когда Темуджин с братьями отправится в поход, оставив мать и жену без охраны... За матерью ехали... За женой Темуджина.

Служанка поднялась, накинула вытертый халат, сунула ноги в разношенные короткие ичиги<sup>12</sup>. Откинув входной полог, Хоакхин некоторое время всматривалась в темную даль, нюхала воздух, следила за полетом серебряных облаков, торопящихся закрыть луну...

– Не к добру Темуджин перебрался в этот Берги-ерги, – прошептала старуха. – Злое место.

---

<sup>12</sup> Кожаная обувь без жесткой подошвы

И она поспешила к ложу своей госпожи, на ходу подвязывая халат высоко под грудью.

– Матушка! Вставай! На беду Темуджин отправился в поход, нет нам теперь защиты. Скачут, скачут к нам гости незваные! Не иначе как это тайджиуты. Не успокоится никак Таргитай-Кирилтух.

Едва Оэлун осознала слова служанки, как начала действовать. Годы лишений приучили ее, что решения нужно принимать мгновенно, а выполнять решенное еще быстрее.

Оэлун отдавала распоряжения – что из скарба наиболее ценно и что нужно приторочить к седлам. Борте, Хоакхин и вторая жена Есугея-багатура Сочихэл, мать Бельгутея, помогали ей.

Дозорный вернулся на рассвете.

– Меркиты! Три сотни меркитов! – закричал он еще издали. – Прямо сюда идут! Быстро уходить надо!

У Оэлун сжалось сердце. Она поняла, что неспроста объявились здесь соплеменники ее давнишнего жениха. Едва слава о возрождении Есугеева улуса дошла до ушей Ике-Чиледу, как семена мести дали всходы.

– Я останусь, – сказала Оэлун, гордо вскинув голову. – Меркиты едут за мной. Всех остальных они убьют. Уходите быстрей!

– Нет, матушка, – горячо заговорила Борте. – Тебе надо ехать. Какой позор для нас, если ты достанешься нечестивым меркитам.

– Я останусь, – повторила Оэлун.

– Матушка! – Борте взяла свекровь за руку, заглянула в глаза. – Тогда и я останусь с вами. Что скажу я Темуджину, если не смогу уберечь его мать. Либо буду с вами, либо вместе с вами приму смерть.

– Хатун<sup>13</sup>, – обратилась тогда Оэлун к безучастно стоящей в стороне Сочихэл, – садись в возок, места там хватит всем.

Женщина усмехнулась, развязала платок и косы ее, уже прислоненные сединой, рассыпались по плечам.

---

<sup>13</sup> Госпожа (Монг.)

– Я могла бы сказать, что благодарна тебе – ведь ты вспомнила обо мне, когда другие забыли. Я могла бы сесть в возок и ехать вместе с вами. Но я останусь. Вечно была я второй и не имела ни голоса, ни права. Сына моего Бектера убили. Место мое – самое последнее, у входа. Что держит меня у Борджигинов? Я остаюсь.

– Хатун... – начала было Борте, но Оэлун перебила невестку:

– Оставь ее. Она – выбрала. Я уже слышу топот меркитских копыт.

...Всадники появились около полудня. Два десятка рослых меркитов, держа луки наготове, окружили курень.

– Эй, старуха! – грубо крикнул один из них Хоакхин. – Кто ты и где твой господин?

– Я служанка в курене Темуджина, – опустив глаза, степенно ответила женщина.

– Где твой хозяин и его братья?

– Ушли они...

– Смотри, старуха, ложь укорачивает жизнь, – крикнул предводитель меркитов. – А где ж его красавица жена?

Борте вышла навстречу меркитам.

– Что нужно вам, воины?

– Вот так прибыток! Сама Борте. Брат будет доволен! – захотел предводитель меркитов. – Эй, старуха, я бы зарубил тебя, но дарю жизнь затем, чтобы ты сказала Темуджину: я, Тохтабеки, владыка удууд-меркитов, забрал твою женщину, как отец твой забрал Оэлун у брата моего Ике-Чиледу. – Он обернулся к своим воинам. – Эй, кому будет греть постель жена Темуджина? Чилгрэ-боко, ты вроде не так давно овдовел? Бери эту унгиратку себе!

Просыпаюсь от того, что кто-то теребит меня за плечо, сопит в ухо, жестким языком облизывает щеку. Открываю глаза.

Собака. Обычная дворняга с шерстью песчаного цвета. Она отскакивает от меня и убегает, вывалив розовый язык и постоянно оглядываясь.

Солнце стоит довольно высоко. Утро. Щебечут птицы, журчит на перекатах вода, легкий ветерок качает верхушки можжевельника.

Нефедов лежит в стороне, в нескольких метрах от меня. Бросаюсь к нему. Крови нет. Профессор спокойно спит, чему-то улыбаясь во сне. Живой.

Чертовщина какая-то! Я отчетливо помню события вчерашнего дня. Безумных гетайров, дротики. Пронзенного насеквоздь Нефедова. Кровищу. И собственную смерть. Меня сперва ударили копьем, а потом добили мечом.

Но я весь целый! На мне – ни царапины! Проверяю оружие. Все патроны на месте, М-16 чистая, ни в стволе, ни в затворе нет пороховой гари.

Нагибаюсь, трясусь Нефедова.

– Игнат! Вставай!

Он просыпается, несколько мгновений непонимающе хлопает глазами, потом хватается за грудь. Мы смотрим друг на друга. И, как по команде, хватаем рюкзаки и бежим вдоль реки обратно к скалам. Молча. Потому что нам обоим очень страшно.

Забившись в укромную расщелину, надежно защищенную густым кустарником, не садимся даже, а падаем на землю.

– Может, мы с ума сошли? – шепчет Нефедов.

– Оба сразу?

– Ну, а как тогда? В смысле – как объяснить? А?

Я пожимаю плечами.

– Может, газ какой. Галлюцинации...

– Ничего себе галлюцинации! – он бьет себя ладонь в грудь.

– Вот сюда мне вошло! Я помню! А ты? Тебя тоже... – Нефедов склоняет голову, – убили?..

– Да.

– Как?

– Насмерть!

– Дела-а... Может, попробуем подняться?

Я задираю голову и смотрю на отвесную каменную стену, уходящую в голубое небо.

– Ты ж сам говорил, что без снаряжения...

– Тогда чего делать?

Хороший вопрос. Я пытаюсь найти на него ответ с того момента, как очнулся целый и невредимый там, у реки. Где-то читал, что вообще существуют два извечных вопроса русской интеллигенции. Первый – «Кто виноват?», а второй как раз – «Что делать?». Нам, с одной стороны, проще, чем русской интеллигенции, ответ на первый мы знаем. Но от этого не легче.

– Слушай, – Нефедов понижает голос, наклоняется ко мне.

– А может, ничего этого... – он обводит рукой вокруг себя, – вообще нет? Может, подмешал нам жрец какую-то дрянь в еду – и привет. Лежим мы сейчас в Пещере предков и смотрим красивые, занимательные сны, принесенные в жертву какому-нибудь махандскому богу.

– Да уж, красивые, – меня передергивает. – А зачем ему это надо?

– Ну, мало ли. Ты – пророк Пилилак. Может, они не хотели, чтобы ты уходил?

Я задумываюсь. Версия, выдвинутая профессором, вполне имеет право на жизнь. Стоп, а Телли? Разве можно любить человека, находясь в бреду? И тут же приходит следующая мысль, еще более абсурдная: а может, вообще все, что случилось со мной за последние месяцы – иллюзия? Некий гигантский фантом? Наследство, конь, разрыв с Надей, Бики, сумка, милиция, беседа со следователем КГБ, отчисление, армия, Афган – все это не по-настоящему?

– У меня сейчас мозги закипят, – жалуюсь я Нефедову.

– Ты сильно удивишься, но у меня тоже, – хмурится профессор.

Время идет. Мы вяло завтракаем, увязываем рюкзаки – и молчим, погруженные в собственные мысли. Наконец я не выдерживаю:

– Давай так: мы сейчас потихонечку выбираемся из этой щели и по краешку движемся вдоль гор. Обойдем всю долину по периметру. Не может быть, чтобы нигде нельзя было выбраться наверх!

– Увы, джентльмены, – раздается над нашими головами сипловатый голос. – Из этот долина нет выход.

Я бросаю рюкзак, хватаюсь за оружие. Нефедов каким-то чудом успевает взять свою М-16 раньше и теперь водит стволом поверху, пытаясь разглядеть говорившего.

– Ноу, джентльмены, – сипит голос. – Не надо оружье! Я есть мирный человек. Я есть майор британской королевской армия.

Первое как-то плохо вяжется со вторым, но я опускаю М-16.

– Покажись, – требует Нефедов.

– Момент, – сверху сыпется песок, раздается характерный скрип камня под подошвами подкованных ботинок, и в метре над нами из-за скалы появляется голова, украшенная седыми бакенбардами с пышными подусниками.

– Позвольте представиться, – человек церемонно снимает шляпу. – Джеймс Бейкоп.

Эту фразу он произносит практически без акцента, но вообще по-русски майор говорит так себе – жует слова, неправильно склоняет, путает окончания.

Нефедов внимательно разглядывает нашего нового знакомого. Я тоже молчу. Пауза затягивается.

– О, я понимать ваше недоверие. Вы удивляться, да? Я видел вчера бинокуляр ваш борьба, – майор смеется. – Ви успеть стрелять. Немногие тут успеть стрелять первый раз. Обычно просто погибать.

– Смешно ему, – шипит Нефедов. Свою винтовку он так и не опустил.

Джеймс Бейкоп тем временем продолжает говорить. Чувствуется, что он давно ни с кем не общался:

– Если ви хотите, то идти туда, норд-ост, йес? Я вас там встречать, приглашать мой дом. Кушать бекон, пить джин, чай, говорить.

– Пойдем, что ли? – спрашиваю я у Нефедова.

Профессор хмурит брови. Он не верит этому английскому майору. Тогда я спрашиваю начистоту:

– А если там засада? Имейте в виду, мы будем стрелять сразу. И положим всех.

Бейкоп хохочет, от души, до слез. Отсмеявшись, он наклоняется и доверительным тоном сообщает:

– Джентльмены, в этом нет никакой необходимости. В хроноспазм все человек бессмертен...

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Княгиня Ольга

Джин – редкостная гадость. Я и обычную водку-то не особо люблю, а когда у этой водки вкус новогодней елки – б-р-р-р... Джина у майора много, целый ящик. И ящик консервированного бекона в овальных банках с британским коронованным львом. Еще есть галеты, мешок бобов, жестяная коробка чая, крекеры и сигары. Бекон вкусный. Галеты – так себе. Сигары божественны. До чая мы еще не добрались.

Жилище Бейкопа находится на скальной площадке метрах в трех над землей. Точнее, это не жилище, а место обитания, прикрытое каменным козырьком от непогоды. Почти прямо под ним река, что змеится по равнине, исчезает в узкой темной щели.

– Река течет под гора, – важно объясняет нам майор. – Я считать, где-то далеко она выходить на поверхность и впадать в Пяндж.

Он вообще очень словоохотливый мужик, добряк и радушный хозяин. Мне Бейкоп напоминает персонажей Диккенса. Про себя он говорит открыто:

– Я есть английский шпион, – и от души хохочет, размахивая дымящейся сигарой.

В долину Неш майор попал в начале двадцатого века. Он рассказал нам про военно-дипломатическую миссию в Центральной Азии, про Большую Игру с Россией, Афганскую войну и своего начальника полковника Диксона.

– Полковник пропал... э-э-э... как это по-русски? За половина год?

– За полгода, – подсказываю я.

– Йес, за полгода как я оказаться здесь. Он вместе с отряд солдат его Величество Король Эдвард Седьмой и проводник пошел искать башня. Я получать приказ разыскать полковник Диксон. Мой отряд двигаться по горам в направление ост. Был стычка с афганцами, много стычка. Я терять солдат, терять проводник. Я теряться. Ходить этот долина. Мой проводник бегать. Уходить. Я оставаться тут один. Понимать меня?

– Йес! – хором отвечаем мы с Нефедовым.

А что непонятного? Афганцы ушли к своим, оставив майора в одиночестве со всем имуществом экспедиции. Обычное дело.

Профессор, приняв на грудь поллитра джина, утратил всякую подозрительность и теперь, растянувшись на спальном мешке, покачивал зажатой между пальцами сигарой. Лицо его покраснело, нос лоснится, глаза блестят. Чувствуется, что Нефедову хорошо.

Мне тоже неплохо. И было бы еще лучше, окажись рассказ этого англичанина о долине Неш не таким фантастическим. Бейкап называет то, что здесь происходит, хроноспазмом. Если говорить по-простому, то время в долине течет не так, как во всем остальном мире. Точнее, оно просто остановилось. Попавшие сюда в разные эпохи группы людей не умирают, но и не живут в полном смысле этого слова. Они обречены постоянно существовать в одном и то же дне. Это продолжается, судя по всему, несколько тысяч лет. Все попытки покинуть пределы долины ни к чему не привели. Во-первых, скалы, окружающие ее с юга и запада, неприступны. Во-вторых, временная аномалия «заворачивает» тех, кто пытается уйти с восточной и северной стороны. Там тоже имеется стена утесов, на них можно подняться, но пользы от этого никакой.

– Я принимать много попытка, – вращая глазами, пыхтит майор. – Но всякий раз возвращаться. Импосибл, джентльмены. Не-воз-мож-но...

Хроноспазм, отняв у попавших в него людей свободу передвижения, взамен фактически даровал им бессмертие. Дело в том, что как бы и чем не закончился очередной день, утром следующего каждый обитатель долины проснется живым и здоровым. И с теми вещами, которые имелись у него на момент появления в хроноспазме. Бейкоп объясняет это личным хронополем.

– Согласно моя теория, каждый человек обладать такой поле. Оно помогать жить в долина.

Еще мы узнаем, что смена прошедшего дня на такой же происходит в районе четырех часов утра. Майор не раз ставил эксперименты, встречая этот «временной шов» в разных участках долины. Результат всегда был один и тот же:

– Небо сиять... Светится. Я ложиться на трава, камень, земля. Нет сил. Немного спать. Просыпаться – все как было.

За много веков пленниками хроноспазма оказалось множество совершенно разных людей, всего больше тысячи человек. Помимо уже встреченных нами всадников из армии Александра Македонского, тут есть скифы, представители племенного союза саков, кочевники-кушаны, персидские купцы, нукеры из армии сына Чингисхана Джагатая, китайцы-гоминьдановцы, много афганцев, представителей разных исторических эпох, и русские.

Мы с профессором, конечно же, заинтересовываемся – что за русские такие и как их сюда занесло? Бейкоп наливает нам в мельхиоровые походные стаканчики очередную порцию джина, призывает не экономить – завтра все вернется в том же объеме, что и было – и предлагает тост за дружбу.

– Большая Игра, джентльмены, есть большая глупость. Такой великий страна, как Британия и Россия, надо дружить. Тогда на земной шар не будет место для разный высокочка, такой, как Америка и Германия. Выпьем, гос-по-да!

Я проглатываю горький джин. Пережив ожог в пищеводе, заедаю пластинкой бекона и напоминаю майору о русских.

– О, йес, русские! Это десять человек. Офисерс, солдаты и одна леди.

– Леди?

– Йес. Очень красивый женщина. Леди Ольга. – Бейкоп улыбается, закатив глаза. – Этот люди бежать из Россия. Революция, понимать? Белый гвардия..

– Белые? – я от удивления – а может, и джин виноват – роняю недокуренную сигару. – Ни хрена себе землячки!

– Что есть «ни хрена»? – интересуется майор.

– Не обращайте внимания, – машет Нефедов. – Скажите лучше, мистер Бейкоп – как нам найти соотечественников?

– О, это просто простого! Каждый утром леди Ольга и эскорт совершать променад... э-э-э... прогулка по долина. Вчера вы, джентльмены, иметь возможность встретить ее, но опоздать.

Рассказав о долине, майор забрасывает нас вопросами – из какого мы года, что происходит за пределами хроноспазма? Я поражаюсь его выдержке – меня бы на месте Бейкопа разорвало от любопытства. Нефедов спрашивает – какие последние новости из внешнего мира знает майор? Оказывается, до нас новые люди попадали в долину в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, это были два пастуха-ваханца. От них цивилизованные жители хроноспазма узнали немного – пастухи интересовались только овцами и никаких ценных сведений сообщить не смогли.

Цивилизованными жителями Бейкоп называет себя, русских, купцов-персов и китайцев, последователей маршала Чан Кайши. Все остальное местное население он причисляет к дикарям и призывает нас держаться от них подальше – «иначе жизнь станет скучной, джентльмены».

Мы с Нефедовым, перебивая друг друга, посвящаем майора в события последних семидесяти лет. Сказать, что наш рассказ потрясает его – значит не сказать ничего. Мы только доходим до Второй мировой войны, а бедняга Бейкоп то краснеет, то

бледнеет, временами ругается и грозно потрясает увесистыми кулаками, призывая все кары небесные на головы Гитлера и собственных, английских министров.

Вторая мировая заставляет майора стоя выпить полный стакан джина – в память всех погибших. После рассказа Нефедова о крушении британской колониальной системы Бейкоп впадает в глубокое алкогольное уныние. А история с Карибским кризисом приводит майора в ярость.

– Этот янки! – почему-то опьяневший англичанин начинает говорить по-русски гораздо лучше, чем трезвый. – Хвала небесам, в наш долина нет ни один американец! Выпьем, господа! Прошу!

Веселье мало-помалу затухает – Бейкоп совсем отяжелел, Нефедов попросту отрубился, да и я чувствую, что у меня перед глазами все плывет.

Костер прогорел, и угли подернулись пеплом. Над моей головой блистают звезды. Долина спит, только где-то далеко тревожно вскрикивает одинокая птица. Я закрываю глаза и думаю о Телли. Увидимся ли мы когда-нибудь? Или мне суждено вечно существовать в этом хроноспазме, став его очередным пленником? Пытаюсь услышать зов коня, получить подсказку от фигурки, но никакого ответа.

Конь молчит. Я засыпаю. Утро вечера мудренее, даже если это будет утро того же самого дня.

С соотечественниками мы знакомимся после рассвета. Бейкоп оказался прав – мы просыпаемся совершенно здоровыми, безо всяких признаков похмелья, хотя накануне приняли на грудь чуть ли не по литру крепкого джина.

– Прямо рай какой-то! – смеется Нефедов, разглядывая полные бутылки, выпитые нами вчера.

– Ад, мистер профессор, – серьезно отвечает майор. – Я думать, что это ад.

Он ведет нас к реке – именно там должна проехать кавалькада белогвардейцев. Я несколько волнуюсь – как себя вести с этими людьми? Кто мы с Нефедовым для них? Коммунисты, враги? Как они нас встретят?

В ожидании сидим на берегу. Здесь много гальки, и я пускаю «блинчики». Утро ничем не отличается от вчерашнего – в долине всегда стоит одна и та же погода. Правда, на облака, плывущие в небе, это не распространяется, и время от времени здесь бывают дожди. Видимо, где-то над нашими головами есть невидимая граница, отделяющая хроноспазм от нормального времени. Иногда через нее пролетают птицы – и тоже становятся пленниками временной аномалии.

– Это как полупроводник, – размышляет Нефедов. – Сюда – можно, обратно – нет.

Скифы бесшумно появляются из кустов и окружают нас. Их очень много, почти сотня. Нефедов восторженно разглядывает одежду и оружие людей, обитавших в легендарную эпоху, когда армия Александра Македонского завоевывала мир.

– Это все-таки рай. Рай для историка, – говорит он.

– Проклятье! – ругается Бейкоп, доставая револьвер. – Опять этот грязный дикарь заряется на мой джин!

Мы хватаемся за оружие. Скифы сжимают кольцо окружения. Появление всадников застает нас стоящими на берегу реки. Первой из-за приречных зарослей на плес выносится верхом на белом коне ослепительно-красивая женщина. Светлые волосы разеваются на ветру. Я невольно восхищаюсь совершенностью пропорций фигуры этой воительницы. Как ее назвал Бейкоп? Леди Ольга?

– К бою, господа! – звучно командует она, вынимая из кобуры тяжелый маузер.

Скифы, встревожено перекрикиваясь, начинают отступать к кустам. В нас летят стрелы. Тонкие, тростниковые, они про-

тивно посвистывают, вонзаясь в песок. Следом за амазонкой с маузером на берегу появляется еще с десяток всадников. Все – мужчины, одетые в форму времен Гражданской войны. Фуражки, ремни портупей, золото погон, шашки, карабины. Классические белогвардейцы. Развернувшись в цепь, они сразу начинают стрелять поверх наших голов.

Красавица пускает своего скакуна галопом, встает на стременах и мчится на скифов, пуская в них пулю за пулей из маузера. Огромный пистолет она держит безо всякого напряжения, словно тот ничего не весит.

Мы тоже открываем огонь. Стрелы начинают лететь гуще. Скифы скрываются в густом кустарнике, оставив на гальке полтора десятка мертвых тел.

– Господа офицеры! – кто-то из всадников взмахивает шашкой. – Достаточно! Есаул! Ваша очередь!

Амазонка тоже останавливается, убирает маузер, поворачивает коня. Есаул – высокий, усатый мужик с чубом – спешивается, и, держа наперевес ручной пулемет с толстенным стволом, отходит в сторону. Широко расставив ноги в коротких, гармошкой, сапогах, он дает по кустам очередь.

– Ду-ду-ду-ду-ду! – мощно, басовито грохочет пулемет. Летят срубленные пулями ветки, скифы кричат, поспешно покидают поля боя.

Стрельба стихает.

– Пулемет системы Люиса – самое действенное средство против дикарей. – Один из офицеров, тот самый, что отдавал приказ есаулу, спрыгивает с коня рядом с нами. У него нервное, туго обтянутое желтоватой кожей лицо и изящная эспаньолка.

– Эти варвары боятся его до жути. Господа, позвольте представиться – штабс-капитан Слащев Петр Петрович! Здравствуйте, майор.

Он кивает Бейкопу. Тот хрипит, поворачивает налитое кровью лицо – и падает. Мы с Нефедовым бросаемся к англичани-

ну. Оказывается, тонкая скифская стрела пробила ему шею. Майор хрюпит, во рту пузырится кровавая пена.

– Успокойтесь, господа, – штабс-капитан вытаскивает на ган. – К сожалению, сегодня мистер Бейкоп нам не компаньон. Встретимся завтра.

И он стреляет в голову майора, обрывая его мучения. Я вскрикиваю.

– Поначалу всем трудно привыкнуть, – убирая револьвер, понимающе кивает Слащев. – Но я не услышал ваших имен...

С трудом отведя взгляд от затихшего Бейкопа, вслед за Неведовым представляюсь.

– Из какого вы года? – немедленно спрашивает штабс-капитан, похлопывая сложенной вдвое ногайкой по голенищу сапога. Похоже, здесь этот вопрос заменяет традиционное «Откуда вы?».

К нам подъезжают остальные. Только прекрасная амазонка гоняет своего белого скакуна по мелководью, поднимая тучи брызг.

– Мы из тысяча девятьсот восьмидесятого, – сообщает Неведов и в свою очередь, спрашивает: – Петр Петрович, а не родственник ли вы будете Якову Александровичу Слащеву?

– Это мой дядя, господин профессор. К сожалению, я ничего не знаю о его судьбе – мы покинули границы бывшей Российской империи в двадцать первом. Дядя находился в эмиграции. По слухам, у него там были какие-то трения с Главнокомандующим, бароном Врангелем...

– Не знаю, насколько приятно вам будет это узнать, Петр Петрович, но ваш дядя генерал Слащев в конце двадцать первого года по разрешению советского правительства вернулся в страну. С двадцать второго года преподавал тактику на высших курсах командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии «Выстрел». В двадцать четвертом издал книгу воспоминаний «Крым в 1920 году». В начале двадцать девятого убит не-

ким Лазарем Коленбергом в собственной квартире, якобы из мести за казненного в годы Гражданской войны брата.

Все это Нефедов отчеканивает на одном дыхании, глядя прямо в глаза штабс-капитану. Столпившиеся вокруг офицеры взволнованно переговариваются, кто-то кричит: «Не может быть!».

– Успокойтесь, господа! – Слащев усмехается. – Иного от дяди Якова я и не ожидал. Он – блестящий офицер, солдат от Бога, но, к сожалению, ничего не понимает в политике. Не понимал...

Есаул, протирая ствол пулемета промасленной тряпкой, хмуро бросает:

– Коммунисты, небось?

– Увы, – улыбается Нефедов. – Рылом, пардон, не вышли.

– Отчего же «увы»? – иронично изгибает бровь штабс-капитан.

– В Советском Союзе быть членом партии значит иметь хорошие карьерные перспективы, – серьезно отвечает профессор. – Все очень изменилось господа. Если у вас есть желание, я могу многое поведать вам о том, как мы теперь живем.

Следя за разговором, я не замечаю, как к нам подъезжает амazonка. Вблизи эта женщина еще прекраснее. У нее лицо греческой богини, точеная шея, узкая талия, перехваченная офицерским ремнем. На атласной коже блестят капельки воды. Высокая грудь, плоский живот, стройные бедра. И глаза – холодные глаза много повидавшего человека. На вид Ольге не более тридцати.

– Ну, – лукаво улыбается она. – Петр Петрович, познакомьте же меня с новоприбывшими!

Жаркий костер трещит посреди поляны. Вечереет. Бивуак отряда штабс-капитана Слащева шумит голосами, звенит стаканами, в отдалении хлопают выстрелы – это есаул с любезного разрешения Нефедова осваивает его M-16.

Я валяюсь на траве в стороне от костра, бездумно смотрю на закат. Старые карагачи<sup>14</sup> качают ветвями над моей головой, в траве попискивают мыши. Фыркают стреноженные кони.

С полудня мы заняты тем, что пьем спирт, закусываем жареным мясом свежеубитого оленя, ведем долгие разговоры, ссоримся, миримся, стреляем, устраиваем скачки на лошадях, опять пьем. Все бы хорошо, но мысль о том, что этот пикник – навечно, буквально отравляет мне жизнь.

Слышу шаги.

– Отчего вы скучаете, Артем Владимирович?

Ольга. Или, как ее называют господа офицеры, княгиня Ольга Павловна. Я знал, что она придет.

– Отдыхаю.

– Вы странный.

– Не страннее других. Тут, у вас в долине, такой паноптикум...

Она смеется. У Ольги низкий, грудной голос с волнующей хрипотцой.

– Артем Владимирович, но ведь это-то и забавно!

– Да уж...

Она садится рядом со мной. Кобура маузера глухо стучит о землю. Ячуствую терпкий запах духов. На ней короткое темное платье, поверх которого наброшена кожаная куртка.

– Провидению было угодно подарить мне этот удивительный мир! Здесь я – хозяйка! – Ольга достает серебряную дамскую фляжечку. – Не желаете ли, Артем Владимирович?

Я и так достаточно пьян от спирта, поэтому отказываюсь.

– А если я предложу на брудершафт? – тихо спрашивает Ольга.

Молчу.

Она расценивает мое молчание как немое согласие, отвинчивает колпачок, переворачивает его, превратив в крохотный стаканчик, наливает и передает фляжку мне.

---

<sup>14</sup> Так в Средней Азии называют вязы

— За наше неожиданное и взаимоприятное знакомство!

Я продеваю руку с фляжкой в полукольцо ее руки, делаю глоток. Коньяк, наверное, неплохой, но мой сожженный спиртом язык отказывается сообщать свое мнение о качестве напитка.

— А теперь... — она подсаживается ко мне поудобнее, обнимает за плечи.

Мы целуемся. У Ольги холодные, упругие губы. Она оказывается весьма опытной, и уже спустя несколько секунд я понимаю, что завелся.

Поцелуй заканчивается. Княгиня улыбается.

— Я вам нравлюсь?

— Вы очень красивая.

— Всегда хотела быть самой красивой из всех женщин и чтобы все мужчины любили только меня одну — и вот надо же! Мое желание сбылось! — Ольга заливается смехом. — Теперь я самая красивая, а также единственная женщина тут! Наверное, я попала в рай.

— Майор Бейкоп уверен, что это ад...

Она перебивает:

— Майор Бейкоп — глупый человек, сноб и мизантроп.

— Мне он таким не показался.

— Вы еще слишком молоды и наивны. Вам кажется, будто жизнь разнообразна и бесконечна, но это не так! Жизнь состоит из постоянных повторений. Каждый день одно и то же. Каждая неделя, каждый год. Одни и те же люди... Да! Даже если они меняются, они все равно одинаковые. Одни и те же ошибки, те же разочарования, та же боль, та же любовь, даже чувства все время одни и те же. Пока ты молод, кажется, будто следующий день несет в себе что-то... — Ольга задумывается, и ее лицо становится грустным. — Артем Владимирович — следующий день ничего не несет. Понимаете? Жизнь там, — княгиня махнула рукой в сторону горного хребта, — ничем

не отличается от жизни здесь, только там мы стареем, болеем и умираем, а здесь нет. Здесь нет ничего того, что мучает нас, только... радость.

– В чем радость?

Ольга встает, делает несколько шагов к костру. За деревьями раздается взрыв хохота – там Нефедов рассказывает офицерам похабные анекдоты.

– Здесь мы как боги.

– Я не заметил...

– Мы вечно молоды, сильны, бессмертны. Мы можем делать все, что захочется...

– А какой в этом смысл?

– А в чем есть смысл? У вас был смысл?

– Был.

– Я же говорю... Вы слишком молоды. Поэтому вам казалось, что в вашей жизни есть смысл.

– Там я мог что-то делать, чего-то добиваться, получать результаты.

– И что? Допустим, вы что-то делали. Допустим даже, что это было чем-то прекрасным и великим. Какой же в этом смысл, если вы потом все равно умрете?

– Есть люди, которые делают что-то, о чем помнят веками.

– Да, да, да, да... Помнят веками. И что? Вам то что от этого? Вы уже умерли. Прах. Тлен. Вас нет. Вам все равно, помнят о вас или нет.

– Мне не все равно.

– Тогда вы глупец.

– А вы запутались в своей бесконечной жизни.

– У меня был выход? – устало спрашивает княгиня.

Я задумываюсь. Действительно, какой у них был выход?

– Вы пытались отсюда выбраться?

– Зачем? – с неподдельным удивлением вскрикивает Ольга.

– Да, это был глупый вопрос...

Ольга умолкает, лезет в карман кожанки, достает плоскую коробочку.

– Что это? – спрашиваю, чтобы как-то заполнить паузу.

– Кокаин...

Она тонкими пальцами берет из коробочки шепотку белого порошка, вдыхает одной ноздрей, потом другой.

– Не хочешь?

– Нет, спасибо.

– В этой бездонной коробочке он никогда не кончается, – Ольга убирает коробочку, усмехается. – Я несколько раз пытались выбросить его, но каждый раз находила тут же в кармане.

Я не знаю, о чем еще говорить. Хочется спать, да и княгиня меня здорово утомляет. Даже не так, она заставляет меня думать о Телли. Заставляет злиться на то, что я провожу время не с ней. Что я вынужден сидеть здесь, с этой пьяной и безумной женщиной, встречать ее каждый день, день за днем... Если бы здесь была Телли — хотел бы я выбраться из этого хроноспазма? Или нет? Или в этом случае проклятое место тоже стало бы раем для меня? Но можно ли любить вечно, если ничего не происходит? Можно ли тут не сойти с ума?

– Однажды... – внезапно начинает говорить Ольга, – я подняла роту китайцев – у них лагерь за рекой, ближе к горам – и истребила все племя до последнего ребенка.

– Для чего?

– От скуки.

– Значит вам все-таки скучно?

– Иногда...

– Вы кого-нибудь любите?

– Здесь это невозможно.

– Почему?

– Потому что я уже сотню лет вижу одних и тех же людей, – со злостью произносит Ольга и тут же оборачивается ко мне.

— Но ты... Ты тут новенький, — Ольга улыбается. — И ты мне нравишься.

— Я не об этом, — усмехаюсь я.

— А я об этом...

Ольга садится рядом и обвивает мою шею руками.

— Я могла бы полюбить тебя, стать твоей, отдаться тебе полностью. Позволить победить меня, сделать своей рабыней...

— Действительно? — с какой-то неприятной для самого себя холодностью спрашиваю я.

— Возьми меня. Полюби меня. Полюби меня так крепко и горячо, как только можно и даже больше, сильнее этого. Дай мне полюбить тебя, больше жизни и смерти! Сделай меня счастливой и наполни мою жизнь...

— Смыслом? — еще более ехидно спрашиваю я.

— Да. Да, мой мальчик, смыслом.

— Но в жизни нет смысла, — резко обрубаю я. — И каждый следующий день ничего не несет.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

### Три ящика динамита

Трава Колизея шелестит под ногами. Разумеется, арена настоящего Колизея усыпана песком и находится в Риме. А в долине Неш Колизеем называют почти круглый лог между трех холмов. Их склоны образуют некое подобие амфитеатра. Сейчас там полно зрителей. Пришли все – и афганцы из разных эпох, и скифы, и македоняне, и грязные кушаны с нечесанными волосами, и дисциплинированные китайцы в темно-зеленой форме. И, конечно же, монголы. Конечно же, потому что один из двух сегодняшних поединников – багатур Кобдо, нукер из войска царевича Джагатая. Монголы оказались в долине, обшаривая окрестные горы в поисках сына Хорезм-шаха Мухаммеда Второго Джелал-ад-Дина, непримиримого врага Чингисхана. Это было давно, в начале тринадцатого века.

Кобдо выше меня ростом, шире в плечах. Движениями и статью он напоминает медведя. Очень быстрого, сильного и опытного в схватках медведя, закованного в наборный цзиньский панцирь.

Второй боец, противник монгольского багатура – я. Так захотела княгиня Ольга. Она вместе со своей свитой расположилась на камнях, специально принесенных из-за холмов. Где-то там, среди господ офицеров, находится и Нефедов. Он странным образом сошелся с этой компанией, мгновенно став для них своим человеком. Меня это удивляет – что общего может быть у советского профессора и недобитых белогвардейцев?

Впрочем, сейчас мне не до размышлений на отстраненные темы. Кобдо уже вышел на средину травяной арены и зрители приветствуют его восторженными криками. Он явный фаворит

сегодняшнего поединка. Не знаю, как Ольга заставила монгола участвовать в этом. Мне же был попросту поставлен ультиматум: или я сражаюсь, или каждый день меня станут подвергать одной из самых жестоких китайских казней: перепиливать переносицу продетым в ноздри конским волосом. В случае моей победы Ольга обещала оставить меня в покое. В случае же весьма вероятного поражения я остаюсь у «ее престола».

Я вооружен шашкой, честной казачьей шашкой, врученной мне перед боем есаулом. Махандская рубаха, штаны, сапоги да фигурка коня на груди – вот и вся моя экипировка. Кобдо подготовлен к поединку гораздо серьезнее. Помимо наборного панциря, наплечников, наручей, широкой кожаной юбки, расшитой железными пластинами и чашеобразного шлема с наносником, он надел на левую руку выпуклый медный щит с изображением Ока Тенгри. В правой руке монгол сжимает палицу – железный шар на длинной рукояти. Во времена Чингисхана такие палицы наряду с прямыми широкими мечами были излюбленным оружием монголов.

Понятно, что шансов у меня никаких. Но так уж устроен мир, что кто-то всегда лучше подготовлен, лучше оснащен, предупрежден, обучен. Если бы мы, к примеру, стрелялись – тогда преимущество оказалось бы на моей стороне. Но стрелковые поединки в долине – редкость. Огнестрельное оружие тут является монополией «цивилизованного меньшинства».

– Начинайте! – слышу я голос Ольги.

Кобдо поглубже нахлобучивает шлем и, помахивая палицей, начинает двигаться в мою сторону. Зрители орут. Я иду ему навстречу, держа шашку клином вниз. Надо побыстрее кончать с этим цирком. Интересно, насколько больно умирать от удара железным шаром по голове? Волнения я не чувствую. Злости на Ольгу, штабс-капитана, Нефедова – тоже.

Я просто устал. Мне хочется выспаться. Лечь – и спать трое суток. Или четверо. Справиться с Ольгой, доказать ей, что я

имею право на свою волю в делах и поступках, мне не удалось. Поединок я не выиграю. Значит, остается смириться и жить так, как указывают обстоятельства.

– Давай! – говорю я монголу и указываю на свою макушку. – Прямо вот сюда! Один удар – и все. Ну!

Он с ревом прыгает на меня, палица взлетает в небо. Жители долины, наблюдающие за боем со склонов, вскакивают на ноги. Визжат кушанские дети, улюлюкают женщины, вопят мужчины.

На долю секунды зависнув над головой Кобдо, железный шар со свистом несется вниз. Инстинкт самосохранения, могучий и всесильный, в самый последний момент заставляет меня увернуться. Палица с глухим шлепком врезается в траву. Я наступаю на рукоять, поднимаю шашку. Монгол бьет меня щитом, пытаясь высвободить оружие. От удара я падаю, бестолково тычу клинком снизу вверх, пытаясь попасть в незащищенную руку Кобдо, держащую щит. Неожиданно скрежещущая по доспехам багатура шашка проваливается словно бы в пустоту. Кобдо охает и выпускает рукоять палицы. Она уже не нужна монголу – он мертв. Острие шашки попало в щель его панциря и вошло меж ребер прямо в сердце.

Бывает же!

Я поднимаюсь на ноги и обвожу взглядом склоны холмов. Стоит оглушающая тишина. Сотни глаз смотрят на меня. Есаул подходит, забирает шашку, несколько раз втыкает ее в землю, чтобы счистить кровь. Ольга встает с камня, и я отчетливо слышу ее слова:

– Как скучно, господа. Прямо роман. Герой оказывается героям и подтверждает свое реноме. Тоска.

И не глядя на меня, объявляет:

– Мое слово нерушимо. Вы свободны, Артем Владимирович. Но я бы не советовала вам попадаться мне на глаза.

Она идет к лошадям. Нефедов забегает вперед, кланяется:

– Ваше сиятельство, позвольте мне поговорить с ним? Напоследок?

– Конечно, профессор. А потом присоединяйтесь к нам – мы сегодня будем охотиться в западной части долины.

Они уезжают. Другие зрители тоже потихоньку расходятся. Монголы уволакивают труп Кобдо. Нефедов подходит ко мне, улыбаясь, но я вижу, что глаза его холодны.

– Поздравляю! – он протягивает мне руку.

– Не с чем, – я пожимаю его ладонь и понимаю, что Нефедов нервничает. – Что тебе нужно?

– Дай мне коня, Артем.

– Нет.

– Ну, теперь-то, в этом месте, ведь все равно! Дай!

– Нет.

– Ты что, не понимаешь, что все! – Нефедов начинает кричать, размахивая руками. – Не будет больше ничего – ни походов, ни могилы Чингисхана. Мы обречены жить здесь вечно, понимаешь?! Не упрямься, дай коня. Я просто посмотрю!

– Нет.

– Сволочь, – с чувством говорит профессор, вытаскивает из-за ремня подаренный Слащевым «Смит-и-Вессон» и стреляет мне в лоб...

Темуджин пил хмельную арху, как воду. За войлочными стенами новой юрты горланили нукеры, смеялись женщины, звенели струны моринхууров<sup>15</sup>, трещали костры, протяжно растекались над огромным станом песни.

Объединенное войско Тоорила, Джамухи и Темуджина праздновало победу. Сломана меркитская шея, побиты враги, захвачена богатая добыча. Отбита, спасена красавица Борте. Теперь вся степь знает: Темуджин – это сила.

Но не весело сыну Есугея. Смотрит он на Борте – и горбит плечи, давя тяжелый вздох.

---

<sup>15</sup> Монгольский струнный музыкальный инструмент

Три дня и три ночи Темуджин, повесив пояс на шею, а шапку на руку, с обнаженной грудью возносил молитвы Вечному Си-нему небу. И все это время Борте, его Борте, уже была наложницей меркитского сотника Чилгрэ-боко.

Скрипнув зубами, Темуджин бросил короткий взгляд на округлившийся живот Борте. Через три месяца она должна родить. Но чей это ребенок? Когда, в какой день он был зачат? В ночь накануне набега меркитов? Или две ночи спустя – но уже не от его, Борджигинова семени?

Как узнать? У кого спросить? Шаман Мунлик бренчал амулетами, бил в бубен, говорил с духами. Ответ, полученный из Верхнего мира, озадачил Темуджина: «У пчелиной матки все пчелы – дети ее. У царя людей все подданные – дети его».

Борте не смотрела на мужа, сидела, как каменный истукан, только пальцы с зажатой иглой порхали над вышивкой. Потемнело ее лицо. Огрубели руки. Не женой – наложницей и служанкой жила она в юрте Чилгрэ-боко. За позор этот уже отмщено страшной местью. Лежит где-то в степи зарубленный сотник и кости его грызут дикие звери. А вместе с Чилгрэ-боко лежат, не погребенные, и тысячи меркитов.

Когда вернулся Темуджин из похода к своему куреню, увидел он лишь пепелище да старух, рыдающих над опоганенным жилищем.

Темуджин поблагодарил Вечное Синее небо за спасение матери, а потом велел Боорчу, Джелме и Бельгутею скакать к хану Тоорилу за подмогой. Сам же, вместе с Хасаром, отправился в иные земли, на реку Оон.

До Темуджина дошли слухи, что там стал в большой силе и почете юный хан джардаранов Джамуха. Когда-то он спас Темуджину жизнь, предупредив его о коварстве тайджиутов. Тогда мальчики побратались, став андами. Теперь сын Есугея решил попросить у побратима помощи.

Полгода ушло на создание воинского союза. Джамуха тепло принял Темуджина, а услыхав рассказ о злодеяниях меркитов, воскликнул:

– Постель твоя опустела, брат! Половина груди твоей оторвана. Мое сердце от этого полнится скорбью. Что ж, мы раздавим подлых меркитов и освободим нашу госпожу Борте!

Двадцать тысяч керайтов вывел из своих степей хан Тоорил, две «тьмы»<sup>16</sup> джардаранов пришли с Джамухой. И множество охочих людей из разных племен встали под тут Темуджина – степь еще не знала такого огромного войска. Но и враг был силен. Хан удоут-меркитов Тохтоа-беки призвал себе на подмогу увасов и хаатов, меркитские племена, кочевавшие от степи Буур-кеер до реки Селенги.

В этой войне победу мог одержать лишь тот, кто сумеет разгадать замыслы врагов и ударить в самое слабое место. Но самое главное – нужно было спешно и тайно перебросить через огромные расстояния войска и обозы. По уговору, отряды Тоорила и Темуджина встречались все у той же горы Бурхан-халдун, а у истоков Онона к ним должен был присоединиться Джамуха со своими джардаранами.

Темуджин впервые столкнулся с трудностямивойской организации. Нешадно нахлестывая коня, он целыми днями носился среди расположившихся у подножия священной горы воинских станов, плетьью и мечом добиваясь безоговорочного подчинения. Волк помогал ему, устрашая строптивых и заносчивых. Сына Есугея-багатура зауважали – все видели, что это не просто юноша из знатного рода, но и настоящий вождь, готовый, если надо, на все.

Керайты подошли к горе на несколько дней позже уговора. Темуджин поклонился названному отцу Тоорилу, а потом сказал, цедя слова сквозь зубы:

– Разве мы не договаривались и в бурю на свидание, и в дождь на собрание приходить без опоздания? Разве отличается от клятвы ханское «да»?

<sup>16</sup> Так монголы обозначали отряд в десять тысяч всадников

Изумленный Тоорил признал, что виноват и заслуживает выговора. Затем соединенное войско выдвинулось к Онону, встретилось с отрядами Джамухи и пошло на север, навстречу врагу.

Тохтоа-беки вместе со своими воинами кочевал в тот момент по бескрайней Буур-кеер. Он был уверен, что его противники начнут войну не раньше осени и не слал гонцов к другим меркитским племенам.

Джамуха и Тоорил намеревались дождаться утра и тогда атаковать меркитов, но Темуджин, чье сердце грызла змея тоски, приказал идти в бой с марта. Лавина конных накрыла становище Тохтоа-беки. Каждый воин объединенной армии, будь то керайт, джардаран или нукер Темуджина, держал в правой руке меч, а в левой факел.

Меркиты, застигнутые врасплох, даже не думали о сопротивлении. Их рубили мечами, кололи копьями, убивали палицами и топорами. Тысячи мужчин и женщин в панике бежали в ночную степь, а следом за ними летела погоня – отряды конных. К рассвету стало ясно – мужчин убили почти поголовно. Из трехсот человек, участвовавших в нападении на курень Темуджина, не ушел ни один. Лишь хан меркитов Тохтоа-беки с горсткой воинов сумел бежать по Селенге к Байкалу.

Темуджин сражался наравне с простыми нукерами. Меч его покернел от крови, доспехи были посечены, конь изранен. Серебряный волк гнал сына Есугея вперед. Громко выкрикивая имя жены, Темуджин носился меж врагов, безжалостно истреляя их, и к утру нашел Борте в одной из юрт. Она вышла ему навстречу, взялась за узду коня и заплакала, не в силах посмотреть мужу в глаза.

Тогда Темуджин отправил гонцов к Тоорилу и Джамухе со словами:

– Я нашел то, что искал. Остановимся здесь.

И вот теперь они сидят у очага и молчат. Но молчание не может быть вечным. Разгром меркитов – только начало. Впере-

ди новые походы, новые битвы. И Темуджин, отбросив пустую чашу, поднялся на ноги.

– Борте... Жизнь моя! Вечное Синее небо милостиво к нам – мы снова вместе. Забудем прошлое.

И впервые за много дней подняла глаза на мужа красавица Борте. Отложив вышивку, она сказала, словно продолжая прерванный разговор:

– У Тоорила Керайтского много крепких воинов. Джамуха называет тебя старшим братом, но его джардараны сильны. Твое же войско разойдется, когда война закончится. Нужно сделать всех монголов одним народом, у которого будет только один вождь – ты, Темуджин.

Он обнял жену, прижал к себе, чувствуя ее упругий живот, в котором толкался ребенок.

– Мы назовем нашего сына Джучи – Нежданный. Я сделаю так, как ты говоришь. Хурра!

– Мистер Новикоф, смотреть направо... – Майор Бейкоп толкает меня под локоть. – Ваша видеть? Блэк стоунс...

Я вижу. Действительно черные камни. Они высятся на головокружительной высоте, над скалами.

– Это есть не просто так! – взволнованно объясняет мне англичанин. – Май бинокуляр хорошо видеть! Это есть выход!

То, что рассказывает майор, и в самом деле очень важно и интересно. Похоже, у нас появляется если не шанс, то хотя бы намек на возможность выбраться из хроноспазма.

– Птицы, – майор резко проводит рукой слева направо, – лететь. Отсюда. Вы понимать?

– А что, просто так птицы не улетают?

– Невозможно. Прилететь да, улететь нет. Но там — можно!

– Значит, все дело в этих черных камнях, – не отрывая бинокля от глаз, бормочу я. – И если добраться до них...

Бинокль у Бейкопа очень хороший, немецкий, фирмы «Карл Цейсс». Он так приближает, что создается иллюзия – до загадочных камней рукой подать. Но опустив бинокль, я вижу – тут как минимум три километра сплошных скал, отвесных склонов, осыпей, утесов, нависших над бездной. Не то что добраться – даже дострелить до обелисков невозможно.

– Линза! Между камни появляться линза. Туда улетать птицы. Как в окно! – майор опять жестикулирует, разводя руки в стороны и рисуя окружность.

– Линза?

– Сиять! Линза излучать свет. Очень яркий.

– Да, я понял, – киваю майору, хотя на самом деле мне ни черта не понятно.

Ответов нет. Есть только предположения, гипотезы. Мы с Бейкопом обсуждаем их каждый вечер под джин, бекон и галеты. Я живу у майора несколько дней. После того, как Нефедов убил меня на арене Колизея, я решил больше не иметь с профессором ничего общего. Очнувшись на рассвете, я поднялся на ноги и пошел прочь от Колизея. К вечеру ноги сами принесли меня к скалам, где обитал майор. Он встретил меня радушно и сказал, что сразу обратил внимание: я – настоящий джентльмен.

Бейкоп, страдающий от отсутствия собеседников, с удовольствием рассказывал мне о своей жизни, о людях, с которыми ему довелось общаться. Большинство английских фамилий мне ничего не говорили, но истории об Артуре Конан Дойле и Редьярде Киплинге я слушал с большим интересом.

В свою очередь, я по мере сил более подробно знакомил майора с теми событиями, что произошли в мире за годы его вынужденного заточения. Постепенно наши разговоры от воспоминаний перешли к обсуждению планов на будущее. В хроноспазме слово «будущее», конечно, звучало смешно, но я не обращал на это внимания. Я твердо решил вырваться из этого адского рая или райского ада, кому уж как больше нравится.

Бейкоп поначалу отнесся к моей затее скептически.

– Мистер Новикофф поверить мне – много лет я искать выход. Невозможно.

– Очень даже возможно, – убеждаю я его. – У нас говорят: одна голова хорошо, а две лучше. Не надо отчаиваться, мистер Бейкоп. – Прорвемся.

И мы прорываемся, целыми днями обследуя долину. Однако о черных камнях Бейкоп рассказывает мне только сегодня.

– Я думать – это галлюцинация. Ведь так не бывать...

– А хроноспазм – «бывать»? – я со стаканчиком джина в руке расхаживаю перед майором. – Вы же понимаете, как важны ваши наблюдения. Получается – нам всего лишь надо добраться до этих камней! И тогда можно будет выбраться отсюда!

– «Всего лишь», – теперь уже Бейкоп передразнивает меня. – Я много думать. Подняться по скала – невозможно. Построить аэростат – невозможно...

– Почему?! Сделаем оболочку из шкур оленей и антилоп, наполним ее горячим воздухом...

– Невозможно! Не успеть. Один день – и все возвращаться...

– Ах да... – я развозжу руками. – Хроноспазм!

– Как подниматься по скала? Строить катапульты? Садиться на динамит?

– Динамит, кстати, очень бы пригодился, – говорю ему, думая уже о другом.

– Есть динамит. У меня, – важно произносит Бейкоп, и прежде чем я осознаю его слова, откидывает брезент со своего импровизированного стула.

Зеленые ящики. На крышках белой краской выведено под трафарет: «Dynamite sticks<sup>17</sup>».

Плот мы с майором делаем в два топора. Наверное, никто в истории человечества не рубил деревья так быстро. Даже под страхом

---

<sup>17</sup> Динамитные шашки

смертной казни. Собственно это даже не плот – три кривых толстых ствала, кое-как связанных ивовыми прутьями. Они способны выдержать одного человека или три ящика динамита.

Мы вроде бы укладываемся в график. Очень важно сделать все ранним утром – чтобы максимально задействовать отпущенное нам хроноспазмом время. Грузим ящики на плот. Майор присоединяет к одной из шашек огнепроводный шнур, изобретенный его соотечественником Уильямом Бикфордом, запихивает шашку в нижний ящик. Я достаю махандское огниво, чиркаю кресалом. Шнур шипит, как тысяча рассерженных кошек. Мы отталкиваем плот от берега и начинаем считать вслух. На ста сорока одном шнур должен дрогнуть. По нашим прикидкам, в этот момент динамит окажется метрах в пяти от устья реки, под скалой.

План наш прост и даже отчасти наивен. Взорванная скала перекроет подгорное русло реки. Вода начнет подниматься. В долине образуется озеро. К вечеру уровень воды должен достичь неприступных утесов. Если мы на втором плоту сумеем достичь этого места, то к четырем утра доберемся до камней.

Что будет потом – неизвестно никому. Бейкоп, впрочем, говорит, что бог-то наверняка знает, но нам от этого не легче.

– Восемьдесят три, восемьдесят четыре... – бормочу я.

Майор дублирует меня по-английски. Шипения шнура уже не слышно – вода уносит плот к скалам.

– Сто шесть, сто семь, сто восемь...

Топот копыт за нашими спинами. Черт, как не вовремя кого-то принесла нелегкая!

– Сто пятнадцать, сто шестнадцать...

– Доброе утро, господа!

Я узнаю голос штабс-капитана Слащева.

– А чего-то вы тут делаете?

Ага, это уже Нефедов.

– Какое чудесное утро! – похоже, Слащев уже успел принять стакан спирта.

– А что там плывет? – глазастый Нефедов замечает наш приближающийся к скальной щели плот.

– Сто тридцать один, сто тридцать два, – шепчу я.

– Господин профессор, – с обидой в голосе обращается к Нефедову штабс-капитан. – Мне кажется, или с нами не желают разговаривать?

– Джентльмены, сорри! – отвлекается от счета Бейкоп. – Мы есть быть заняты.

– Чем это, интересно? – я слышу, как Слащев спрыгивает с лошади.

Плот скрывается под скалой.

– Сто тридцать восемь, сто тридцать девять, сто сорок... Ложись!! – ору я на всякий случай.

Два боевых офицера и опытный Нефедов выполняют команду с отменной скоростью и четкостью. Взрыва мы не слышим. Просто вдруг вздрагивает земля, скальный массив выбрасывает из всех трещин и щелей пыль, мгновенно исчезая в бурой дымке, а потом огромный утес, под который уходит река, проседает и рушится. Грохот бьет по ушам. Ему на смену приходит тяжелый подземный гул. Скалы проваливаются одна за другой, исчезая в какой-то исполинской каверне. Но самое страшное не это. Из-под них вдруг вырывается пенистый поток, широко разливающийся по долине.

– Вы это... одурели, что ли?! – тыча пальцем в надвигающийся водяной вал, кричит Нефедов.

– По коням! – орет Слащев, взлетая в седло.

Поздно. Я вижу округленные ужасом глаза майора, хватаю лежащий на земле карабин – и тут нас накрывает. Меня подхватывает, словно ветку, куда-то несет, переворачивая. Сжимая цевье карабина, я задерживаю дыхание и молю всех богов – только бы не захлебнуться...

Подниматься по скалам вместе с прибывающей водой – очень странный способ восхождения. Я удерживаюсь на камнях до тех пор, пока вода не подступает к самым ноздрям, затем всплываю и перебираюсь на очередной уступ. Вода холодная. У меня зуб на зуб не попадает. Вожделенные черные камни находятся прямо надо мной. Закатное солнце светит ярко, каждая глыба, каждая трещина видны, как на ладони.

А вот долины Неш больше не существует. Точнее, вода еще не окончательно затопила дальний от меня, северный ее край. А тут, у нас на юге, уже разлилось огромное мутное озеро. По его поверхности плавают вырванные с корнем деревья, трупы животных и людей. Наверное, примерно так же выглядели воды Всемирного потопа, залившего в доисторические времена всю землю.

Над новообразованным озером кружат потерявшие свои гнезда птицы. Однажды я видел живого человека. Он проплыл метрах в ста от меня, держась за какую-то корягу. Я кричал ему, думая, что это майор, но одинокий пловец меня не услышал. Его затянуло в водоворот, мелькнули руки, темное пятнышко головы...

Бедняга Бейкоп сгинул вместе с Нефедовым и Слащевым, когда нас накрыло водяной горой. Я не ахти какой пловец, поэтому немало удивился, когда у меня получилось вынырнуть да еще и не потерять карабин. Впрочем, везение на этом закончилось – оружие очень тяжелое, вода бурная, а до подножья скал плыть довольно далеко. И я бы непременно утонул, но течение вынесло меня к своеобразному плавучему острову, состоящему из веток, сухой травы, земли, тростника и всякого мусора. Держась за этот созданный самой природой плотик, я медленно пересек бурлящие воды и выбрался на скалы.

Поднимаясь вместе с водой все выше и выше, пытаюсь понять, что же произошло. По всей видимости, под скалами находилась огромная пещера с подземным озером. Взрыв динами-

та обрушил ее своды, и вода хлынула наружу, в долину. Иного объяснения у меня нет.

Солнце опускается совсем низко. Закат окрашивает все вокруг в багрянец. Алые облака плывут по небу, напоминая куски окровавленного мяса. Скоро начнет темнеть. Выбираюсь на ноздреватую глыбу, прикидываю расстояние до ближайшего камня. Еще плыть да плыть... Сжать зубы и сконцентрироваться на подъеме. Надо добраться туда до четырех утра. Не упасть, не потерять сознание, не утонуть в конце концов. Добраться и досидеть до рассвета. В четыре утра должна появиться линза. В четыре утра можно будет попробовать пройти в нее. Проследовать за птицами. И неизвестно еще куда...

Смеркается. Солнце село за зубчатую стену гор. В быстро наступающей темноте слышу плеск воды и голоса.

Голос Нефедова я узнаю из тысяч других, все же с этим человеком мы съели не один пуд соли. С кем беседует профессор, тоже понятно, хотя я с гораздо большим удовольствием услышал бы голос майора Бейкопа.

Но, в конце концов, все мы – люди, а люди должны помогать друг другу, тем более в нынешних обстоятельствах. И я кричу в темноту:

– Эй, сюда!

\*\*\*

– Стреляй, Артем! – хрипит Нефедов, пятясь к костру.

Револьвер дрожит в руке профессора. От страха он жмет и жмет на спуск. Патроны в барабане уже расстреляны, и оружие издает лишь сухие металлические щелчки.

Мерзкое хихиканье доносится теперь со стороны высохшего дерева. Я вскидываю карабин. Два патрона. Всего два. Эта тварь перемещается очень быстро. Еще она невероятно живучая. Несчастный Слащев стрелял в упор. Он разрядил в плоскую

голову, покрытую жесткой седой шерстью – или волосами? – весь барабан своего нагана. И был убит. Тварь оторвала ему голову, выломала руку и убежала в ночь, подскакивая на ходу, как обезьяна. Но это не обезьяна, потому что я точно знаю: не бывает обезьян-людоедов. А тварь – людоед. Она на моих глазах отгрызла палец с оторванной руки Слащева.

Мы блуждаем в лабиринте аномальных зон уже несколько дней. Нам удалось выйти за пределы хроноспазма, но то, куда мы попали, оказалось ничуть не лучше. Чего уж там, тут было гораздо хуже.

Выбраться из долины, ставшей озером, оказалось не так просто. В конце концов, замерзнув до полусмерти, мы со Слащевым и Нефедовым вскарабкались по скалам наверх, к черным камням. А затем ушли в дыру, или, как называл это странное образование Бейкоп, в линзу.

Наверное, нам должно было быть страшно. Но мы так изумлялись, что просто, безо всякой опаски, один за другим пролезли в линзу, как в нору. И очутились на океанском побережье. Прибой накатывал на желтый пляж пенные валы, в воздухе парили большие белые птицы. А позади нас выселись установленные в ряд каменные истуканы с огромными носами. Я хорошо помню расширенные от удивления глаза Нефедова и его непроизвольный вскрик:

– Рапа-Нуи!

Я тоже узнал остров Пасхи. И тоже удивился. Самым хладнокровным из нас оказался штабс-капитан. Мы с профессором уже собирались бежать к статуям, чтобы осмотреть и потрогать их, когда Слащев указал на толпуaborигенов, надвигающуюся со стороны невысокой горы.

– Пора уходить, господа.

И мы ушли в линзу, висящую в воздухе прямо над песком. Можно было бы ожидать, что пространственная нора приведет нас обратно на скалы, но все оказалось куда сложнее

и вместо камней перед нами предстали лиственницы, покрытые мхами и лишайниками. Под ногами сочно чавкало болото, мириады комаров и мошек набросились на нас. В довершении всех бед линза, из которой мы выбрались, куда-то исчезла. Мы несколько часов блуждали по тайге, видели ржавую табличку со странной надписью «Бараки Ада». Потом вышли к небольшой речушке. По ее берегу вилась грунтовая дорога. Указатель, вполне себе современный, гласил: «Поселок «Алые Зори». Я уже начал прикидывать, как мы будем объясняться с поселковым начальством, компания-то у нас просто аховая: белогвардеец, офицер-дезертир и сбежавший из госпиталя солдат. Но тут Слащев заметил линзу. Так мы очутились в этой пустыне, населенной жуткими существами...

Хихиканье приближается.

– Сядь к костру, – говорю я Нефедову. – Если что – попробуй бить его огнем. Все звери боятся огня.

– Это не зверь, – дрожащим голосом отзывается профессор. – Неужели ты еще не понял?

В темноте раздается шарканье лап. Или ног? Я целюсь на звук, но не стреляю. Два патрона – тут надо бить наверняка.

– Лев Николаевич рассказывал мне, – продолжает Нефедов, – что его отец во время своих экспедиций в Абиссинию встречался с подобными созданиями. Он называл их пустынными демонами...

Профессор очень напуган. Он болтает без удержу, потому что это немного отгоняет страх. А мне уже все равно. После всего пережитого я не верю чувствам и эмоциям. Только серебряному коню на шее – и интуиции. А она как раз подсказывает, что бояться не надо. Карабин покойного майора Бейкопа рассчитан на то, чтобы с одного выстрела завалить огромного буйвола. Или гиппопотама. Неужели же седая тварь...

Тварь выпрыгивает из темноты внезапно. В мятущемся свете костра успеваю заметить оскаленные клыки, сморщенную морду... или лицо? Растрепанные руки с кривыми когтями.

«Holland & Holland» мощно бухает. Я едва не уперся стволов карабина в живот твари, но она каким-то чудом вывернулась и теперь, издавая отвратительное хихиканье, от которого кровь стынет в жилах, кружит вокруг костра, упираясь одной рукой в землю.

– Похоже, это какой-то неизвестный вид реликтовых хищников, – лязгая зубами, сообщает Нефедов.

Профессор – молодец, бодрится. А у меня остался один единственный патрон.

– Игнат, двигайся к линзе. Я попробую тебя прикрыть. Если что – уходи один.

– А ты?!

– Делай, что сказал! – кричу я, двигаясь вокруг костра следом за тварью. – Когда ты застрелил меня в долине, чтобы дорваться до коня, у тебя в голове были другие мысли...

Я говорю почти наугад, но неожиданно попадаю в цель.

– Прости, Артем... – Нефедов разводит руками. – Я же был уверен, что хроноспазм – это навечно. И потом – конь ничего не открыл мне.

– Хватит трепаться! В линзу, бегом!

Он перемахивает через костер и несется к темной громаде дерева. Тварь обрывает свое хихиканье и серой тень скользит следом. Я стреляю. Черт, мимо! Бросаю бесполезный карабин, выхватываю кинжал князя Атхи и тоже бегу к линзе. Нефедов уже рядом с ней. Он оборачивается, пытаясь разглядеть, где я, но из темноты возникает еще одна тварь. Она крупнее и быстрее той, первой, что убила Слащева. Вскрикнув, профессор исчезает в линзе. А мне до нее не менее десяти шагов.

Шагов, которые надо еще пройти...

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Дед Чага

Треск сухих веток под ногами похож на треск макарон-соломки. Мама всегда ломала их пополам, прежде чем бросить в кипящую воду. Почему-то и этот звук, и запах варящихся макарон четко связаны у меня с зимой. На улице холодно, метет, а ты сидишь на теплой кухне, смотришь на морозные узоры, покрывающие стекло. На плите посвистывает закипевший чайник, а на соседней конфорке варятся макароны.

И мамина рука на затылке. И хорошо, спокойно и уютно.

Упираюсь в завал из древесных стволов, перевитый лианами, прошитый молодой порослью и совершенно непроходимый. Тупо таращусь в зеленое месиво стеблей и листьев. Воспоминания разбередили душу. Хочется плакать. А еще хочется бульдозер с огромным ножом-отвальником. Чтобы пройти этот чертов заколдованный лес насквозь и выйти, наконец, хоть куда-то.

Темнеет. То есть это неправильное слово – «темнеет». Просто сразу – бац! – и наступает ночь. Как будто свет выключили. Бродить ночью по джунглям не просто опасно, а смерти подобно. Больше всего я боюсь линзы, ведущей в океан. Это все, конечно. Один шаг – и я буду барахтаться в теплой или холодной – а какая, в сущности, разница? – воде в сотнях километров от берега безо всякой надежды на спасение.

Конечно, ночь лучше переждать. Отсидеться, забиввшись в безопасное место. От этой мысли я начинаю улыбаться. Безопасное место здесь! Это и в самом деле смешно!

На линзу я натыкаюсь случайно и успеваю отдернуть руку прежде, чем меня перенесет через пространство и время. Осто-

рожно, как слепой, шарю перед собой, чтобы понять, где у линзы границы. Отхожу в сторону, сажусь на замшелый ствол поваленного дерева. Во мраке то и дело вспыхивают неживым светом светляки, где-то далеко перекликаются ночные птицы. Джунгли живут своей жизнью. Им нет до меня никакого дела. Пока нет.

Линза найдена. Надо что-то решать. Конечно, идти наобум нельзя. Но как узнать, что находится за матовой, чуть выпуклой, бесплотной дверью? Когда мы бежали от седых тварей, подобных мыслей не возникало. Но тогда мы просто спасали свои жизни. Я, похоже, спас. Штаб-капитан Слащев стал добычей пустынных хищников. Нефедов... Куда занесли профессора изгибы пространственных нор, я не знаю.

Сожалею ли я о судьбе моих спутников? Конечно, мне их жаль. И все же, все же...

Черт, но как все-таки заглянуть за границы линзы? Найти полый стебель, бамбук какой-нибудь, сделать из него трубку, просунуть внутрь и посмотреть? Одним глазком? А что, это идея! Начинаю шарить вокруг руками в поисках подходящего растения. Вдруг прямо надо мной раздается треск веток. На голову сыплется древесный сор, летят ветки, листья. Как был с поднятой для очередного шага ногой, замираю на месте. Сердце – как барабан. Неизвестное мне существо грузно ворочается в кроне дерева. Кто это? Обезьяна? Ленивец? Ягуар? Или вовсе неизвестное науке существо из невообразимо древних времен, подобное хихикающим тварям в пустыне?

Осторожно опускаю ногу. Треск макарон. В ответ раздается грозное рычание. Оно приближается! Неведомый зверь спускается вниз, я слышу, как его когти обдирают кору с дерева. Рычание переходит в торжествующий рев хищника, почувствовавшего добычу. Добыча – это я.

Все, партия переходит в эндшпиль. Выхватываю кинжал. Ору диким голосом, чтобы напугать. Зверь прыгает и ломает

ветки совсем рядом. В нос бьет резкий мускусный запах. В панике шарахаюсь в сторону, размахивая кинжалом.

Мой невидимый в темноте противник делает еще один прыжок. Кинжал со свистом рассекает пустоту. Зверь уже у меня за спиной. Поворачиваюсь – и получаю сокрушительный удар в грудь. Шибануло точно кувалдой. Земля уходит из-под ног, по лицу хлещут ветки. Приземляюсь на кучу листьев, чудом удержав кинжал. Вскакиваю. Существо, не переставая реветь, снова прыгает. Шагаю в сторону – и слишком поздно понимаю, что вляпался.

Линза. Упругая волна остановившегося воздуха. Головокружение. Звон в ушах. И – ощущение падения. Бездна...

Мои худшие ожидания не сбылись. За линзой оказалась суша. Но злодейка-судьба все же подшутила надо мной, и подшутила жестоко.

Я стою по колено в снегу. Воет ветер, раскачивая верхушки деревьев. Это обычные березы. Сквозь их голые ветви видны звезды и половинка Луны. На мое разгоряченное схваткой с неведомым хищником лицо опускаются снежинки. Делаю шаг, другой – и выбираюсь на опушку леса. Вокруг ни души. Только снег, лес, ночь...

Против воли начинаю смеяться. Это нервное. Изо рта идет пар. Мороз – градусов двадцать. В полотняной рубахе и штанах, без шапки, я не доживу здесь даже до утра. Эх, конь мой серебряный, куда ж ты меня завез?

Говорят, пока человек жив – жива и надежда. Значит, надо двигаться, надо идти. Вдруг вон за тем пригорком, поросшим кустарником, спряталась какая-нибудь избушка? Сколько известно случаев, когда люди замерзали в двух шагах от жилья только потому, что отчаялись. Я прошел через столько испытаний – неужели ж я сдамся на милость ветра, мороза и судьбы? Нет, надо двигаться. Древние говорили: «движение – это жизнь». Вперед, только вперед.

Направления я не выбираю – засовываю кинжал за пояс и просто рву с места по снежной целине, высоко вскидывая ноги. Через пару десятков шагов становится понятно – я не лось, и бежать по снегу у меня не получается. Получается просто идти.

Первыми немеют пальцы на руках и уши. Зачерпываю горсть снега, начинаю растирать их по очереди. На секунду останавливаюсь, оглядываюсь. От опушки я прошагал почти километр. Ровная цепочка следов тянется за мной по густо-синей, посверкивающей в лунном свете скатерти снега. Представляю себе картину: утром какой-нибудь местный житель натянет телогрейку, ушанку, запряжет каурью лошадку в сани и поедет в лес за… пусть будет за елочкой. Поедет и увидит на снегу цепочку следов, а в конце ее – неподвижное тело. Мое тело.

Мороз крепчает. Снова перехожу на бег. Мокрые руки стынут на ветру, и я прячу их под мышки. Немеет лицо. Встречный ветер мешает дышать, из глаз текут слезы и замерзают прямо на щеках. Я устал. Хочется сесть в снег и передохнуть. Но нельзя. Если я остановлюсь, то замерзну.

С трудом поднимаюсь на тот самый пригородок, оглядываюсь. Впереди – перелесок, за ним угадывается открытое пространство, а дальше черной стеной от края до края стоит лес. Никаких признаков жилья. Луна клонится к горизонту. Когда она закатится, станет совсем темно. В темноте придет смерть.

Опять бегу. Снег хрустит под сапогами. Сквозь хруст слышу отдаленный вой. Волки! Только этого не хватало.

Вламываюсь в перелесок. Какая-то крупная птица с шумом вспархивает неподалеку от меня и уносится в ночь. Мир обитаем, мир живет по своим законам. Я здесь – пришелец, но миру до меня нет дела. Скоро, совсем скоро я стану его частью. Сначала оледеневшим трупом, потом кормом для волков, потом – землей, травой, деревьями. Так всегда было, есть и будет.

Хватаюсь онемевшей рукой за тонкий ствол рябины. За перелеском раскинулся глубокий овраг. Если я спущусь в него, то вряд ли смогу подняться — склоны слишком крутые. Надо обходить. Делаю шаг, другой — и вдруг пласти снега уходят у меня из-под ног. Я в облаке искрящейся снежной пыли съезжаю вниз, проваливаюсь по плечи.

Все, вот и все. Даже если я выберусь, то, промокший, закоченею в считанные минуты. Меня может спасти костер, хороший такой, жаркий костер, сложенный из елового лапника. Но для того, чтобы разжечь его, нужны спички или зажигалка. У меня нет ни того, ни другого. Махандское огниво я потерял вместе с остальным снаряжением.

Ворочаясь в снежной каше, пытаюсь высвободиться. Сдаваться нельзя — пока еще я это понимаю. Ползком, буквально по-пластунски, подбираюсь к краю оврага. Теперь нужно вылезти наверх. Начинаю восхождение — и новые пласти снега рушатся на меня, забивая рот, нос, глаза.

И вот, когда я уже совсем теряю надежду вылезти из проклятого оврага, когда холод окончательно сковывает меня смирильной рубашкой, прямо над головой раздается надтреснутый, веселый голосок:

— Эк тебя замуровало! Лови вожжи, чучело!

Я сижу у горячей печки. Просто сижу, привалившись спиной к ее пышущей жаром бочине и млею от растекающегося по всему телу блаженного тепла.

Вот оно, счастье. Мое маленькое, персональное счастье. Мой рай. Эдемчик. Какая власть, какие богатства — просто горячая печка. И ничего другого на данный момент мне не требуется.

Дед Чага хлопочет у печи, гремит чугунами, орудует ухватом. Почему он называет себя дед, не совсем понятно. Выглядит не таким уж и старым. Правда, кожа коричневая и в морщинах, но глаза живые, а возраст — фиг разберешь.

– Разные тут попадаются, кого только не заносит... Ты смотри там, не сгори к чертям! Вот же... чучело. Прижаришься так, что потом не отдеру.

Я слабо улыбаюсь. Спину приятно жжет и покалывает. Прожариться – именно то, чего бы мне сейчас хотелось.

Изба маленькая, кособокая, забитая множеством как хорошо знакомых мне, так и совершенно невиданных вещей. Помимо неказистой самодельной мебели – кровать, шкаф, сундук, стол – и обычной деревенской утвари, здесь по стенам висят разнокалиберные деревянные колеса, какие-то доски с дырками, цепи, кольца из проржавевшего железа. Очень много ламп, фонарей, свечек в саморезанных деревянных подсвечниках.

Есть, однако, и приметы цивилизации, которые сразу успокоили меня, едва только дед Чага перетащил мое полумертвое от холода и усталости тело через высокий порог. На кованом крюке висит радиоприемник «Океан» – у нас в Казани был такой же – а рядом настенный календарь за 1980 год с неизменным олимпийским мишкой. Стало быть, я в своем времени, а не в эпохе Ивана Грозного. Это хорошо. Хотя бы это – хорошо.

– Как тебя занесло в такую глушь?

– Не помню, дед. В экспедицию ходили, дальше не помню.

Не знаю почему, начинаю рассказывать какую-то версию и решаю разыграть амнезию. Рассказывать правду невозможно, да и не хочется. Неизвестно, как человек отреагирует на такой рассказ, а на новые неприятности нарываться не хочется. Сейчас главное восстановиться и встать на ноги, а там посмотрим...

– Совсем ничего?

– Чего?

– Не помнишь?

– Плохо помню, дед. В голове туман — отморозил бошку, видать.

– Говорить можешь, значит, не отморозил. Звать-то тебя как, помнишь?

– Артем.

– Артем... – дед наливает в кружку кипяток и идет ко мне, – на вот, чучело, кишкы погрей. А экспедиции да... Бывают. Как про треугольник узнают, так и прут. В треугольник ходили ж, так?

Беру кружку и обжигаю язык. Кипяток крутой, аж слезы навернулись.

– Какой треугольник? – спрашиваю, еле ворочая обожженным языком.

– Эмский.

– Не знаю... Не помню. Что за треугольник?

– Аномальная зона... – дед внимательно смотрит мне в глаза и приседает. – Да я смотрю, ты и сам аномальный! Что это с глазами у тебя?

Глаза. Я про них уже и забыл...

– Не знаю... Такой родился.

– Уродился... Где уродился-то? В Чернобыле?

– Почему в Чернобыле? – удивляюсь.

– А то, может, у тебя и хвост есть? – странно усмехается дед.

Вопрос мне непонятен. Что за город? Где? Почему я должен был «уродиться» именно там?

– Знаю кое-что про Чернобыль-то... Своими глазами видел, – дед крутит в пальцах папироску и смотрит куда-то в одну точку остекленевшими глазами.– Покруче треугольника будет...

– А там что, все с разноцветными глазами и хвостами? – пытаюсь пошутить я.

– Там, чучело, в восемьдесят шестом много наших полегло...

– В восемьдесят шестом?! – невольно выкрикиваю я.

Я перескочил через 6 лет. Немыслимо! Это ж сколько мне сейчас должно быть? Двадцать шесть? В голове крутятся цифры, лица, имена. Вспоминаю всех, с кем недавно еще расстался в родной Казани и в ту же долю секунды пытаюсь представить, что с ними всеми произошло. За шесть лет многое произойти

может. И что за странная фраза «много наших полегло»? Была война? Почему полегли и что за «наши»?

– А что там случилось? – осторожно спрашиваю деда.

– Ты что ж, и про аварию ничего не помнишь?

Я молчу. Откуда ж мне помнить то, чего не знаю.

– Хотя, может, ты тогда еще ребенком был... – пожимает плечами дед. Сколько тебе в 86-м было?

Внутри все холдеет. Какой-же сейчас год, если в 86-м «было»?

– Ну, что молчишь, как воды в рот набрал. Сколько тебе было восемь лет назад? Или тоже забыл?

Восемь. Быстро считаю — тысяча девятьсот восемьдесят шесть плюс восемь.

– Похоже, ты и правда башку отморозил, – вздыхает дед, прикуривает папиросу и отходит, словно теряя ко мне интерес.

А вот у меня интереса хоть отбавляй. Тысяча девятьсот девяносто четвертый. Проклятый хроноспазм украл у меня четырнадцать лет жизни!

Утром, вопреки ожиданиям, я просыпаюсь вполне здоровым. Целебный отвар, которым отпаивал меня дед Чага, похлебка из куропаток и сто грамм настоянного на травах самогона сделали свое дело. Правда, руки-ноги побаливают, но это пустяки. Главное – легкие дышат, сердце стучит, голова соображает. Ничего, прорвемся.

В крохотное окошко льется мягкое «снежное» сияние. В избушке пусто. С улицы доносятся удары топора и ругань деда Чаги. Отбросив старое ватное одеяло, я обуваюсь, отметив про себя, что старик не просто уложил меня, но и разул, как родного сына.

Толкнув дверь, жмурюсь от брызнувшего в глаза света. Морозный воздух наполняет грудь. Чага тюкает здоровенным колуном по не менее здоровенному чурбану. Видно, что дед устал.

Молча отбираю у него колун.

Мерзлое дерево колется с оглушительным треском. Летят смолистые щепки. Я разделяю чурбан на поленья, подкатываю следующий, потом третий, четвертый. Дед смеется.

– Здоров же ты колуном махать! Может, останешься помогать по хозяйству?

– Мне, дед, в Казань надо, – говорю, оттирая пот со лба.

– В Казань? – присвистывает дед. – Вспомнил чего?

– Вот про Казань и вспомнил.

– Славный городок... Был проездом.

– Далеко до него?

– Это кому как.

– Дед, не морочь голову.

– Как повезет, так и далеко. Это уж смотря с кем о чем договоришься. Может, день, а может, неделя... Тут-то у нас грузовики нечасто ходят, а вот от Перми уже понадежней будет.

Примерно через час я всаживаю колун в последний чурбан. Дело сделано. В четыре руки мы перетаскиваем наколотые поленья под навес у сарая. В сарае пофыркивает строгая кобыла Таисия. Это она вчера выволокла меня, полумертвого, из оврага. Кроме сарая, в хозяйстве деда Чаги имеется еще крохотная банька, срубленная в лапу. Постройки обнесены покосившимся забором. Над воротами табличка: «Кошарское лесничество. Кордон № 3».

Дед растапливает баню, я таскаю воду из колодца. Моемся мы по очереди – вдвоем в тесной мыльне не развернуться. После бани, распаренные и благодушные, садимся обедать. Чага наливает в граненые стограммовые стаканчики самогон.

– Родные есть?

– Мать.

– Ну, давай за нее, чтобы здорова была и тебя дождалась.

У меня перехватывает горло. Легко сказать – «дождалась»!  
Столько лет прошло...

Словно угадав мое настроение, дед кивает:

– Боишься? Думаешь, похоронила тебя мать? Ну так материнское сердце не обманет. Если ты без вести пропал, она всю жизнь тебя ждать будет... За нее!

Пьем, закусываем медвежьим салом, хлебаем густой вчерашний суп из куропаток. Чтобы отвлечь меня от грустных мыслей, Чага рассказывает про М-ский треугольник:

– Места тут знатные. В Скопине раньше старообрядцы жили, а сейчас одни развалины остались. Зона, она вокруг Центральной поляны лежит. Выселки, Демидовская просека, Змеиная горка, Черная речка, Ведьмины кольца, Белая гора, река Сылва, Космодром – все это мое хозяйство. Летом тут людно бывает. Ученые приезжают. А зимой глухота, одни волки. Да еще вот ты!

– А ученые зачем?

– Ищут.

– Что ищут?

– Черт их разберет, что они ищут. Тарелки...

– Что за тарелки?

Дед поднимает глаза вверх.

– Летающие.

– Летающие?

– Пытаются выйти на контакт.

– А сам ты тарелки эти видел?

– Может, и видел.

– Что значит, может?

– То и значит, что не должно этого быть. А оно, видать, есть.

То поляну найду выжженную, то в небе что пролетит...

– Прям тарелка?

– Может, тарелка, а может, и не тарелка. На трезвую голову уже не помню, а на пьяную всякое привидеться может.

– А на трезвую никогда не видел?

– А трезвой она и не бывает, – усмехается дед, опрокидывая рюмку.

– Зачем же ты все время пьешь?

– Потому что, чучело... если б увидел на трезвую — свихнулся бы.

Остаток дня проходит в сборах и заботах. Завтра утром я покину этот медвежий угол. Чага дарит мне засаленную телогрейку, вязанную шапочку, собирает нехитрую снедь — сухари, сало, несколько луковок, пачку печенья.

– Извини, парень, денег у меня нет. Ты уж сам извернись как-нибудь — говорит дед.

– Извернусь, — уверенно говорю я и отправляюсь спать. Завтра будет тяжелый день...

КамАЗ, ревя двигателем, идет в очередной подъем. Стемнело, но звезд не видно — небо затянуто облаками. Хочется курить. Сигарет нет. У водилы Ирека — тоже. Он щурит красные от недосыпа глаза и матерится сквозь зубы, мешая татарские ругательства с русскими. Фары встречных машин выхватывают из темноты его злое лицо.

– Ни одна сволочь на ближний свет не переключается! Тормознуть бы и монтировкой — по лобовухе! — психует водила.

КамАЗ Ирека — четвертая по счету машина, подвозящая меня. Позади остались сотни километров дорог, леса, поля, реки. Из М-ской зоны я выбрался сутки назад — спасибо деду Чаге, что поутру запряг Таисию и подвез до Каменки. Вышел я на дорогу, ведущую в Юркан, на ЗИЛе-молоковозе доехал до Суксун. Там подвернулся санэпидемский УАЗик, идущий в Пермь. Женщины в салоне, увидев на обочине занесенную снегом человеческую фигуру, то есть меня, попросили водителя остановиться.

Ехали они весело — пили греческий коньяк «Метакса» из красивой бутылки, закусывали шоколадными конфетами. И коньяк, и роскошный набор ассорти, и полные сумки продуктов эти терты жизнью тетки везли из какой-то деревни, где про-

водили проверку. Я никак не мог взять в толк, откуда в глухой пермской деревне такая роскошь. Впрочем, надо привыкать. Теперь тут все не так, как было. Прошло четырнадцать лет...

Четырнадцать. В голове не укладывается.

Только бы с мамой все было хорошо!

Только бы мама была здорова.

Только бы мама была...

Я скриплю зубами, запрещая себе думать о плохом. Чтобы отвлечься, мысленно возвращаюсь в салон УАЗика. Разбитные инспекторши СЭС с ходу взяли меня в оборот. Налили «Метаксы», предложили бутербродов, чая из термоса. От коньяка я отказался. Обострившееся за последнее время чутье подсказало: это пить не стоит. Чутье не подвело. Уже на подъезде к Перми женщинам стало плохо. Водитель остановил УАЗик, я помог инспекторшам выбраться на обочину. Их рвало, лица на глазах бледнели. Началась метель. Мимо проносились машины, но никто не останавливался. Одна из женщин потеряла сознание. Мы кое-как загрузились, и водитель погнал УАЗик в город, в больницу.

В приемном покое усталый врач, взглянув на длинную узкую бутылку из-под «Метаксы», развел руками.

– Пятый случай за сутки. Пойло паленое.

– Они выживут? – спросил я.

Он опять развел руками.

– Не уверен. У нас уже три трупа. Банкет был. Оттуда двенадцать человек привезли.

Попрощавшись с водителем, я побрел к мосту через Каму. Через него можно было выйти к Промучастку, где проходила дорога Р-242, ведущая в Казань.

Денег, новых денег, у меня не было. Старых, впрочем, тоже. Не было документов, еды и знакомых в Перми. В старой телогрейке, подаренной дедом Чагой, в вязанной шапочке, синих широких махандских штанах и кожаных сапогах я походил

на героя какого-то странного фильма, на ряженого. Правда, у меня есть заткнутый за пояс кинжал, подарок князя. Но это скорее минус, чем плюс.

До этого в Перми мне приходилось бывать не раз. В основном на соревнованиях и однажды – на экскурсии от школы. Город я помнил неплохо. Но той, знакомой мне Перми, больше не было. Нет, дома, конечно, остались прежними, разве что как-то странно обветшали, состарились, посерели. Но при этом город все же выглядел пестро. Эту попугайскую расцветку ему придавали аляповатые вывески, плакаты, витрины разномастных ларьков, облепивших улицы.

Товары в таких ларьках почему-то продавались сплошь иностранные. Сигареты, пиво, яркие упаковки непонятно чего – я не видел ни одного знакомого названия. Хотя вру – видел. Водку «Столичная», вино «Портвейн №13» и папиросы «Беломорканал». Ну, хоть что-то выдержало проверку временем.

Сильнее всего изменились люди. Дико было видеть новую для меня моду, прически. И лица словно бы тоже изменились. Я сперва не мог понять, почему все встречные прохожие – мужчины, женщины, старики, даже дети – кажутся мне похожими друг на друга. А потом понял.

Они все были очень напряжены, точно ожидали нападения со спины. Никто не улыбался, разговоры велись вполголоса. Хотя опять вру – я видел уверенных в себе, громкоголосых и даже развязных людей. Несколько крепких парней, моих ровесников, одетых в одинаковые короткие, словно бы раздутые, куртки и тренировочные штаны. Они топтались у стоявших фары к фарам легковых машин, курили, ходили, оживленно обсуждая что-то. Я подошел посмотреть на незнакомые мне, наверняка иностранные, автомобили и заодно стрельнуть сигаретку.

Эта история едва не закончилась плачевно. Как только я приблизился, парни моментально набычились.

– Че надо?  
– Закурить не будет?  
– Свои надо иметь, – один из них сплюнул, едва не попав на носок моего сапога.

По казанскому неписанному дворовому кодексу чести это был откровенный вызов. По пермскому, не сомневаюсь, тоже. Но о каком вызове может идти речь, если их пятеро, а я один?

– Свои закончились, – спокойно сказал я.  
– Курить – здоровью вредить, – загоготал красномордый здоровяк с толстой золотой цепью на шее, выпуская мне в лицо струю дыма. – Так что мы не курим.

Я шел по улице, переваривая увиденное и пытаясь осознать себя здесь, в новом для меня мире. Кем бы я стал, если бы остался в своем времени и дожил до этого дня? И кем стали все, кто до этого дня дожил?

Полчаса спустя, выбравшись по пологому склону на дорогу, я начал сигнализировать рукой всем проходящим машинам. Остановился битком набитый людьми бело-синий «Пазик».

– У меня денег нет, – сказал я водителю.  
– Пофиг, – он сплюнул в открытое окно. – Залезай.

«ПАЗик» довез меня до поселка Игра. Выбравшись из автобуса, я минут пятнадцать потоптался на обочине возле железного скелета остановки – и тормознул КамАЗ Ирека. Сразу сказал, что денег нет, но до зарезу надо в Казань.

– Залазь! – кивнул светловолосый Ирек. – Денег сейчас ни у кого нет. Люди должны помогать друг другу, так?

– Так.  
– Вот ты и будешь мне помогать не уснуть.  
– Анекдоты, что ли, травить? – фыркнул я.  
– Конституцию наизусть читать!  
– Да не знаю я анекдотов.  
– А Конституцию?

– Тоже.

– А че знаешь?

– Про Чингисхана. Сгодится?

Ирек кивнул, давая понять, что мы договорились. Я плюхнулся на сидение, захлопнул дверь – и финальная часть моей дороги домой началась.

Историю Темуджина, ставшего Чингисханом, я рассказываю, стараясь ничего не пропустить. Ирек кивает, иногда задает вопросы. Когда дохожу до смерти Есугея-багатура, он матерится.

– Вот же твари, такого мужика замочили!

Отдельный разговор у нас получается про племя татар. Ирек – татарин, и ему не понятно, что за татары были в двенадцатом веке в монгольских степях. Я, как могу, объясняю, что с нынешними татарами врагов Есугея роднит только название.

Так, за разговорами, проходит большая часть дороги.

Проезжаем Малмыж. Начинаются знакомые места. Тут я был, кое-где и не единожды – на рыбалке, в походах с классом, просто с пацанами ездили на электричке. Кукмор, Кырбаш, Балтаси, Арск. Щемит сердце, потеют ладони. Четырнадцать лет...

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

### Чужая страна

КамАЗ летит сквозь ночь. Блестящая в свете фар лента дороги стелется под колеса. Куркачи, Бирюли, Высокая гора. Все, впереди показался перекресток. Налево дорога на Набережные Челны, направо – на Москву. А за перекрестком – Дербышки. Это уже Казань.

Почему-то пригородный поселок лежит во мраке, только тускло светятся кое-где окна домов. Вроде бы не поздно, еще нет и десяти. И главное: фонари-то зачем выключены? Темно же.

Ирек цедит сквозь зубы что-то об отключениях и экономии электроэнергии. Я опять не понимаю – у нас на Волге куча ГЭС, с чего вдруг появилась необходимость экономить?

У Нагорного кладбища КамАЗ останавливается. Здесь Ирека встречают хозяева груза. Точно такая же, как в Перми, большая черная машина мигает нам фарами. Из нее вылезают двое парней. Я вздрагиваю – мне показалось на мгновение, что это те самые пермские ребята. Те же прически, та же одежда. Но, конечно же, это другие, местные. С ума сойти – когда я уходил в армию, им было... лет по семь-восемь максимум?

Один из парней подходит к водительской стороне кабины. Ирек приоткрывает дверцу. Следует короткий диалог:

- Че, нормально?
- Вроде да.
- А че за чмо с тобой?
- Попутчик.
- Высаживай и давай за нами.

Ирек виновато смотрит на меня. Я жму ему руку, спрыгиваю в снежную кашу. В Казани оттепель, с темного неба косо падает мокрый снег. Переваливаясь на колдобинах, черная машина и следующий за ней КамАЗ уползают в сторону поселка Нагорный. Моя дорога лежит прямо. Вот он, Сибирский тракт. Нокса, Карьер, Компрессорный завод, улица академика Арбузова, всего лишь пять километров пешком – и я дома.

Что меня там ждет? И кто?

Срываюсь с места и едва ли не бегу по обочине темной дороги. Мимо изредка проносятся машины, проплывает разбитый автобус, подсвеченный изнутри, как аквариум.

Снег становится гуще. Моя телогрейка промокает. Подхожу к трамвайному кольцу. Поодаль темной глыбой лежит Компрессорный завод. Единственное светлое пятно – несколько уже знакомых мне по Перми ларьков, призывающими манящими витринами. Рядом толкуются люди; вереницей стоят женщины, в основном пожилые. Они предлагает купить с рук водку, колбасу, сигареты, пиво, носки и варежки домашней вязки, разную мелочь. Товары укрыты полиэтиленовой пленкой, чтобы не промокли.

Гремя всеми своими железными потрохами, подходит старенький, помятый трамвай. Захожу внутрь, сажусь на холодное дерматиновое сидение. С меня льет в три ручья. Народу мало. Кондукторша, тетка в синем пальто и вязаном берете, сидит на своем месте и дремлет, не обращая внимания на пассажиров. Трамвай трогается. Две остановки. Мне осталось проехать всего две остановки.

На темных улицах – ни души. Бегу от трамвайных путей к домам.

Двор, мой двор. Здесь ничего не изменилось, только оставленных на ночь машин стало больше. Двор словно вымер. Мокрый снег превращается в откровенный дождь. Вот и родной

подъезд. Дверь нараспашку, на стене рядом кто-то накарябал матерное слово. Выше надписи белеют листочки объявлений. «Куплю», «Продаю», «Сниму квартиру».

Поднимаюсь по лестнице. В подъезде пахнет мочой и подгорелой едой. Вот и наша квартира. Останавливаюсь. Дверь другая. Железная, черная, с глазком. Чужая дверь. Внутри все сжимается от нехорошего предчувствия. Делаю несколько глубоких вдохов, как перед выстрелом – и нажимаю на кнопку звонка.

Динь-дон! Динь-дон!

За дверью слышатся тяжелые шаги, недовольный мужской голос спрашивает:

- Кого надо?
- Новикову! – почти кричу, сжав кулаки.
- Нет таких, – раздается в ответ.
- Как «нет»? – бормочу я, зачем-то отступая от двери на несколько шагов. – Как «нет»?! Здесь же... Я...

Голос мой срывается. В голове – пустота, вакуум. «Нет таких...»

Мама!

Подскакиваю к двери и начинаю стучать по ней кулаками, пинать, биться всем телом.

- Откройте!
- Я щас открою! – с угрозой рычит неизвестный мне мужик.
- Погоди маленько... Щас ты...

Слышится женский вскрик:

- Сережа, не надо!

Дверь распахивается. На пороге – здоровый бугай в спортивном костюме. Злое лицо, бритая наголо голова. Но я смотрю не на него, а на ствол упершегося мне в грудь ружья.

– Замочу, отморозок! – бугай взводит курки. За его плечом маячит испуганная женщина в халате. Краем глаза замечаю, что в нашей квартире другие обои, другая мебель и вообще – все другое.

Неужели я ошибся адресом?!

Поднимаю руки.

– Все, мужик, все. Я не туда попал, наверное.

– Борзеть не надо, – бугай убирает ружье. – Топай отсюда.

Поворачиваюсь, чтобы уйти. Женщина в халатике говорит мне в спину:

– Мы квартиру в этом году купили. До нас тут Калимуллины жили.

Выдавливаю из себя короткое:

– Спасибо.

Фамилия «Калимуллины» мне ни о чем не говорит. А еще в голове как-то не укладывается фраза: «Мы квартиру в этом году купили». Как так – купили? Разве можно купить квартиру? Или теперь все можно?

Эх, мама, мама, где же ты? Куда пропала? Как я теперь смогу тебя найти?

Стоп, есть же тетя Фарида, Фарида-апа, соседка снизу, с первого этажа! Ну конечно, вот я дурак, совсем мозги закисли. Сбегаю по ступенькам, звоню. Дверь здесь тоже новая, железная. В подъезде вообще почти все двери поменяны. Это странно – везде жуткий бардак, окурки, мусор, стеклабитые, ящики почтовые кто-то сжег, а двери в квартирах новые. Как будто все отгородились этими дверьми от подъезда, от мира.

– Кто там? – спрашивает женский голос.

Я едва не отвечаю «Артем Новиков, ваш сосед», но вовремя прикусываю язык. Прошло четырнадцать лет, а выгляжу я так же, как и в декабре семьдесят девятого, когда уходил в армию. Кто поверит, что человек за такое время совсем не изменился?

Поэтому, тщательно подбирая слова, говорю:

– Мне бы узнать. Про вашу соседку сверху, Новикову.

Ключ скрежещет в замке. Дверь открывается. Передо мной высокая красивая девушка с длинными черными волосами.

– Вам тетя Валя нужна? Она давно здесь не живет.  
– А где она? – я задаю этот вопрос машинально, а у самого круги перед глазами от напряжения. Сейчас я услышу...  
– Она переехала, – девушка поправляет волосы. – В Москву, к родственнице. Мама говорила, что та уже совсем старенькая и ей уход нужен. А тетя Валя, когда у нее сын погиб, тоже совсем одна осталась.

– Ясно, – я киваю, бреду к лестнице. Радость от известия, что мать жива, едва вспыхнув, сразу гаснет. «Сын погиб... совсем одна осталась...». Бедная, как она выдержала? Пока проклятый конь водил меня по самому краю света, пока я бился в паутине хроноспазма, она здесь с ума сходила, наверное, от горя и одиночества.

Скриплю зубами. Говорить ничего не хочется. Иду к выходу из подъезда. До меня вдруг доходит, что вот эта красивая девушка – дочь Фариды-апы Гульнарка, третьеклассница.

Оборачиваюсь, спрашиваю:

– Мама твоя как? Жива-здорова?  
– Д-да, – удивленно кивает она. – В Борисково живет. Мы с мужем здесь, а она... Ой, а вы... ты кто? Ты ее знаешь?  
– Гульнара, ты с кем разговариваешь? – гремит на весь подъезд голос Гульнаркиного мужа. Я машу рукой – мол, пока, и выхожу из подъезда под ледяной дождь.

Мама в Москве. Пожилая родственница – это, скорее всего, Людмила Сергеевна Чусаева. Стало быть, мне надо в Москву, но без денег туда не добраться. Значит, надо искать жилье и работу. Без документов это не получится. Или теперь, в этом новом мире, возможно и такое?

Меня бьет озноб. Сквозь шум множества капель, сквозь зацикливания ветра слышу странное пение:

– Дрим-ба-ба, дирим-ба-ба! Дрим-ба-ба, дирим-ба-ба!  
«Это же дядя Гоша! Живой! – понимаю я, и сразу приходит еще одна мысль: – Черт, придется его домой вести». Словно бы

и не было этих четырнадцати лет. Словно бы я просто припозднился и возвращаюсь домой от Витька, а во дворе сидит и поет свою глупую песню дядя Гоша.

Дождевые капли у меня на лице смешиваются со слезами, и я вслух произношу, улыбаясь:

– Старый козел!

Про дядю Гошу, иначе говоря, Георгия Семеновича Дзюбу, надо сказать особо. В нашем районе этого одоногого старики выпивоху зовут Джоном Сильвером. Человек он примечательный, но странный. Глава всех дворовых старушек баба Лиля как-то сказала ему: «Эх, был бы ты, Георгий, хорошим мужиком, если бы не придурил твоя одесская».

Он и вправду из Одессы. Там родился, там вырос. Там и война его застала. На фронт дяде Гоше по возрасту было не положено, но фронт сам пришел к нему – Одесса оказалась в кольце немецких и румынских войск. Шестнадцатилетний пацан помогал строить линии обороны, подносил патроны, воду для охлаждения пулеметов. А когда в боях полегла половина защитников города, Жорка Дзюба взялся за винтовку.

– Ух и крошили мы гадов! – вспоминая, любил восклицать дядя Гоша, кровожадно потрясая кулаками. – А в первый свой десант я пошел, когда Чабанку брали...

Что такое «Чабанка» я не знаю, но после того, как наши войска оставили красавицу-Одессу, дядя Гоша ушел вместе с ними. Он на деле доказал, чего стоит и никто особо не спрашивал у чернявого парнишки о возрасте.

Самые тяжелые военные годы прошел дядя Гоша рядовым в морской пехоте. «Черная смерть» – этих парней так прозвали не для красного словца. Они несли смерть врагу и гибли сами – во множестве. Однако дядю Гошу безносая обошла стороной.

– Ни пули в меня не попало, ни осколочка! – кричал он, когда перебирал лишнего. – Вот какое дело: под Керчью наших ребят

полегло – вся рота! Какие люди были! А я целехонек. Вот она, судьба...

И запевал, дирижируя костылем:

– А волны и стонут, и плачут, и боятся о борт корабля...

Бригаду морской пехоты, в которой служил дядя Гоша, в начале сорок четвертого преобразовали в воздушно-десантную дивизию. Войну десантники закончили в Северной Германии, на знаменитом ракетном полигоне Пенемюнде. Там, уже после победы, в конце мая сорок пятого, он и потерял ногу. История эта нелепа и трагична, как, собственно, часто бывало на войне.

Дядя Гоша стоял в оцеплении на берегу Балтийского моря. Местные жители повадились ходить на полигон и собирать всякие железки, среди которых попадались узлы различных агрегатов и части приборов.

Дело в том, что немцы с помощью нескольких тонн тротила взорвали все стартовые площадки для своих ракет «Фау» и фрагменты оборудования были разбросаны на огромной территории.

В оцеплении стоять было скучно. Дядя Гоша решил побаловать себя чайком. Собрал плавника, запалил костерок, пристроил сверху котелок, уселся рядом и начал ждать, когда закипит вода.

– Повезло мне, братишки, стр-рашно! – в этом месте рассказа дядя Гоша обычно всегда жмурился и делал паузу, словно заново переживая тот взрыв, что вздыбил песок на морском берегу.

– Стой я на ногах – посекло бы осколками, на части бы разорвало. А так только контузило и ногу оторвало на хрен! Мина там была, вот какое дело. Немецкая мина, против десанта с моря. Саперы ее пропустили, а я, дурень, костер прямо на ней развел.

Провалившись полгода в госпитале, дядя Гоша был вчистую комиссован из армии. Тяжелая контузия и потеря ноги сдела-

ли его неспособным к физическому труду. На выбор старшине Дзюбе было предложено либо вернуться в родную Одессу, либо поселиться в любом другом городе Союза, кроме Москвы, Киева и Ленинграда. Он выбрал Казань.

– Не захотел я в красавицу-Одессу без ноги возвращаться, вот какое дело. А в Казани у меня корешок жил, Санька Мокров. Помер он в шестьдесят седьмом. Осколок в груди стронулся...

После войны работал дядя Гоша по многочисленным инвалидским артелям. Сам он ложки не лил и выключатели не собирал – гордость, по его словам, не позволяла. Числился дядя Гоша то счетоводом, то экспедитором, но именно что числился. Работали на этих хлебных местах оборотистые да ухватистые парни, а Джон Сильвер получал от них отступное; в месяц набегала приличная сумма. Эти деньги да еще неплохая пенсия по инвалидности позволяли ему безопасно жить, пить самому, поить всех окрестных алкашей да еще отсылать пятьдесят рублей ежемесячно сестре в Николаев.

Пьянство дяди Гоши носило перманентный характер. По крайней мере, я его трезвым видел только раз в году, на девятое мая. В этот день он надевал парадную форму со старшинскими погонами и, сверкая внушительным иконостасом на груди, отправлялся в Центральный парк культуры и отдыха, где собирались все ветераны города.

Орденов и медалей у дяди Гоши было великое множество. Три ордена Славы, три – Красной Звезды, Отечественная война, две медали «За отвагу» – и прочее, прочее...

– Три Славы – это как Герой Советского Союза! – хвастался он. – А три «звездочки» дают право на ношение личного оружие, вот какое дело. Но поскольку я человек гуляющий, то пошел в военкомат и сам отказался – мало ли что...

Нельзя сказать, чтобы дядя Гоша был вруном. Но трепаться он любил и делал это виртуозно. Каких только историй не наслушались мы от него! По версии дяди Гоши выходило, что

он не только защищал Одессу, но и Москву, Севастополь, Сталинград, а затем брал Киев, Минск, Варшаву, Будапешт, Вену и Берлин. На дорогах войны встречался он с маршалами Рокоссовским, Коневым, Жуковым и самим Сталиным. Если кто-то пытался уличить дядю Гошу во лжи, он начинал «психировать» – орал, махал костылем и шкандыбал к себе домой, чтобы вытащить на улицу и продемонстрировать маловеру одну из своих медалей, какую-нибудь «За освобождение Белграда». Сконфуженный оппонент умолкал и тогда дядя Гоша извлекал из-за пазухи бутылку портвейна «Три семерки» и миролюбиво говорил:

– От оно как! Давай помянем ребят, что под этим Белградом остались...

При своем питейном образе жизни стариком дядя Гоша не выглядел. Это был крепкий, краснорожий мужик с буденновскими усами, добряк и любимец всей окрестной детворы. От контузии он особо не страдал, но в ненастные, холодные, ветреные дни с ним творилось что-то странное. Усевшись в глубине двора на любимую скамейку под старой березой, он выкладывал на темную от времени доску свою искалеченную ногу и, привалившись спиной к стволу дерева, глядел в просвет между домами на проносящиеся по улице машины, а потом начинал громко петь на одной ноте:

– Драм-ба-ба и дрим-ба-ба, дрим-ба-ба, дирим-ба-ба!

Хлещет проливной дождь или ледяной мокрый снег – дяде Гоше все равно. Промокнув насеквоздь, замерзнув до полного окоченения, он продолжает свою жуткую песнь, ни на что не обращая внимание.

Обычно спасает его кто-нибудь из сердобольных дворовых старушек. Отведенный домой, дядя Гоша ложится на кровать лицом вниз и засыпает. Все считают, что эти пугающие приступы – результат контузии, но медицина в лице доктора Ахметова, живущего в третьем подъезде, оказывается бессильна.

– Следить за ним надо, – говорит доктор. – Иначе однажды он схватит воспаление легких или просто замерзнет насмерть...

Сегодня как раз такой случай. И спасать дядю Гошу приходится мне. Я подхожу, беру его под мышки.

– Вставай, дядя Гоша! Вставай, пошли домой!

– Дрим-ба-ба... – не слыша меня, бубнит он. Мокрый плащ дяди Гоши блестит в свете фонарей, как лакированный.

– Да вставай ты! Ну!

Кое-как мне удается поднять его на ноги. Едва ли не волоком я ташу дядю Гошу к подъезду. Он живет через подъезд от нас, на втором этаже в однокомнатной холостяцкой берлоге. По мере того, как мы мимо качелей, песочницы с грибком и стоек для сушки белья приближаемся к дому, «дрим-ба-ба» становится все тише и тише – дядя Гоша «отходит».

В подъезде он уже уверенно переступает ногами, опирается на костьль, но в глазах его все еще плещется ночная морочная муть. Медленно поднимаемся по ступенькам. От него пахнет табаком, водкой и почему-то йодом. Вот и обшарпанная дверь дяди Гошиной квартиры. Он самостоятельно достает ключи, долго не может попасть в замочную скважину.

В прихожей под серым потолком горит лампочка без абажура. У дяди Гоши за эти годы ничего не изменилось. Я сдираю с него плащ, ташу его в комнату. Из мебели там имеется только старый венский стул, железная кровать и огромный комод, служащий одновременно и вместилищем немногочисленных вещей, и столом. Еще в углу светится шкалой настройки приемника магниторадиола «Романтика-М». Дядя Гоша очень любит музыку.

– Ну, все, приплыли, – сообщаю я хозяину квартиры, подводя его к кровати. – Отбой, дядя Гоша.

– Аха... – кивает он, опирается мокрой рукой в спинку кровати и исподлобья смотрит на меня тяжелым взглядом. Дядя Гоша сильно постарел, стал совсем седой, на лице прибавилось морщин.

– Ложись, дядя Гоша, – тороплю я его. – Ложись, спи...

– Темка, ты что ль? – только сейчас узнает он меня и тут же добавляет: – Предмет нашел?

– Какой предмет? Почему – предмет? – удивляюсь я.

– Глаза у тебя разные стали, – усмехается дядя Гоша и опускается на кровать. Панцирная сетка скрипит под тяжестью его тела. Я пожимаю плечами:

– Ну, стали. А при чем тут какой-то предмет?

– Не какой-то, а серебряный! – со значением заявляет дядя Гоша и неожиданно спрашивает: – Выпить хошь?

Я неопределенно пожимаю плечами, хотя в желудке сразу возникает сосущая пустота. Грамм сто мне сейчас действительно не помешало бы – и согреться, и нервы успокоить.

– Давай, давай, – бормочет дядя Гоша и лезет куда-то за кровать. Оттуда он извлекает початую бутылку водки «Московская», закупоренную ириской «Кис-кис». – О, и закусь нашлась!

Стакан обнаруживается в кармане засаленного пиджака Джона Сильвера. Это боевой, заслуженный складной стаканчик, купленный дядей Гошей давным-давно в охотниччьем магазине. Профессиональным жестом – со щелчком – разложив его, дядя Гоша наливает водку и протягивает мне.

– На, прими, а то молотит тебя, аж глядеть страшно!

Я сажусь на стул, пью, занюхиваю рукавом и прислушиваюсь к ощущениям. Вроде пошла не колом, все нормально.

– Ты где был-то? – интересуется дядя Гоша.

Я не знаю, что отвечать. Правду сказать я не могу, а врать не хочется.

– В плену, что ли?

«Ай да дядя Гоша, ай да старый козел! Как в масть подскзал!», – я усмехаюсь:

– Ну да, в плену.

– У американцев, что ли?

– У них.

– Молодцом выглядишь.

– Медицина там хорошая. Налей еще, дядя Гоша.

Выпив водку, возвращаю тару.

– И я, грешный, подлечусь, – обрадовано сообщает мне дядя Гоша, щедро набулькав себе полный стаканчик. – Ну, твое здоровье и чтоб дома не журились!

Отставив опустевшую бутылку, он закуривает. Раньше дядя Гоша курил только термоядерные папиросы «Любительские» нашей, казанской табачной фабрики. Теперь у него сигареты с фильтром под названием «Монте-Карло».

– Будешь?

– Не, спасибо, – я отказываюсь.

– Матерь-то твоя, вот какое дело, в Москву уехала.

– Я знаю.

Водочное тепло разливается по всему телу. Хочется закрыть глаза, молчать и не думать ни о чем. Но дядя Гоша тишины не выносит. «Вмажем и спать ляжем» – это не его девиз. Устроившись на кровати поудобнее, он говорит, словно бы продолжая давний разговор:

– Вот какое дело про глаза-то разные. В сорок четвертом году это было, осенью. Наша пятая гвардейская воздушно-десантная дивизия воевала под венгерским городом Мадоча. Мадьяры тогда на нас сто двадцать танков бросили, да... Ну, и мы им дали, чертям рыжим, хотя ребятушек полегло наших – ух... В общем, побили мадьяр. Война к концу катилась, это все понимали. После боев три дня отдыха нам дали, вот какое дело. Валяемся на берегу озера Балатон, пузы греем. Вдруг приказ – наш батальон перебрасывают в Румынию, причем, чтоб ты понял, в обстановке полной секретности. А Румыния – то уже наша! Непонятно, да... Ну, дело военное: приказали – и пошел. Прилетаем на аэродром в городе Брашов. Нас встречают подполковник-танкист, Шибанов его фамилия, и майор-

НКВДшник, уже и не помню, как его... Мы сразу смекнули, по замашкам и словечкам всяkim, что Шибанов такой же танкист, как мы – балерины.

– А кто же он? – лениво спрашиваю я. Рассказ дяди Гоши не то чтобы заинтересовал меня – я подобных историй от него слышал вагон и маленькую тележку – просто надоело сидеть молчком.

– СМЕРШевец. Военная контрразведка, о как! Они знаки отличия разных родов войск носили.

– Почему?

Дядя Гоша с сожалением смотрит на меня.

– Вроде умный ты парень, в университете учился, на войне вона был, а – дурак, вот какое дело. Для того, чтобы секретность соблюсти, для чего же еще? В общем, показывает этот Шибанов комбату нашему, капитану Кречету, хороший был мужик, в Чехословакии после погиб, да... Показывает он, значит, документы и ставит боевую задачу – выдвинуться в район замка Бран и взять под контроль какие-то развалины. Причем, чтоб ты понял – майор-НКВДешник рядом вьется и они с Шибановым друг на дружку волками глядят. Мы смекаем – вроде как по одни грибы эти двое идут, только из разных деревень.

– А НКВД и СМЕРШ – разные организации? – уточняю я.

– Как милиция и КГБ, – приводит современную аналогию дядя Гоша. Он доволен – раз слушатель задает вопросы, значит история «пошла». Я знаю – его уже не остановить. Братья Стругацкие извиняются и подвинутся перед буйством фантазии нашего Джона Сильвера.

– ...На «Студерах» едем в замок Бран. Там какой-то румынский герцог то ли граф жил раньше. Зверь, говорят, был, вот какое дело. Чуть что не по его – сразу на кол сажал. Колев я не видел, а замок ничего, основательный, да. И природа вокруг – закачаешься, Артемка! Горы, скалы, леса... А воздух! Курорт! В общем, лезем мы в эти самые горы, что твои горные

стрелки. Шибанов нас по компасу и карте ведет, а НКВДшник приметы подсказывает, точно он тут был уже. Вечереет, ага. Выбираемся к ущелью. На склоне горы, на уступчике таком, развалины. Натуральная, понимаешь, руина. То ли крепость там стояла, то ли монастырь. Ну, теперь-то все мхом да плющом заросло, вот какое дело. Комбат Кречет приказывает занять оборону. Вторая и третья роты вниз спускаются, ущелье блокировать, а мы скакем по камням, как козюли. И главное, непонятно, от кого обороныться? Фронт далеко на запад ушел, румыны на нашу сторону перекинулись. А тут еще ветер начался, дождик пошел.

И тут же, без перехода, дядя Гоша произносит:

– Эх-ма, усугубить, что ли? Где-то у меня было...

Он стремительно вскакивает с места, кидает под мышку костыль и устремляется в ванную комнату. Я слышу жестянной грохот, невнятную ругань. Возвращается дядя Гоша с торжествующим лицом. В свободной руке его зажата бутылка-чебурашка с незнакомой мне этикеткой «Алиот».

– Во, нашел! Заначка.

Я смеюсь.

– У тебя, дядя Гоша, этих заначек по всей хате натыкано, неbosь.

– Есть такое дело, – весело соглашается он, зубами скусывая блестящую крышечку из фольги. – Ну, будешь?

– Буду, – решительно трясу головой, а про себя думаю: «Чего уж там. После всех приключений мне уже все по барабану».

Мы выпиваем. «Алиот» оказывается жутким пойлом, напоминающим разбавленную водку, в которой прополоскали ломтик лимона. Я беру из мятоей пачки «Монте-Карло» сигарету, прикуриваю.

– Во-от, – многозначительно говорит дядя Гоша. – Курево на фронте – всему голова. Солдат без пайка, на подножном корме, неделю может воевать. А без курева – шабаш, вот какое дело.

– Чего там дальше-то было? – интересуюсь я, выпуская струю сизого дыма.

– Дальше... Дальше, Артемка, пошла потеха. Ворчать народ начал – что за придури у командования, боевую часть в тылу на мокрых камнях гнобить без толку? И тут разведка, что на гору ходила, докладывает: парашюты! Не то тридцать, не то тридцать пять штук, вот какое дело. Немцы! То ли диверсанты, то ли спецгруппа какая. Они к концу войны большие мастера стали на такие штуки. Муссолини из-под ареста вывезли, сына венгерского правителя, адмирала Хорти, выкрали, в ковер закатав. Прямо из дворца! От гвардейцев, что дворец охраняли, только перья полетели. Был у Гитлера специалист, Отто Скорzeni. Вот он эти дела и проворачивал. В общем, боевая тревога у нас, вот какое дело. Сидим, в темноту плялимся, автоматы наготове. А Шибанов и НКВДшник по развалинам ползают, как муравьи, ищут чего-то. Искали-искали – и вроде не нашли. Холостой выстрел. Погода была, я говорил уже – вот как сейчас. Дождь, холодно, ветер. Мы оборону держим, двойную, чтобы мышь не проскочила, вот какое дело. Немцы с горы нас щупают, мы огрызаемся. То тут, то там вдруг – стрельба, ракеты осветительные, трассеры в ночь улетают, вжик-вжик. Красиво, но холодно.

Кречет у Шибанова и майора из НКВД спрашивает – мол, сколько еще сидеть, чего мы ждем, товарищи офицеры? Дайте отмашку и мои молодцы фрицев в мелкий винегрет покрошат. А Шибанов злой стал, как черт. Орет, руками машет. Сколько, говорит, надо, столько и будете сидеть, капитан. Держите оборону, говорит, и никаких гвоздей! Кречет тоже психанул, оттянул всех по матери и ко мне. Мой пост на скале был, прямо над развалинами. Комбат мне пулемет дегтяревский выделил и приказал:

– Смотри, Георгий, ты у нас последний рубеж. Без нужды не высовывайся, потому как ты – козырный туз. Понял?

– Так точно, понял, – отвечаю.

А чего тут не понять? Лежу, накрывшись плащ-палаткой, промок весь. А внизу, между скал, под брезентовым навесом подполковник этот, Шибанов, планшетку на коленке пристроил и строчит чего-то, фонариком потайным себе подсвечивая. Майор, НКВДшник, рядом, тушенку из банки жрет. Пожрал он, значит, банку выкинул и покурить решил. Чиркнул спичкой, Шибанов на него глянул и засмеялся. Тихо, но так, что мороз меня продрал от того смеха, вот какое дело.

– Что, товарищ майор, нашли все-таки предмет? – спрашивает Шибанов.

Майор в ответ – какой такой предмет? Ничего, мол, я не находил. А Шибанов ему: тщательнее надо с документами работать. Прокололись вы, дорогой товарищ. На глазах прокололись. У всех, кто предметами владеет, глаза цвет меняют, разными становятся, вы этого не знаете, а я знаю. Майор в ответ зашипел чего-то, ровно змеюка. Мне слышно плохо, но я лежу, не шевелюсь. Думаю – заметит меня Шибанов и все, хана героическому бойцу Советской армии сержанту Дзюбе. Почему-то именно Шибанова я опасался, вот какое дело. А он как раз и говорит:

– Вы, товарищ майор, правильно сделали, что предмет нашли. Сейчас вы его мне отдадите...

Майор ему:

– С чего бы это? Приказывать мне вы не имеете права, я вам не подчиняюсь. У меня свое начальство имеется.

– Отдадите, отдадите, – смеется Шибанов. И вдруг как гаркнет: – В глаза смотреть!

Чего промеж них там дальше было, я не знаю. Заплохело мне, вот какое дело. Фрицы в этот момент как раз на наших навалились всерьез, бой начался. У них автоматы были новые, штурмгеверы, вот какое дело. Лупят они, что твой пулемет «Максим». В общем, рвутся немцы к развалинам, а я, вместо того, чтобы

ребят, что внизу засели, огнем поддержать, лежу, точно пьяный. Все вижу, все слышу, а ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Шибанов майору говорит тем временем:

– Вы спите. Я считаю. Раз. Два. Три. Четыре. Повторяйте за мной: драм-ба-ба, дрим-ба-ба, дрим-ба-ба, дирим-ба-ба.

Что, думаю, за хрень несет товарищ подполковник? И понимаю – вот ей-богу, Артемка, не вру! – что и сам я шепотом эти дурацкие и страшные слова говорю. Не хочу – а говорю! И майор говорит. А Шибанов свое гнет:

– Вы крепко спите. Вы слышите меня?

Майор, как из могилы, отвечает:

– Да-а...

И я то же самое шепчу.

– Когда вы проснетесь, вы ничего не будете помнить.

– Да-а...

– Вы готовы выполнить мою просьбу?

– Да-а...

– Отдайте мне предмет, который вы нашли в развалинах!

И чувствую я, Артемка, что моя рука против воли тянется к карману гимнастерки, понимаешь? Тяну я руку и вижу – майор внизу то же самое делает! Только у меня-то в кармане трофейная зажигалка, а у майора фигурка серебряная, какая – я не разглядел. Вынимает он ее и отдает Шибанову. А я зажигалку протягиваю в пустоту. Майор пальцы разжимает – и я. Шибанов фигурку берет, а зажигалка летит и бьется о камни. Тут он меня и заметил… Ну, по последней?

Дядя Гоша прерывает свой рассказ и берется за чебурашку. Я сижу не жив, ни мертв. Придумать такое Джон Сильвер не мог. Вот если бы в его рассказе на скалы высадилась немецкая дивизия и он героически уничтожил ее командира – это да, это, что называется, в стиле. А про фигурки и СМЕРШевца-гипнотизера – слишком для дяди Гоши сложно. Получается, что его рассказ – правда. Что отсюда следует?

Я пью «Алиот» как воду. Хмель, разлившийся по телу, исчезает. Нефедов не врал! На свете существует по крайней мере несколько подобных фигурок и ими уже в годы войны интересовались спецслужбы. Вспоминаю фразу профессора про загадочных «них», которые «знают» и вышли на мой след. Это «они» хотели убить меня тогда в госпитале. Становится понятно, почему Чусаев никогда не вынимал коня из шкатулки, выстеленной мехом соболя. Хриплым голосом спрашиваю:

– А потом что было?

– Что? Потом? – дядя Гоша недоуменно оглядывается. Пожалуй, выпитая водка «прибила» его. – Пото-о-ом... Эх, Артемка... Много чего было потом... Нас на юг перебросили, Белград брать... И на север, на Венское направление... И на Берлин! Потом Победа. Салют. Спирт мы пили с маршалом Коневым...

– Нет, я про Шибанова этого.

– Цыкнул на меня Шибанов – я и очнулся, – включается дядя Гоша. – Гляжу – мать честная, немцы уже к самой моей скале подходят, вот какое дело. Ну, я и ввалил из «Дегтярева». Да еще вторая рота из ущелья подошла. В общем, дали мы им прикурить. Ушли они и мертвяков своих унесли. Ушли с концами. Не сдюжили. А Шибанов в меня стрелял, да. Из браунинга своего стрелял. Не попал только. Он думал, что я не вижу, но я выстрел услыхал, вот какое дело. Пуля прямо возле башки моей в скалу ударила. Ну, а утром он улетел вместе с майором. Тот и вправду ни хрена не помнил – про предмет. Вот с тех пор, как только непогодь да ветер, давит меня шибановское колдовство и пою я треклятую ту дримбабу, мать ее нехорошо. Ох, Артемка, что-то я нагрузился... Спать мне надо, спать...

Последние слова дядя Гоша выборматывает, вытягиваясь на кровати. Я тормошу его:

– Дядя Гоша, я у тебя заночую?

– Аха, – через силу шепчет он. – Раскладушка тама, в темнушке...

## ГЛАВА СЛЕДУЮЩАЯ

### Беспрогрышная лотерея

В телефонной будке выбиты все стекла. Холодно. Я достаю металлический жетон – теперь «двшушки» не в ходу, звонить можно только по жетонам. Держа перед глазами сорванное со столба у остановки объявление, набираю номер.

– Алло? Здравствуйте, меня зовут Артем Новиков. Я по поводу работы...

Сердитый женский голос бьется в трубке:

– Штат сотрудников уже набран. До свидания.

И короткие гудки.

Черт! Еще один жетон потрачен впустую. Деньги на них мне выдал дядя Гоша. Несколько странных разноцветных бумажек, похожих на фантики. Больше всего меня убивает двуглавый орел вместо герба. Точнее, он и есть теперь новый герб новой России. Плохо это или хорошо – я не знаю. Я вообще ничего не знаю. Младенец – и тот лучше ориентируется в этом мире. Лучше, потому что он здесь хотя бы родился.

Пошел третий день, как я живу у дяди Гоши. Все это время я ищу работу и старых друзей-приятелей, которые смогли бы помочь. Легенду для себя я придумал с подачи все того же дяди Гоши: мол, попал в плен, содержался в высокогорном лагере в Пакистане. Вместе с другими пленными работал на строительстве дороги, пытался бежать, был посажен в одиночку, простудился, заболел, потом международный Красный Крест добился моего освобождения. Меня перевезли в Индию, где я жил несколько лет, а уж оттуда я попал в Россию. Документов, естественно, нет. Помогите, люди добрые, заработать на хлеб на-

сущный. А чтобы не возникало вопросов по моей внешности, я перестал бриться. Говорят, борода старит. Посмотрим.

Понятно, что из всех швов моей истории торчали белые нитки, но ничего другого я сочинить не сумел. Голова пухнет от впечатлений, новой информации, передач радио, газетных статей, рассказов дяди Гоши. Кроме того, я вновь ощущаю зов коня. Властный, выворачивающий душу зов, понуждающий меня бросить все и чуть ли не пешком идти к далекому и загадочному пику Хан-Тенгри.

Я сопротивляюсь. Борюсь с властью коня, как могу. Хан-Тенгри ждал сотни лет – подождет еще. Прежде всего мне нужно увидеть маму. А для этого необходимы деньги, проклятые разноцветные фантики с двуглавым орлом.

Есть, совершенно точно есть человек, который мне поможет. Но именно к нему я идти не хочу. Не хочу, потому что элементарно боюсь. Человек этот – мой тренер по стрельбе Маратыч. Он разоблачит нелепую легенду про плен и международные организации в два счета. Правду же я рассказать не могу. Значит, пока Маратыч ничего обо мне знать не должен. И ребята из нашей команды – тоже. Даже Витек.

Витек, Витек, верный мой приятель. Верный ли? Нефедов утверждал, что Витек за деньги рассказывал профессору про меня. Делился информацией, как сейчас говорят. А может быть, Нефедов просто соврал? Как-то не вяжется у меня одно с другим: деньги и Витек, веселый раздолбай с веснушками на носу. Вот он-то наверняка сумел бы что-то придумать. При условии, что никуда не уехал, жив-здоров и все такое. Сколько ему сейчас? Тридцать три?

И мне было бы столько же, не попади я в ловушку хроноспазма. Хотя кому я вру? Все началось гораздо раньше, в тот злополучный день, когда в купе поезда «Москва-Казань» я открыл шкатулку и вытащил на свет божий серебряного коня...

Три дня я живу у дяди Гоши. Три дня ищу работу и осваиваюсь в этом новом мире. Жадно слушаю радио, ловлю обрывки разговоров на улицах.

Народ активно занимается бизнесом. Я всегда думал, что если купить в одном месте товар за сто рублей, а в другом продать за двести – это спекуляция. Нет, оказывается – бизнес. Торгуют все. Улицы обсажены ларьками, как пеньки опятами. Поэтому и на работу требуются в основном продавцы, бухгалтеры, операторы каких-то ПК и менеджеры. Кто такие эти самые операторы и менеджеры, я тоже пока не разобрался. Но это явно не я.

Ни продавцом, ни бухгалтером устроиться не могу – нет документов. Да, собственно, никем не могу. Везде спрашивают паспорт. И еще обращают внимание на одежду. В старом дядигошином пальто, шапочке, подаренной еще дедом Чагой и махандских сапогах я действительно выгляжу подозрительно. Надежда найти работу тает с каждым днем. Что ж мне, ночью выходить на большую дорогу с кинжалом князя Атхи? Собственно, это тоже бессмысленно – теперь по ночам на улицах ни души.

Жизнь у дяди Гоши меня утомляет. К старику постоянно ходят всевозможные мятые личности, невеселая попойка идет и днем, и ночью. Я все время хочу есть. Даже не есть, а жрать. Мне снится мясо, жареное, вареное, тушеное... И пельмени. И пирожки. Запеченная в духовке курица, покрытая золотистой корочкой. Салат «Оливье». Котлеты. Голубцы. Селедка, заправленная растительным маслом и украшенная кружочками лука. Торт «Наполеон». Мама всегда пекла его на Новый год, по бабушкиному рецепту, пекла заранее и на сутки ставила в холодильник – чтобы коржи пропитались кремом.

Новый год уже совсем скоро, через пару недель. Боюсь, не то чтобы «Наполеон», а и пирожное «картошка» мне попробовать не удастся. С едой у дяди Гоши туга. Точнее, ее тут вовсе не водится. Дядя Гоша и его друзья питаются закуской и водкой. Сыр, колбаса, вареные яйца, луковица, консервы – по местным меркам такой набор продуктов равнозначен царскому застолью. Обычно же в ходу запивка – вода из-под крана и черствый хлеб.

Все дни похожи один на другой и заканчиваются одинаково – далеко за полночь принявший свою суточную дозу дядя Гоша начинает «рычать» на субъильников. Те огрызаются. Не знаю, как эти ситуации разруливались до моего появления. Теперь все просто – я выхожу из своего чулана, беру особо буйного гостя за шиворот и отправляю в подъезд. Остальные обычно уходят сами.

За эти бессмысленные дни у меня было несколько видений из жизни Темуджина, но я плохо их запомнил. Какие-то бесконечные стычки, разборки с дальными и близкими родственниками, ссоры с Джамухой, потом и вовсе война с ним. В память врезалась сцена казни пленных после одной из битв – их заживо сварили в семидесяти котлах. Ну, и конечно, момент, когда Темуджина объявили царем царей, Чингисханом, подняв его на белом войлоке над восторженно ревущими нукерами.

Такая жизнь мне уже осточертела. Надо найти другое жилье. Надо найти работу. Надо что-то менять. Надо!

Но как?

...Очередное промозглое зимнее утро. Еду в центр, брожу по улицам, заходя подряд во все конторы, фирмы, магазины.

– Работник не нужен? Могу грузчиком, могу мебель передвинуть, починить чего-нибудь – трубы, проводку...

Обычно меня просто вежливо выпроваживают на улицу. Иногда гонят с использованием того, что в газетах называют

«непарламентской лексикой». А бывает, что и просто не пускают. Теперь во многих организациях на входе сидит охрана.

Надергав по дороге бумажных ленточек с объявлений, где-то к обеду забираюсь в телефонную будку и начинаю обзвон. Сегодня мне везет – договариваюсь о встрече в некой фирме, занимающейся ритейлингом. Что такое этот самый ритейлинг, я не знаю, да, собственно, и какая разница – я готов к любой работе.

Фирма расположена в Кировском районе, за дамбой. Меня встречает девушка с множеством заколок в тугих, темных волосах. У нее приветливая внешность, на лице дежурная улыбка. Разговор длится недолго – оказывается, их фирма владеет сетью из трех магазинов по продаже стройматериалов, вот и весь ритейлинг. Эти самые материалы нужно разгружать. Обычно разгрузкой занимается летучая бригада из четырех человек, выезжающая в тот магазин, куда прибывает фура с товаром, но пару дней назад один из грузчиков заболел. Я буду его заменять. Оплата ежедневная, расчет по окончанию работы. Приступать надо завтра утром.

Все просто и понятно. Согласен ли я? Конечно, согласен! Беру у девушки контактный телефон, мы прощаемся.

На улице метет. Впереди остановка. Подъезжает троллейбус. Номера я не вижу, но он едет в нужную мне сторону. Подбегаю, успеваю заскочить в переднюю дверь. Троллейбус, лязгая дверьми, трогается.

Народу в салоне битком. Меня то и дело хлопают по плечу, просят передать водителю деньги на билеты. Передаю. После десятой или двенадцатой просьбы пытаюсь втиснуться в глубину салона – мне надоело торчать возле кабины и быть перегаточным звеном.

Пассажиры стоят стеной. Кто-то опять дергает за рукав. Женский голос:

– Мужчина, передайте, пожалуйста...

Поворачиваюсь – Надя.

В серой кроличьей шубке, в шапочке с люрексом. Взрослая. Уже не тоненькая девушка – женщина. На лице – усталость, вокруг глаз – морщинки. Сколько ей? Кажется, тридцать один. Вот так встреча.

Она не смотрит на меня, нетерпеливо сует сотенную купюру.

– Мужчина! Передайте!

Я улыбаюсь. Мой обросший длинной щетиной подбородок находится сантиметрах в пятнадцати от кончика ее носа. И тут же приходит страх. Сейчас она поднимет глаза и узнает... Узнает? Конечно! Хотя... Прошло четырнадцать лет. Она узнает – но вот вспомнит ли?

– Мужчина, я вам говорю!

Надя наконец-то отпускает мой рукав, смотрит, что за тормоз ей попался – не хочет передать деньги водителю. Я вижу ее глаза. Зрачки расширяются. Узнала? Похоже, нет. Но задумалась.

– Дочка, давай, я передам, – вылезает сбоку активная пожилая женщина в пуховом платке. У нее густые сросшиеся брови, на щеке бородавка. Надя машинально отдает ей сотню.

Я слышу, как бровастая «активистка» ворчит за моей спиной:

– Вечно от мужиков никакого толку. Залывают глаза с утра по раньше...

Надя смотрит на меня. Я замечаю, как на ее лице сменяется гамма чувств – от недоумения до раздражения. Надя силится понять – почему ей так знакомо лицо этого плохо одетого, давно не бритого парня? Дальше мучить ее будет слишком жестоко.

– Здравствуй, – говорю я тихо.

– З-з-здравствуйте... – запинаясь, произносит она в ответ. – Э-э-э... мы знакомы?

– Надя, это я, Артем.

Наверное, если бы в троллейбусе было попроще, она бы грохнулась в обморок. Но зажатая со всех сторон согражданами, Надя на ногах устояла. Несколько секунд она, побледнев, хлопает ресницами, пытаясь что-то сказать, потом всхлипывает, обнимает меня.

– Господи, Артем! Живо-о-ой...

Мы идем по заснеженной дорожке к бело-зеленой двенадцатиэтажке. Вокруг высится точно такие же. Вечереет, в окнах зажигается свет. Весь этот микрорайон построили как раз на кануне развала Советского Союза, и жить здесь считается, как объясняет мне Надя, престижно.

Она вообще много говорит, едва не захлебываясь словами, смеется, машет рукой в сиреневой рукавичке. А другой очень крепко держит меня за локоть, словно боится, что я исчезну, испарюсь, как призрак.

Мой рассказ о плена и скитаниях она выслушивает с чисто женским сочувствием. Мне стыдно – я обманываю женщину, которую когда-то любил. Нет, не любил, но был близок, хорошо относился и все такое... Мне стыдно, но этот стыд я обязан перенести. Так надо.

Время от времени задаю наводящие вопросы. Мне неловко идти к Наде домой – там муж, дети, но она еще в троллейбусе сказала: «Я тебя никуда не отпущу!».

Вот как раз о муже я и спрашиваю:

– Так что за счастливчик взял тебя в жены?

Она вздыхает, останавливается, наклоняет голову. Из-под выбившейся челки смотрит на меня. В глазах – слезы.

– Я тебя ждала, Артем. Долго. Пока твоя мама не уехала. Мы часто вечерами собирались у вас на кухне, фотографии смотрели, тетрадки твои школьные... А потом... В общем, тетя Валя перед отъездом сказала: «Не хорони ты себя, Наденька. Не вернется наш Артемка...»

По щеке Нади стекает слеза. Она вытирает ее рукавичкой.

– Но ты не думай, я не сразу. Только в восемьдесят восьмом, осенью. Свадьбу в «Акчарлаке» справляли.

– Так кто он?

– Он все время за мной ухаживал, – будто оправдываясь, чистит Надя. – Красиво ухаживал. Букеты, подарки, билеты в театр. Пожалела я его, Артем. А может, себя пожалела. Мне тогда уже двадцать шесть было. У ровесниц дети в школу пошли, а я все одна да одна...

– Имя ты так и не назовешь? – улыбаюсь я.

– Женя.

– Который Женя?

– Ну Женяка... Ты ж его знаешь.

– Погоди, так Женяка... Бикмуллин, что ли? Бики?! – я решительно высвобождаю локоть. – Он же издевался над тобой! Чуть в милицию из-за него не загремела!

– Он изменился!

– Такие не меняются.

– Не изменился, но он меня... Да я сама не знаю, Артем, что это было. Мы долго не общались, он разбогател, девчонок менял, как перчатки. Потом как-то встретил меня пьяный.. ехал откуда-то с водителем. Подвез до дома. Думала утромпротрезвеет – забудет, а он позвонил. Стал навещать, то се...

– То се...

– Несчастный он был какой-то. Вроде бы деньги есть, а счастья нет.

– И ты пожалела.

– Мне казалось, что... Ох, Артем. Все было так... сложно. Надо было что-то делать. Менять.

– Извини, Надя, но я к вам не пойду.

– Да нет, что ты! – она улыбается сквозь слезы. – Развелись мы. Летом официально оформили, а не живем года полтора уже, наверное.

И с горечью добавляет:

– Он теперь в Лондоне! С молодой женой! Фотомодель какая-то. Ноги от ушей. Но ты знаешь – я не жалею. Последние годы трудно было. У него – всегда работа, у меня – только дом да дети. Квартиру-то он мне купил, когда разъехались, а до этого мы в коттедже жили.

И резко меняя тему разговора, указывает рукой куда-то вверх:

– Во-он мои окна светятся, там, где занавески голубенькие.

– Погоди, а дома-то у тебя кто?

– Соседка. Хорошая женщина, добрая. Она сидит с моими, когда попрошу. У нас в саду карантин, ветрянка. Ну, вот наш подъезд. Лифт, правда, уже месяц не работает.

– Ничего, – усмехаюсь я, вспоминая наши с Нефедовым горные маршруты. – Я привычный...

– Папа, папа приехал! – звонко кричит мальчик лет четырех, выбегая из комнаты. У него круглая ушастая голова, поверх колготок надеты шортики.

– Нет, сынок, это не папа, – улыбается Надя.

Я слатываю – в горле встает комок. Черт, неужели и меня когда-нибудь будут встречать вот так – «папа, папа!»? Сажусь на корточки, проклиная свою нищету – даже конфетку ребенку не на что купить!

– Ну, как тебя зовут, мужчина?

– А-темка! – звонко выкрикивает мальчик.

Комок в горле перекрывает дыхание. Я на мгновение прикрываю глаза.

Надя назвала своего сына в мою честь...

Ужинаем. Надиной дочке Неле всего два года и мама кормит ее с ложечки. Артемка, конечно же, ест сам, основательно работая вилкой. Пьем чай, смотрим телевизор. Точнее, дети, как завороженные, следят за Хрюшой и Степашкой – передача

«Спокойной ночи, малыши!» уцелела – а мы с Надей тихонько разговариваем. Поговорить нам есть о чем. Вспоминаем общих знакомых, приятелей и приятельниц.

Уложив Нелю и Артема, Надя возвращается на кухню, достает бутылку импортного белого вермута. Я такой еще не пил, называется «Мартини».

– К Новому году купила, – Надя ставит на стол блюдце с нарезанным лимоном, фужеры.

Я разливаю.

– Ну, за встречу.

– За тебя, – говорит Надя и залпом выпивает вермут.

Делаю глоток. Вкусно.

– А ты совсем не изменился. Как будто и не было этих четырнадцати лет... – Надя щурится.

Я молчу. Она протягивает руку и гладит меня по щеке.

– Колючий... ты останешься?

Когда она задает этот вопрос, голос ее дрожит. Наверное, я не прав, но, выдержав паузу, я отвечаю:

– Да.

Утром еду на работу. Фура уже стоит у заднего крыльца магазина. Грузчики, трое очень похожих мужичков с интеллигентными бородками, курят в стороне. Подхожу, здороваясь.

– Ну, значит, все в сборе, – объявляет один из мужичков. – Все, коллеги, давайте приступать.

Фура забита коробками с итальянской кафельной плиткой. Разгружать ее надо осторожно, по одной коробке, чтобы не побить. Работа не тяжелая – бери, неси, ставь. Обращаю внимание, что трое грузчиков общаются со мной и между собой на хорошем русском литературном языке, без матюгов и жаргона.

Во время перекура выясняю: все они – бывшие сотрудники лаборатории математической логики и теории алгоритмов

одного очень секретного в советское время НИИ. Один мэнээс, второй – кандидат наук, третий тоже год назад защитил кандидатскую.

Спрашиваю:

– А что ж, институт ваш закрыли?

– Нет, молодой человек, номинально он функционирует, только вот работы у нас нет уже два года. А нет работы – нет и зарплаты.

– Неужели же другой работы, кроме как грузчиками, не нашлось?

– Теперь всякий труд почетен, – усмехается бригадир. – Лаборант у нас был, юноша один. Небесталанный, надо отметить. В девяносто первом открыл свое дело. А когда у нас стало совсем плохо, пригласил вот по старой памяти. Платят тут более-менее, особенно если работать каждые сутки. Жить-то на что-то надо!

Мой первый рабочий день заканчивается около четырех. Получаю деньги – целую тысячу рублей. Хотя это раньше тысяча была чем-то невероятным, запредельной суммой, за которую можно было купить холодильник, телевизор и еще что-нибудь. Теперь на тысячу рублей можно прожить день – два, особо не шикуя. Билет до Москвы в плацкарте стоит четыре тысячи.

– Завтра приходи, – говорит мне бригадир на прощание. – Еще одна фура придет.

Я прощаюсь с «коллегами», выхожу на улицу. Довольно морозно, с серого неба сыпет снежная крупка. Надо съездить к дяде Гоше, предупредить, что... Что я переезжаю к Наде? Нет, переезжаю – это слишком. Просто поживу у нее несколько дней, пока не заработаю на билет до Москвы. Надя предлагала вчера деньги, но я, конечно, не взял. Дожидаюсь трамвая. «Пятерка» приходит минут через двадцать, я успеваю здорово замерзнуть.

С передней площадки, оттуда, где находятся «места для пассажиров с детьми и инвалидов», доносится надтреснутый старческий голосок с характерным акцентом. Очень знакомый голосок.

– Ви слышали? Онэ таки всерьез думают, что во всем виноваты евреи! Конечно, так ведь проще.

Продвигаюсь по вагону, держась за холодный поручень. Ну, точно! На переднем сидении восседает, оживленно беседуя сразу с несколькими дамами сильно бальзаковского возраста, мой «жучок» Соломон Рувимович. Жив, курилка! И как будто бы ничуть не изменился – тот же нос, очки с толстенными стеклами, каракулевая шапка-пирожок.

Стую, наблюдаю, слушаю. Трамвай останавливается на Горького. «Жучок» поднимается, хромает к дверям. Выхожу следом. На улице вижу, что Соломон Рувимович все же постарел. Годы согнули его, в правой руке появилась палочка. Левая же сжимает неизменный портфель.

Обгоняю старика, останавливаюсь.

– Здравствуйте, Соломон Рувимович.

Он скользит по мне взглядом, втыкает палочку в сугроб, вешает на ручку портфель, достает необъятных размеров носовой платок, снимает очки, и подышав на стекла, вдруг произносит:

– Ви будете смэяться, Артем, но у меня сейчас эсть ваш Гиляровский. Да, да, тот самый, прижизнэнный, в очень хорошем состоянии.

Я действительно смеюсь. Узнал меня «жучок». И про Гиляровского помнит.

Водрузив очки на свой напоминающий баклажан нос, Соломон Рувимович растягивает толстые губы в улыбке:

– Конечно, сэйчас он вам ни к чэму.

Спрашиваю:

– А вы все там же, в «Доме Печати»?

– Ну что вы. Я уже давно на заслуженном отдыхе. Книги теперь никому не нужны. Все зарабатывают деньги.

Мы медленно идем по улице. Я предлагаю поднести портфель, Соломон Рувимович отказывается.

– Все свое ношу с собой. Сам.

И в обычной манере начинает говорить, словно бы продолжая прерванный диалог:

– Русский социализм, Артем, был попыткой избавиться от власти денег. Не получилось, да.

– Ну, сами-то вы и при социализме занимались бизнесом.

– Что ви, какой бизнэс! Я просто помогал страждущим. Конечно, я имел свой гешэфт, но разве я работал для денег? А теперь... Люди убивают друг друга ради богатства. Это плохо. Вот вы, молодой человэк, вам всего девятнадцать. Скажите старику – сколько стоит человеческая жизнь?

Я молчу. Он вздыхает.

– То-то и оно – жизнь бесцэнна. Ее нельзя измерить в долларах. Запомните, Артем – все еще вэрнется на круги своя. Русский социализм – это рэлигия. Да, да, именно рэлигия, со своими святыми и великомуучениками. Христианство тоже прошло чэрэз катакомбный период. Тэперь он наступил для социализма. А я, старый эврей, собираюсь в страну, откуда нет возврата.

И заметив мое замешательство, с улыбкой уточняет:

– Нэт, не на кладбище. Всего лишь в Израэль. Родственники настаивают. Но для меня это будет поездка в один конец – возраст, знаете ли. Вот мой дом. На прощание хочу пожэлать вам, молодой чэловек – не становитесь рабом денег. Прощайте.

– До свидания, Соломон Рувимович.

Он трясет головой, хромает к старому, давно не ремонтированному трехэтажному дому. Я некоторое время смотрю ему вслед, размышляя над словами старика. Наверное, он прав.

И вдруг вспоминаю: Соломон Рувимович сказал, что мне девятнадцать! А ведь последний раз мы с ним виделись четырнадцать лет назад. Что это? Оговорка? Или старик не так прост, как кажется?

Опять вопросы. И, боюсь, из категории безответных...

Иду по улице, сунув руки в карманы. Прохожих мало, только возле остановки у Парка культуры темнеет небольшая толпа. Подхожу ближе и вижу складной столик, разложенный прямо на снегу. На столике – пачки разноцветных бумажек, прозрачный барабан лототрона. Молодой, чуть старше меня, парень в пуховике, белозубо улыбаясь, хорошо поставленным голосом вещает:

– Беспрогрышная лотерея! Подходите, испытайте судьбу! Всего одна ставка в две с половиной тысячи – и вы можете выиграть пять тысяч, при этом своих денег не потеряете! Все легально и законно, имеется лицензия и сертификаты. Выигрыш идет в фонд помощи детям-сиротам. Двойная ставка выигрывает десять тысяч! Тройная – пятнадцать! Подходите, испытайте судьбу! Беспрогрышная лотерея! Ваши деньги останутся целы в любом случае!

У парня лицо сытой таксы, узкое и хитрое. Люди, что топчутся вокруг, явно заинтересованы. Тут есть и взрослые мужчины, и женщины, и студенты. Пенсионерка в коричневом пальто отходит в сторону, огляделась, достает потрепанный кошелек и украдкой пересчитывает наличность.

Напряжение нарастает. Парень за столиком расстегивает пуховик, вытаскивает закатанный в прозрачный пластик лист бумаги с печатями.

– Каждый желающий может удостовериться, что это не очередной лохотрон, а лицензированная в органах государственного управления беспрогрышная лотерея! Подходите, не стесняйтесь. Ваши деньги в любом случае останутся в целости и сохранности!

– Эх, была не была! – громко говорит заросший многодневной щетиной мужик в норковой шапке. – Ну-ка, сынок, как тут у вас играют?

– Все очень просто, – парень прямо лучится от счастья объяснять, как работает лотерея. – Вы делаете ставку и в зависимости от суммы получаете несколько карточек. Стоимость одной карточки – пятьсот рублей. Мы попросим кого-нибудь, ну, например, вот эту симпатичную девушку, покрутить барабан. Одна карточка – три шарика. Если на шариках выпадут те же номера, что и на ваших карточках, то вы выиграли и ваша сумма удваивается. Если нет – после первого розыгрыша ваши деньги возвращаются к вам. Ну, мужчина, вы готовы?

– Валай!

– Сколько ставите?

– Пятьсот!

– Итак, выбирайте карточку.

– Вот эту, – мужик берет со столика картонный прямоугольник. Народ вокруг взволнованно переговаривается.

– Итак, выбор сделан, – таксомордый манил к столику девушку с крашеными в рыжий цвет волосами. – Сударыня, вы не откажитесь нам помочь?

Та неуверенно кивает.

– Крутите барабан. Достаточно. Доставайте шарик. Что там у нас?

– Номер двенадцать, – пищит крашенная.

– Есть! – радостно потрясаet карточкой мужик.

– Следующий розыгрыш...

Барабан крутится, пластиковые шарики с костяным стуком перекатываются в нем.

– Номер четыре! – девушка показывает всем шарик с цифрой.

– Снова попал! – восторгается обладатель норковой шапки.

Парень в пуховике искренне радуется такому раскладу:

– Ну, и последний...

– Девять! – вошедшая во вкус девушка взвизгивает.

– Опять попал! – мужик растерянно трясет карточкой. – Я эта... Выиграл, что ли?

– Да, именно! – таксомордый вытаскивает из кармана бумажку в тысячу рублей. – Получите ваш выигрыш. Не хотите ли поставить еще?

– Ага! – мужик возвращает ему деньги. – Давай две.

Розыгрыш продолжается. Вскоре мужик в норковой шапке становится обладателем четырех тысяч рублей.

– Быть может, кто-то еще хочет испытать судьбу? – парень обводит толпу взглядом. Желающих находится трое – бабулька, что считала деньги в сторонке, студент в очках, с пятнистым от волнения лицом...

И я. Чего мне терять? Если первый раз не выиграю, просто заберу деньги и отправлюсь к дяде Гоше. А вдруг повезет? Мужик вон увеличил свой, как теперь говорят, капитал, в восемь раз! Если у меня вместо тысячи окажется восемь – считай, на билет и подарок маме я уже заработал.

Делаем ставки. Я беру на свою тысячу две карточки, студент – одну, старушка – три. Она со вздохом спрашивает у таксомордого:

– Сынок, а не обманете?

– Да что вы, женщина, – прижимает руки к груди парень, – вы же видели – все по-честному. Не выиграете – заберете деньги, и все.

Девица крутит барабан. Цифры на первом шарике осчастливливают студента. Потом четыре раза подряд радуется бабулька. Наконец, наступает праздник и на моей улице. Я полностью закрываю одну карточку. Ага, пятьсот рублей, считай, в кармане.

Розыгрыш продолжается. Стучат шарики, сдержанно гудят люди вокруг. Над голыми деревьями Парка Культуры пере-

кликаются вороны. Бабулька закрывает две карточки, студент – свою единственную. Он просит отдать деньги, потому что у него семинар. Таксомордый отрицательно качает головой – деньги выплачиваются только после окончания розыгрыша.

В барабане стучат шарики. Остался последний. Мне нужно закрыть одну цифру, бабульке – тоже. Крашенная сует руку в окошечко.

– Номер два!

Есть! Это мой номер! Я выиграл!

– Сынок, у меня два! – старушка показывает карточку. Я смотрю – точно, и у нее два. Ага, значит мы выиграли оба!

– Замечательно, – радуется вместе с нами таксомордый. – По правилам лотереи, если у двух игроков в финале выпали одинаковые номера, ставки удваиваются и происходит новый розыгрыш по «счастливой карте». Участники могут отказаться от дальнейшей игры. В этом случае они возвращают себе начальную ставку. Ваш выбор, господа?

– Ничего я не поняла, – бормочет старушка и поджимает сухие губы. – Сынок, я ж выиграла – али как?

– Двойная ставка, женщина! – наклонившись, громко говорит ей в ухо парень. – Если согласны – сможете выиграть шесть тысяч. Плюс ваши три из первого розыгрыша – будет девять.

– Девять! – ахает бабулька. – Батюшки! Это ж целая пенсия!

– Ставь, мать! Не думай – дело верное, – рычит за спиной старушки мужик в норковой шапке.

– Ну, а ты? – таксомордый смотрит на меня. Улыбка его слегка притухает, в глазах скука. – Участвуешь?

Поучаствовать я не против. Повезет – отгребу кучу денег безо всякого напряга. Нет – все равно останусь при своих. Беда в том, что удвоить ставку мне нечем. Я сообщаю об этом лотерейщику.

– Вы можете играть в долг, – великодушно разрешает он. – Ну, ваши ставки, господа и дамы?

Старушка лезет в кошелек, достает полторы тысячи.

– Сынок, ты уж не обмани только. Последние ведь деньги!

– Мадам, я же показывал вам лицензию! – таксомордый снова сияет улыбкой. – У нас все по-честному. Берите карточки. Нет, не эти, а вот эти, на двойную ставку. Девушка, прошу вас!

Ф-р-р-р! – барабан завертелся, застучали шарики. Я кручу выданную карточку в руках, слышу за спиной тихие голоса зрителей:

– Бабка выиграет. Старики везет.

– Не, бородатый.

– Да никто не выиграет. Снимут с этих лохов капусту – и привет. Это ж разводило.

– Ну, так предупредили бы, если вы такой умный.

– У меня че, здоровье лишнее? В Казани все лохотронщики под Галимым. А у него разговор короткий – или спицу в печень или молотком по затылку в подъезде.

Мне не нравятся эти разговоры. «Лохотронщики», какой-то «Галимый», «спицу в печень». Но раздумывать некогда – девица достает очередной шарик.

– Первый номер финального розыгрыша... – звенит голос таксомордого. – Девушка!

– Восемь! – отзывается та, показывая всем шарик.

У меня на карточке такого номера нет. У бабульки тоже. Ладно, еще не вечер...

Следующий шарик. Ура, у меня совпало! Девица крутит барабан. И снова совпадение номеров. Я в одном шаге от выигрыша. Подсчитываю в уме прибыль. Да, ничего не скажешь, удачно я набрел на эту лотерею.

Старушка достает платочек, промакивает рот. Два очередных шарика – ее. Нам остается закрыть по одному номеру.

– Итак, последний шар! – цирковым голосом орет таксомордый. – И это...

Барабан вращается, крашеная сует руку в его прозрачные непра.

– Номер тринадцать!

Тьфу ты! Мимо. Смотрю в карточку старушки. И у нее мимо!

– Увы, господа, – парень забирает у нас карточки. – Сегодня вам не повезло. Женщина, вы нам ничего не должны, а с вас, молодой человек, тысяча рублей – вы ведь удваивали ставку в долг. Прошу расплатиться.

– Погоди, – я в упор смотрю на него. – Ты же говорил, что лотерея беспроигрышная.

– Совершенно верно, – он опять скучнеет. – Но вы невнимательно слушали условия. Возвращается только ставка после первого розыгрыша. А вы продолжили игру....

Бабулька тянет к нему морщинистую, синюю от холода руку.

– Сынок, а деньги мои?

– Женщина, ваши деньги пойдут в фонд помощи детям-сиротам. Впрочем, если у вас есть средства на новую ставку, вы можете отыграться.

– У меня сто сорок рублей, – она кривит лицо, показывает парню развязленный кошелек. – Хватит?

– Увы, женщина, этого не достаточно, – чеканит таксомордый. – Проходите, сейчас начнется новый розыгрыш.

И вытянув шею, кричит:

– Беспроигрышная лотерея! Подходите, испытайте судьбу! Всего одна ставка в две с половиной тысячи – и вы можете выиграть пять тысяч, при этом своих денег не потеряете! Все легально и законно, имеется лицензия и сертификаты. Выигрыш идет в фонд помощи детям-сиротам.

На меня он не смотрит. Старушка плачет, убирая кошелек в сумку. Я не знаю, что делать. Броде бы все правильно, все честно. Но в душе возникает стойкое ощущение – меня только что обманули. Обвели вокруг пальца. Или, пользуясь современ-

ным языком, развели как лоха. И меня, и эту несчастную старушку.

– Слыши, ты, деятель, – я толкаю таксомордого в плечо. – Деньги нам верни – и ори дальше.

– Тыщу гони, – быстро, полушепотом, бросает парень и снова заводит свою шарманку. – Беспрогрызная лотерея! Подходите, испытайте судьбу!

– Оглох?! – я опять толкаю его. – Деньги верни!

– Эй, разберись, – кивает кому-то таксомордый. – И долг стряслите.

Неожиданно я понимаю, что кто-то дышит на меня перегаром. Выхлоп такой – аж глаза режет. Поворачиваю голову – это везучий мужик в норковой шапке. Лицо его перекошено, глаза сужены.

– Ты че, козел? – сквозь сжатые зубы шипит он. – Припух?

С другой стороны ко мне прижимается крепкий парень ввязанной шапочке, почти такой же, как у меня. Сильные пальцы сжимают локоть.

– Айда-ка отойдем, побазарить надо, – гудит он басом.

В отличие от щетинистого мужика, этот – явно бывалый уличный боец. Во рту не хватает зубов, сплющенный нос свернут на сторону.

– Сынок, – продолжая плакать, машет мне платком старушка. – Отдай ты им. Все равно отберут да побьют еще. Ох, дура я старая, куда полезла... Говорила же мне Софья...

Она, залившись слезами, начинает пробираться через толпу прочь от столика, за которым уже началась новая игра.

И тут я словно просыпаюсь. Все становится ясным и понятным.

– Побазарить? – весело спрашиваю у беззубого. – Ну, отчего ж не побазарить с хорошим человеком. Сейчас, только долг отдам...

Я бью ногой по легкому столику. Бью со всей силы. Таксомордый отшатывается. Крашеная девица, которая, похоже, тоже из

этой банды, отчаянно визжит. Барабан, карточки – все взмывает в воздух. Толпа моментально рассасывается – люди, взрослые сильные мужчины, разбегаются, толкая друг друга. Им страшно.

Но я не смотрю на них. У меня другие дела. Беззубый получает кулаком в живот, щетинистый – локтем в челюсть. Один загибается, второй воет, держась за лицо. Локтем в челюсть – это больно. Впрочем, кулаком под вздох – тоже.

На вытоптанном в снегу пятаке валяется столик, поодаль лежит расколотый барабан, шарики; цветными пятнами на севром выделяются рассыпавшиеся карточки. Таксомордый и девица смотрят на меня, как на какую-то диковинку, заморское чудо.

– Ты что, больной? – безо всякого страха спрашивает парень.  
– Жить надоело? Ты хоть знаешь, кто нас сюда поставил? Тебя же в асфальт закатают, понял?

– Не понял, – теперь уже я лучезарно улыбаюсь ему в лицо – и бью ребром ладони по шее пытающегося выпрямиться беззубого. Тот кулем валится на снег. Щетинистый боком отковыливает в сторону, что-то лопочет.

– Деньги верни – и инцидент будем считать исчерпанным, – говорю я таксомордому. Он пожимает плечами, лезет в карман. Девица что-то шепчет ему, бросая на меня злые взгляды.

Спохватываюсь – а бабулька-то где? Верчу головой – и замечая ее метрах в двадцати, бредущей по скользкому тротуару. Лотерейщик тем временем достает довольно приличную пачку денег, начинает отсчитывать купюры. Шагаю к нему, вырываю всю пачку.

– Вы еще нашаманите.  
– А вот это уже беспредел! – он таращит на меня белесые глазки. – Ты кто такой? Тебе ж после этого не жить!

Я не слушаю его – бегу следом за старушкой.

– Мать, погоди! Они передумали. На-ка вот...

Сую ей в руки деньги и тихо шепчу:

– И давай, уходи побыстрее.

Она смотрит на меня снизу вверх, мелко крестит:

– Спаси тебя бог, сыночек. Спаси бог...

– Ничего, мать, как-нибудь прорвемся.

Оборачиваюсь – и как раз вовремя. Прямо на тротуар, к разгромленной лотерейной точке подруливает большая черная машина, иномарка с темными стеклами и четырьмя серебряными кольцами на передке. Хлопают дверцы. Трое высоких, подтянутых парней в кожаных куртках окружают таксомордого. Он что-то визгливо кричит, указывая рукой в мою сторону. Парни одновременно поворачивают головы. На лицах у них узкие солнцезащитные очки.

Старушка семенит прочь. Смех смехом, а ведь сейчас мне придется туго. И бежать некуда – слева по улице мчится сплошной поток машин, справа – трамвайное кольцо, сугробы и ограда Арского кладбища. Да и бегать от этих клоунов как-то... Зазорно, что ли? Это не люди Надир-шаха, не кашгарские контрабандисты с М-16, не Кобдо на арене Колизея.

Просто ряженая шпана. И чтобы я показывал им спину? На мгновение перед глазами встает лицо Телли. Засовываю руку под пальто, крепко сжимаю костяную рукоять кинжала князя Атхи – и не спеша, вразвалочку, иду навстречу своей судьбе.

Сорвавшиеся было с места парни в очках останавливаются. Правильно, а чего ноги бить, если добыча сама идет навстречу? Но не на того вы напали, ребята. Ох, не на того...

Когда между нами остается не более трех метров, один из парней с вызовом спрашивает:

– Крутой, да?

Но я не смотрю на него. Из машины выбирается грузный мужчина в бордовом длиннополом пальто и шляпе. Круглое мясистое лицо его украшают подбрютые усыки.

Он сильно изменился, но я все равно узнаю этого человека. Моя ладонь соскальзывает с рукояти кинжала. Я салютую ему, как это делали валлийские стрелки – указательный и средний палец прижаты, безымянный отставлен в сторону, остальные загнуты. Этому салюту нас еще подростками научил Маратыч. Он рассказывал, что трехпальцевый захват тетивы лука давал валлийцам возможность дальше посыпать стрелы. Для нас такой салют был отличительным знаком, фирменным приветствием.

Рука человека в шляпе медленно поднимается вверх. Он повторяет мой жест.

– Здорово, Витек! – кричу я.

Он близоруко щурит глаза.

– Артамон? Ты?!

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

### Витек

– Прикинь, я ж мог там и не поехать, – Витек энергично размахивает руками, гнет из пальцев какие-то фигуры, словно я глухонемой и он подкрепляет свои слова знаками дактильной азбуки. – Или не остановиться. Реально! А так смотрю — стол мой повален. Че за лажа? Решил, как раньше, разобраться самостоятельно, вспомнить молодость. Вылезаю, а там, прикинь – ты! Живой!

И Витек заливается счастливым смехом, колотя пухлой ладонью по кожаной подушке сиденья.

Историю нашей удивительной встречи я слышу от него уже в третий раз. Причем он рассказывает ее так, словно меня там и не было. Вспоминаю сказанное Витьком лотерейщикам сразу после того, как ему объяснили, что происходит: «А че? Я вам, архарам, скока втират – старииков по боку. У них там сердце-шмерце, сосуды-мосуды. Загнутся – кто отвечать будет? Лиших геморров никому не надо. И правильно Артамон за бабулю вписался. Настоящий пацан, уважаю! Все, базар окончен. Работайте. Братан, айда со мной, прыгай в тачку!».

Последняя фраза адресовалась мне. И я только в тот момент понял, что пресловутый главарь казанских бандитов Галимый, о котором я столько слышал в последние дни, и мой друг детства Витек Галимов – один и тот же человек. Понял – и ничего не понял. Как, почему это произошло? Но Витек уже усаживался на заднее сидение своего роскошного автомобиля, который он именовал «тачкой». Парни в темных очках топтались поодаль.

– Терки на сегодня отменяются, – вальяжно сообщил им Витек. – Мы на хату, отдыхать. Теплый, ты со мной, остальные свободны. Связь держать через Ахтюма. Все.

Парень со странной кличкой «Теплый» уселся впереди, рядом с водителем, я плюхнулся возле Витька.

– А я всегда знал, что ты живой, – доверительно сообщил мне он тогда. – Ну, думаю, не такой Артамон пацан, чтобы загнуться в этом Чуркестане. И, смотри, угадал!

Машина тронулась с места, урча двигателем, как сытый кот. Витек пихнул меня кулаком в плечо:

– Как же я рад!

– Я тоже, – я и в самом деле рад. Рад, что встретился с Витьком, что он жив-здоров. А вот все остальное меня огорчило. Надо же – мой друг стал бандитом!

И тут же пришла мысль: а я сам? Я-то – кто? Ангел небесный?

– Ты где вообще? Как, чего? – Витек тормошил меня, как игрушку. – Давай, выкладывай.

– Неделю как приехал. Где был – очень долгая история. Как-нибудь потом...

– Ага, потом... – Витек улыбнулся. – Ща валим ко мне, в сауну сходим, грехи смоем, потом отдохнем, побазарим. Там и расскажешь. Или у тебя дела?

– Да особых дел нет...

– Во, ништяк! – улыбка становилась еще шире.

– Мне б только позвонить, давай остановимся где-нибудь.

– Ха, – Витек едва не светился от удовольствия. – Зачем тормозиться? Сотовый же есть! Теплый!

С переднего сидения просунулась рука со странно выглядящей рацией. Из трубки торчала антенна, а на ней кнопочки с цифрами и буквами.

– Давай, звони, – кивнул на трубку Витек.

– Это чего, телефон? – я и в самом деле удивился. До чего дошел прогресс!

– Сотовый, – гордо объяснил мой друг. Он снял шляпу, вытер вспотевшую голову платком. – Классная вещь. Можно с собой таскать. Зацени!

Я кивнул. Вещь и в самом деле полезная и нужная. Правда, скорее всего, жутко дорогая. Ну да у Витька, как я понял, с этим проблем не было.

Достал бумажку с Надиным номером, нажал на кнопки.

– Алло?

– Это я. Привет. Сегодня не приду. Дела.

– Да, я поняла. А... – ее голос на мгновение пресекается, – а когда тебя ждать?

– Завтра-послезавтра. Я позвоню еще.

– Хорошо. У тебя все нормально?

– Да, в порядке. Артемке и Нельке привет.

– Передам. Береги себя.

– Пока.

– Пока.

Витек хмыкнул.

– Жена?

– Знакомая.

Он тут же потерял интерес к этой теме и переключился на меня:

– Выглядишь ты не очень. Че, брат, жизнь придавила?

– Вроде того. Зато ты на волне, а? Батька Махно практически?

– Почему – Махно? – недовольно просопел Витек.

– Ну, атаман бандитов...

Теплый гыкнул с переднего сидения.

– Глохни! – рявкнул на него Витек, посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом и печально произнес: – Вот не был бы ты мне другом, дал бы я тебе в морду. Запомни, Артамон: я не атаман, не бандит, а крупный предприниматель, бизнесмен, уважаемый человек. Так, Теплый?

— Так, Виктор Альбертович! — поспешил откликнуться тот.

— Во! — Витек поднял вверх толстый палец, украшенный золотым перстнем с печаткой. — Кстати, познакомься: Теплый — мой референт, человек, который все помнит и все знает. Рекомендую.

Ко мне просунулась рука «референта». Пожал — а что делать?

— А это, Теплый, мой старинный друг Артем Новиков. Между прочим, кандидат в олимпийскую сборную СССР по стрельбе. Усек?

— Ага, — Теплый зашуршил бумагой. Записывал он там, что ли?

— Зацени, какая у меня есть балалайка! — Витек сунул руку в карман на спинке сидения и вытянул оттуда большой плоский ящик из полированного пластика. Он открыл его, и я увидел на тыльной стороне крышки светящийся экран.

— Лаптоп! Ну, компьютер складной, — Витек посмотрел на меня и прыснул: — Ты что, компьютера не видел никогда, что ли?

— Нет.

— С Луны что ль свалился...

Посмотрел в окно. Машина мимо Кремля выруливалась к мосту. Мы явно ехали за город. Интересно, что там у Витька за хата?

Он захлопнул лаптоп, убрал обратно.

— Артамон, я вот на тебя смотрю — и не врубаюсь. Мы ж ровесники, — он вздохнул, похлопал себя по выпирающему животу. — Я вон как пострадал в битве за прибавочную стоимость. Гадом буду — по три часа в день трачу на качалку, и ни черта не выходит. А ты какой был — такой и остался. Где работаешь, Артамон?

— Я ж сказал — долгая история. Ты лучше скажи — где твои веснушки?

Витек снова недовольно просопел, потом покосился на водителя, на Теплого – и вполголоса ответил:

– Вывел. Специальную бабу из Германии заказывал, косметологиню. С веснушками не солидно.

Я кивнул.

Мы вылетели из города. И по улицам-то витьковский водитель гнал безбожно, а сейчас автомобиль словно шел на взлет.

– Скоро на месте будем, – зевнул Витек.

– Место – это где?

– Сюрприз, Артамон! – он захохотал, показывая желтоватые прокуренные зубы. – Увидишь – ахнешь!

Мы сидим в отделанной деревянными панелями комнате отдыха. Кожаные диваны, столик с фруктами, шашлыком, закусками. Квадратная бутыль виски, толстостенные стаканы. Посреди столика высится странное сооружение. Начищенная бронза, прозрачная колба, в которой плавают сливы и виноградины, наверху, в специальной чашечке, укутанной фольгой, дымятся угли. Витек объясняет, что это кальян, берет мундштук, соединенный длинной узорчатой трубкой с колбой, затягивается.

– Лафа!

За дверью – сауна, финская баня с сухим паром. Я в такой первый раз. Еще у Витька на участке есть вольеры с бойцовыми собаками, теннисный корт, несколько беседок и ландшафтный парк. Но самое главное – дом. Трехэтажный терем из красного кирпича, со спутниковой антенной на крыше и огромным гаражом в подвале.

Витек живет, как помещик. Я и вправду ахнул, и не один раз, когда мы прогуливались по огромной, в несколько гектар, территории участка, раскинувшегося над Волгой и огороженного трехметровым забором. Несколько садовников в синих комбинезонах убирают снег. Выложенные красноватой плиткой до-

рожки подметены; скамейки, как в парке, фонари. Искусственное озерцо блестает голубоватым льдом, посредине торчит чаша фонтана. Водопадик, развесивший гирлянды сосулек, заснеженные камни, аккуратно подстриженные туи, молодые сосенки.

А потом вышли к воротам.

– Смотри! – Витек обвел рукой открывшийся вид. – Узнаешь?

Я узнаю. Да, вот как все сложилось...

Впервые я увидел место слияния Свияги и Волги лет в семнадцать. На дворе стоял октябрь, мы с пацанами поехали на рыбалку в Лагерное. Ночевали в чье-то даче, пили венгерский сухач, жгли во дворе костер. Утром горе-рыбаки отказались вставать и я отправился на берег один, но выбрал не ту тропинку, долго блуждал по осеннему лесу, заваленному мокрыми опавшими листьями, и в конце концов вышел на высокий яр, с которого открывался фантастический вид на Волгу и Свиягу.

Я до сих пор держу в памяти ту картину. Солнце только что встало, с севера дул холодный ветер. Я стоял на крутом мысу, углом выдававшимся в речной простор. Передо мной расстилась необозримая водная гладь, надо мной плыли облака всех видов и форм. Вдали, у линии горизонта, выселись розоватые в лучах утреннего солнца облачные замки. Их подножья перечеркивали слоистые темно-синие облака. Рваные обрывки туч летели по небу, а над ними, где-то очень высоко, тянулись с востока на запад перистые «кошачьи хвосты». Хрустально прозрачный воздух звенел.

А посреди всего этого великолепия, сияя золотом куполов, белея сахарными колоколенками, плыл по Волге сказочным градом Китеежем остров Свияжск. И потрясенный всем увиденным, я тогда решил: если когда-нибудь у меня появится возможность купить или построить тут дом, дачу, то я костьми лягу, но это сделаю.

Я вернулся, растолкал Витька и потащил с собой. Он всю дорогу ныл, но когда мы вышли на яр, тоже проникся увиденным и даже сказал, что у него прошло похмелье.

Увы, поселиться здесь у меня не сложилось. Зато мою мечту исполнил Витек. Нет, не Витек. Галимый. Лидер одной из бандитских группировок города Казани.

Я смотрю на моего погрузневшего друга, и в этот момент конь подхватывает меня и уносит в прошлое...

В свадебной юрте было душно. По щеке Есуган медленно ползла прозрачная капелька. Девушка сидела у очага, спиной к занавешенному входу. Отблески пламени играли на ее смуглых грудях.

– Тебе жарко? – шепотом спросил лежащий рядом мужчина, осторожно, одним прикосновением пальца снял со щеки капельку и лизнул ее. – Соленая...

– Это слеза, мой каган, – так же тихо ответила Есуган.

– Ты горюешь о своих родичах? – мужчина сел, набросил на обнаженные плечи девушки алый халат из китайского шелка.

– Забудь, это были плохие люди. Коварные, злые и жестокие. Они не хотели мира в степи.

– О нет, мой господин, – покачала головой Есуган. – Тенгри свидетель: ты почтил меня своей милостью и сделал ханшей. Ты мне муж, и родичи мои теперь – твоя семья. О другом моя печаль. Есть у меня сестра... Имя ее Есуй. О достоинствах ее я могла бы говорить до самого утра! Лицо ее подобно лицу Луны, тело ее крепко и гибко, как лезвие меча, волосы ее черны, как ночь, а глаза сияют, словно звезды. Недавно она вышла замуж за человека нашего племени. Что с ней теперь будет?

Мужчина задумчиво поскреб короткую рыжеватую бородку, повернулся девушку к себе и посмотрел в глаза.

– Если она так красива, как ты говоришь, я велю разыскать ее. Но уступишь ли ты ей место подле меня?

— Да, господин, — коротко ответила Есуган, стараясь смотреть в сторону.

— Ты все еще боишься меня.

— Я... Нет, о великий хан! Нет... Просто твои глаза... В одном отражается небо полдня, в другом — рассветное. Это странно.

— У моего отца были такие же, — усмехнулся мужчина в ответ. Крепкий, быстрый в движениях, с открытым лицом, он рывком поднялся на ноги, подхватил легкую полотняную рубаху, оделся и вышел из юрты.

— Слава великому Чингисхану! — троекратно выкрикнули стражники-кешиктены, воздев к солнцу обнаженные мечи.

— Слава Вечному Синему небу, — проворчал мужчина и пошел через становище — ряды юрт, костры, туменные бунчуки и туги, окованные железом повозки, отряды воинов — в сторону холмистой гряды, где вершилась казнь татарской знати. За ним тут же устремилось множество людей, ожидавших окончания брачной ночи своего повелителя в соседних юртах и кибитках.

Горький дым пожарищ плыл над степью. Это горели на берегах реки Улджи брошенные телеги, жилища и скарб татар. Десятки тысяч пленных — мужчин, женщин, детей, стариков — со всех сторон окруженные монголами, толпились в степной котловине, ожидая своей участи. Здесь было почти все племя татар.

— Джелме, Боорчу! — не оборачиваясь, бросил Чингисхан. Двое воинов в золоченых доспехах немедленно приблизились к нему, зашагали в ногу.

— Друзья, скачите к татарам и разыщите среди них красавицу Есуй, дочь Церен-эке, сестру Есуган. Сегодня вечером я хочу сыграть еще одну свадьбу.

— Все сделаем! — весело ответил Боорчу, подмигнул мрачному Джелме. — Мы осмотрим каждую кочку, заглянем во все тарбаганы норы. К полудню Есуй будет у тебя.

Старый шаман Мунлик, стоя на вершине холма, мерно бил кривым посохом в большой кожаный бубен – думм! думм! думм! На зеленом склоне, в тройном оцеплении нукеров, понурив головы, застыли связанные татарские князья-найоны. Их жен и детей уже прогнали плетьями сквозь строй нукеров и раздали наиболее отличившимся в битве воинам. Старух попросту изрубили в соседнем овраге, и теперь над ним кружили коршуны. Чингисхан ступил на белую кошму, постеленную на траву, присосанился и заговорил, глядя поверх голов пленников:

– День моей мести настал! За отца моего и деда, за хана Амбагая, за всех прочих родичей, принявших смерть по воле или от руки татар. За гибель простых монголов, за тысячи наших женщин, захваченных обманом и силой, за не рожденных и не погребенных – месть моя да свершится!

Нукеры раскатали длинные и широкие полосы мокрого войлока. По древнему монгольскому обычанию знатных людей убивали без пролития крови. Их закатывали в войлочные ковры, политые водой. Высыхая на солнце, войлок садился, удушая находившегося внутри человека.

Чтобы перед смертью вожди татар не оскорбили слуха Чингисхана бранью и проклятиями, каждому из них в рот всунули по куску вязкой сосновой смолы. Некоторые найоны пытались сопротивляться, вырывались, но нукеры валили их на землю. Вскоре полтора десятка извивающихся серых коконов лежали на траве. К полудню все они станут войлочными гробами для татарской знати.

Тысячник Субудей, одолевший в минувшей битве татарского хана Мегуджина Суелту и отныне зовущийся багатуром, подвел к Чингисхану тучного мужчину в дорогом наряде и черной шапочке.

– Повелитель, – прохрипел Субудей. – Этот человек говорит, что он – посланник цзиньского Алтан-хана. Еще он говорит, что Алтан-хан разгневается, если ты перебьешь всех татар.

Стиснув зубы, Чингисхан прошипел, хватаясь за рукоять меча-илда:

– Будь проклята китайская хитрость! Одной рукой Алтан-хан заключил с нами союз, а другой продолжает окормлять своих верных псов-татар. Ничего, придет время, и я спрошу с него за все.

– А что делать с этим? – спросил Субудей.

– За дерзость и злые дела, что он сотворил, помогая татарам...  
Вымотайте ему требуху!

Китаец, сморщив маленькое желтое лицо, визгливо выкрикнул что-то, но нукеры забили ему рот комьями глины. Вонзив глубоко в землю два копья, они ремнями примотали к ним посланника империи Цзинь и сорвали с него одежду.

Старый, кривоногий монгол, все лицо которого было исполосовано шрамами, узким ножом осторожно взрезал сбоку толстый живот китайца. Скрюченными пальцами он вытащил из кровавого разреза скользкую петлю кишки. Нукеры подвели слепого вола, запряженного в повозку, нагруженную камнями. Старик накинул кишечную петлю на бронзовый крюк и вол не торопливо побрел прочь, тяжело переступая разбитыми копытами. Китаец забился в ременных путах, а его дымящиеся внутренности начали выпрашивать из чрева, волочась по траве за повозкой. Мальчишки с радостными криками побежали к волу, чтобы подстегнуть его, но кривоногий старик сердито велел им убираться прочь.

– Чем медленнее будет выматываться требуха из живота этого цзиньца, тем больше времени он сможет размышлять над собственным несовершенством, – прорычал он.

– Как поступить с остальными? – негромко спросил Чингисхана его сводный брат Бельтугей, стоящий за левым плечом кагана. – Татары – храбрые воины. Из них можно собрать несколько туменов и пускать в бой впереди монголов.

– Нет, – ответил каган. – Именно потому, что они храбрые воины, мы не сможем спокойно спать в своих юртах, пока та-

тары живы. Женщин берите в наложницы и работницы. Детей воспитайте как монголов. А мужчин...

И помолчав, тихо сказал, глядя в небо:

– Примерьте их к чеке тележной.

За спиной Чингисхана охнула его мать Оэлун:

– Сын мой, остановись! Ты хочешь истребить целый народ!

– Чтобы в степи наступил мир – убей своего врага, – просто сказал Чингисхан. – Я творю мир. Татары стали кормом для моего меча. Это хорошо.

Нукеры Чингисхана набросились на татар, как волки на стадо антилоп-дзейренов. Они катили походные телеги и каждого пленного подводили к колесу, отмеряя его рост по чеке, удерживающей колесо на оси. Всех, кто был выше чеки, убивали. Берега Улджи окрасились кровью, повсюду громоздились кучи отрубленных голов.

Не все татары покорились своей страшной судьбе. Нашлось немало смельчаков, что взялись за ножи и камни, собираясь дорого продать свои жизни. Но оказаться серьезного сопротивления вооруженным мечами и топорами воинам Чингисхана они не смогли.

К вечеру все кончилось.

А когда солнце закатилось и звезды украсили потемневший лик Тенгри, перед белой юртой Чингисхана запылали яркие костры. Боорчу и Джелме выполнили волю своего друга и повелителя – привезли ему лунолику красавицу Есуй.

– Она вместе с мужем пряталась в кустах на речном берегу, – смеясь, сказал Боорчу. – Ее муж хорошо бегает, быстро. Как заяц!

Чингисхан довольно расхохотался. Есуган коротко взглянула на испуганную, трясущуюся то ли от холода, то ли от ужаса сестру и безропотно уступила ей место рядом с каганом, сев ниже, у ног Чингисхана.

Есуй зарделась. Она поняла, что ее привезли не на позор и смерть. Гордо подняв прекрасную голову, девушка, как была

босиком, шагнула на белый ханский войлок и опустилась по правую руку от хана всех монголов.

– Женщины татар, наверное, рождены от другого корня, – сказал он, улыбаясь, и отрезав кусочек баранины, вложил его в рот Есуй. – Их мужчины храбры, но злобны и коварны. Женщины же умны и покладисты. Это хорошо! Эй, люди, наливайте арху в чаши! Хвала Вечному Синему небу, сегодня у вашего Чингисхана славный день!

Ответом ему был боевой клич монголов, исторгшийся из глоток тысяч нукеров:

– Хурра!!

Пиршество шло своим чередом. Запах жареного мяса плыл над степью, смешиваясь с горьковатым ароматом полыни. Звенели бубенцы на ногах танцовщиц, глухо выли в руках музыкантов моринхуры, дробно стучали барабаны. Упившихся до беспамятства нукеров оттаскивали подальше от костров – чтобы не обгорели во сне. Повсюду слышались смех, веселые песни, здравицы жениху и благодарения Вечному Синему небу.

Чингисхан, сидя между двух новых жен, по очереди кормил их из своих рук, тем самым оказывая девушкам высшую честь – быть удостоенными внимания царя царей. Близилась полночь. Белый Кречет поднимался в ночной зенит. Подходил срок, когда жених должен был уединиться с невестой в свадебной юрте.

Уже собираясь вставать, Чингисхан вдруг заметил смятение и испуг на лице Есуй.

– Что опечалило тебя, о звездочка в夜里 моей любви? – спросил он.

Девушка ответила не сразу.

– Мне показалась, повелитель... Мне показалось, что среди твоих воинов бродит мой муж...

– Боорчу! – взревел Чингисхан, вскакивая на ноги. – Найти! Привести ко мне!

Первый нукер, пьяновато покачиваясь, растеряно обвел рукой с зажатым в ней куском жареной оленины множество костров и людей.

– Как, друг Темуджин? На это уйдет несколько дней!

Есуган, все это время сидевшая молчком, нагнулась к Чингисхану и произнесла, поглядывая на бледную Есуй:

– Надо просто приказать всем твоим воинам, о повелитель, разделиться по племенам и родам. Кто останется в одиночестве – тот и будет нарушителем спокойствия сестры.

– Она умна, сын мой, – сердито пробурчала Оэлун, сидевшая ниже Есуган. – Но ум ее зол. Не знаю, какой она будет тебе женой, а вот советник-сечен из этой татарки выйдет хороший.

– Клянусь священным белым песком, я трижды счастлив сегодня! – провозгласил Чингисхан. – Мои враги мертвы, я приобрел двух красавиц-жен и умную голову в придачу. Боорчу! Ты слышал, что сказала Есуган-хатун?

Оэлун, отставив чашку с кумысом, сказала негромко, но так, чтобы сын услышал ее:

– Посмотрим еще, посчитает ли эту голову умной твоя старшая жена, хатун Борте...

Поиски чужака оказались недолгими. Все вокруг пришло в движение. Пиরующие поднимались на ноги, перекликались, тормошили тех, кто заснул. Вскоре нарушитель спокойствия был найден. Его схватили и поставили перед Чингисханом.

– Зачем ты явился, подобно вору и бродяге? – грозно спросил каган. – Что высматриваешь ты здесь? Ведь подобных тебе мы примерили к тележной оси.

Юноша, тяжело дыша, молчал. На его исцарапанном ветками лице читалось отчаяние. И тут заговорила Есуй:

– Ты видишь, что я стала женой человека, в сотни раз более достойного, чем ты, – обратилась она к своему мужу. – Если бы ты смирился, то сохранил бы жизнь.

– Я гляжу, к одной умной голове добавилась вторая, – с беспристрастным лицом заметила Оэлун.

– Мне не нужна жизнь без чести! – в отчаянии произнес юноша.

Есуй промолчала.

– Достойный ответ, – одобрил Чингисхан. – Субудей!

И он провел рукой по шее. Юноша рванулся в сторону, но сразу несколько рук вцепились в него. Серебряной молнией сверкнул кривой меч Субудея-багатура. Отрубленная голова мужа Есуй покатилась в костер. Кто-то из нукеров, дабы не допустить осквернения пламени, ногой остановил ее и вдавил в землю.

– Нет более народа такого – татары! – возвысил голос Чингисхан и яростно сверкнул глазами. – Но еще скажу: это были доблестные и гордые воины. Так пусть же люди других краев и языков, что отличаются в бою, зовутся так. А теперь мы удаляемся на отдых. Всем остальным велю пить допьяна и есть досыта. Ху-урра!

– Ху-урра!! – громогласно поддержали своего повелителя монголы.

Есуй первой вошла в белую юрту. Чингисхан шагнул следом, но на пороге обернулся и поманил пальцем оставшуюся у костра Есуган. Татарская княжна радостно улыбнулась и скользнула за входной полог.

...Пир продолжался до утренней зари. Багровый край солнечного диска появился над горизонтом, его лучи осветили множество спящих вповалку людей и потухшие костры, чадящие сизым дымом. Лишь стражники-кешиктены оставались на ногах, дозором обходя становище.

Когда солнце поднялось на две ладони от земли, Чингисхан вышел из своей юрты. Боорчу и Субудей-багатур ждали его, коротая время за игрой в кости «тамга хев», с чашками баданового чая в руках.

Подойдя поближе к увлеченным игрой мужчинам, Чингисхан присел рядом на пятки, усмехнулся и произнес:

– Наши старики говорят: нельзя пить из двух чашек, стрелять из двух луков и ездить на двух жеребцах. Наверное, они правы, но я сегодня ночью ездил на двух кобылицах и это лучше, чем на одной.

Боорчу рассмеялся, решительно смешал кости:

– Все, друг Субудей, ты выиграл!

Чингисхан вытащил из колчана одного из стражников стрелу, вертикально воткнул ее в землю, прищурившись, посмотрел на солнце и сказал:

– Поднимайте людей, в полдень мы выступаем. Нужно повидаться с моим названным отцом, керайским Ван-ханом. Но в эти гости лучше всего ехать с десятью туменами воинов.

Боорчу снова засмеялся, удариł ладонью по рукояти меча и пошел по становищу, зычными криками и пинками поднимая спящих.

...Когда тень от воткнутой в землю стрелы исчезла, войско Чингисхана было готово к новому походу. Повозки и телеги с разобранными юртами уже тронулись в путь и поднятая множеством колес и копыт пыль заволокла половину неба.

Нукеры ждали своего повелителя в седлах. Ровными рядами выстроились они поперек широкой долины реки Улджи. Чингисхан без спешки уселся в седло вороного коня по имени Нейман, заменившего убитого Джебельгу. Шаман Мунлик, седой старец с растрепанными волосами, звеня оберегами, подъехал к нему и вполголоса сказал:

– Темуджин, твой отец перед походом всегда разговаривал с воинами, ободряя их и вселяя храбрость в сердца. Последуй же его примеру.

Чингисхан одарил шамана недовольным взглядом – в последнее время Мунлик стал раздражать его своими нравоучениями и советами. Однако каган сдержал гнев. Привстав в седле, он

сунул руку за пазуху, огладил висевшую на перевязи фигурку волка и весело прокричал:

– Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага! Вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет! Заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами! Сесть на его хорошего хода с гладкими крупами коней! Превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!<sup>18</sup>

Монголы захохотали, высоко подняв копья в знак одобрения. Шаман недовольно прошипел что-то, но Чингисхан не обернулся. Вытянув Неймана плетью, он пустил коня рысью. Войско двинулось следом и воины, покачиваясь в седлах, продолжали смеяться, пересказывая друг другу слова великого кагана...

– Ну, давай, братан, колись – где был, че было... – Витек откidyвается на подушки, присасывается к мундштуку кальяна. Похоже, он не заметил, что я некоторое время находился очень далеко.

Залпом проглатываю полстакана виски, закуриваю, собираюсь с мыслями. Как я не оттягивал эту минуту, все равно она наступила. Понятное дело, все рассказывать нельзя. Точнее, Витьку Галимову я бы мог поведать многое. Авторитету Галимому – нет.

Поэтому выдаю даже не лайт-версию, как в свое время Недедову, а практически ненаучную фантастику. Лишь о службе в Афганистане и последнем бое я повествую чистую правду. Дальше начинается то, что дядя Гоша называет «цирк с конями» – пакистанские моджахеды, американские наемники, лагеря для военнопленных, уговоры работать на ЦРУ, попытки побега, карцер, международный Красный Крест.

---

<sup>18</sup> Подлинные слова Чингисхана

Я вру беззастенчиво. Моя уже отработанная на разных людях ложь не имеет под собой корысти. Она чиста, как слеза младенца, и никому не вредит. В этом я похож на героев любимой книжки моего детства – «Фантазеров» Носова.

Витек слушает внимательно, время от времени затягиваясь – в кальяне булькает, сливы и виноградины крутятся в хрустальном шаре, как планеты вокруг солнца. Иногда он задает уточняющие вопросы:

– Че, реально шмалял из снайперки?

Его вообще больше всего заинтересовала именно история моей службы. Когда я рассказывал про учебку, про занятия по физо и боевой подготовке, он несколько раз восторженно выкрикивал:

– Вот как надо бойцов готовить!

Я не выдерживаю, спрашиваю:

– Что, специалистов не хватает? Ты бы Маратыча пригласил.

– Отказался он, – мрачнеет Витек. – Сволочь идейная. Он теперь вообще того... мутит чего-то.

– А где он? В городе?

– Сейчас – не знаю. Полгода назад виделись мы... При отягчающих обстоятельствах. Все, Артамон, завязали! Гони дальше – че там с Красным Крестом?

И я гоню – про воспаление легких (тут я практически не кривлю душой), госпитализацию, перелет в Индию. Рассказываю, как меня выписали и без средств к существованию выпихнули за ворота после выздоровления. Про жизнь в Индии в течение нескольких лет приходится сочинять на ходу – где работал, где и с кем жил. Вроде получается достоверно.

– Так ты по-индийски говоришь? – удивляется Витек. – Силен. А ну, скажи чего-нить.

– Нафига? – я улыбаюсь, а внутри все обмирает. – Ты ж все равно не поймешь.

— Эт-точно! — Витек тянется к бутылке. — Давай махнем за Индию.

Чокаемся, пьем. Виски напоминает хорошо очищенный самогон с привкусом дубового веника. Чувствую — начинаю плыть. Достаю из пачки «Парламента» сигарету, но не прикуриваю. Если я сейчас буду курить — совсем окосею.

Берусь за шампур с шашлыком. Надо закусывать. Я чувствую, что наши с Витьком посиделки просто так не закончатся. Стало быть, надо держаться, быть в форме.

Финал моей выдуманной одиссеи проговариваю на скорости: мол, когда СССР распался, и открыли границы, познакомился с нашими летчиками, и они согласились добротить до Перми на чартерном рейсе вместе с грузом.

— Че везли-то? — интересуется Витек.

— Обувь какую-то — кроссовки там, тапочки. Холодно было. Самолет грузовой, кресел нет, стюардессы не ходят.

— О, кстати, о стюардессах, — оживляется Витек. — Айда-ка щас вызовем!

— Кого? Стюардесс?

— Да хоть бы и стюардесс! Они кем угодно наряжаются — хочет Витек. — Хочешь, стюардессами, хочешь, монашками...

— Да нет, неохота, — качаю я головой.

— О-па, — он изображает живейшее сожаление, отчего его пухлое лицо сминается, как подушка. — Полшестого? Доканала тебя заграница, а?

— Не, все нормуль. Просто я с Надей встретился... — я не развиваю тему.

— С Надей? С той самой? Она ж за Бики выскочила. В Лондоне живет, — демонстрирует завидную осведомленность Витек.

— Развелись они. Летом. Здесь она, в Казани, — выдаю я и тут же жалею о сказанном.

— Та-ак! — улыбка сползает с лица моего приятеля. — А вот это уже интересно.

– Чего тебе интересно?

– Мне Бики денег должен.

– Тебе?

– Ну, бизнес у нас был, по нефтянке, – кривится Витек. – Я вложился, а он, гнида, соскочил. Бабки зависли.

– И что? Надя тут с какого бока? – мне очень не нравится этот разговор.

– Теперь, наверное, ни с какого, – вздыхает Витек. – Это чмо за старую бабу рубиться не станет. Ладно, Артамон, не напрягайся, все путем. Не хочешь девочек – не надо. Айда-ка в парную, погреем кости. А потом – бассейн. Ништяк?

– Ништяк, – с облегчением киваю я.

Плаваем в бассейне. Витек, похочатывая, рассказывает историю про щенков бультерьеров. Псарня у него образцовая, вот только разводит он каких-то уродцев – толстые, бочкообразные псы с вытянутыми мордами и маленькими злыми глазками больше похожи на свиней-мутантов, чем на собак. Когда я сказал ему об этом, он натурально обиделся.

– Ты че! Это ж були, чемпионы породы.

И вот теперь Витек делится со мной, как ему удалось поставить на место какого-то самарского авторитета. Тот возомнил себя таким же крутым, как Витек, и тоже решил завести бультерьеров.

– Ну, я реально намекал ему – уймись, братан! Не, какой там. Тянет одеяло на себя, лошара. Ну, тогда я и делаю финт ушами. Нахожу парнишку одного, типа собачника, перетираю с ним. Он выходит на того самарского чудилу, предлагает ему щенков буля от золотых медалистов международных выставок. Типа, это из питомника самого Галимого! Мол, сучка померла при родах, а щенки остались. Самарский и клюнул. Купил пять штук, по три косаря грина за хвост. Ты щенков бультерьера видал когда-нибудь?

– Я и взрослых-то у тебя первый раз увидел.

— А-а, — с разочарованием тянет Витек, ныряет, поднимая тучу брызг. Вынырнув, он долго отплевывается, потом продолжает.

— Короче, поросыта, пока у них пятаки не появились, и щенки буля похожи, сечешь? В общем, загнал я этому самарскому барбосу пять чушек, ха-ха! Он их месяц выкармливал, чуть ли не сам с соской по ночам вставал. Выкормил — а они ему: «Папа, хрю-хрю!». Он на беду сел, забухал. А поросят велел зажарить и мне отправил.

— И что?

— Ниче, вкусные были чушки, — Витек бьет рукой по воде.

— А зачем все это было надо?

Он перестает смеяться.

— Теперь все серьезные люди знают, что этого оленя вокруг пальца обвести можно. И дел с ним никто не имеет с тех пор. Понял?

— Сурово!

— А ты думал! — и Витек с фырканьем уходит под воду.

Без одежды он здорово напоминает бегемота. А бегемоты в Африке считаются самыми опасными животными...

После бассейна мы опять беремся за виски. Разговор плавно перетекает на тему «А помнишь?». Мы спорим, смеемся, перекрикиваем друг друга. В дверь заглядывает обеспокоенный Теллый.

— Все пучком! — машет на него Витек и тут же спохватывается: — Вискаря еще принеси.

Шашлык съеден. Вторая бутылка виски опустела наполовину. Мне хорошо. Витек пыхтит кальяном, блажено улыбаясь. Но за этой улыбкой я вижу что-то темное, злое. Чувствую — этот вечер встречи старых друзей закончится на серьезной ноте. Витек, ставший бандитским авторитетом Галимым, не показался мне сентиментальным, впечатлительным или просто расслабленным человеком. Те немногие искренние проявления

чувств, что случились у него за все время нашего общения, были скорее случайностью. В остальном же Витек полностью контролирует ситуацию. И ведет все к некой лишь ему одному известной цели.

– Артамон, – выпустив изо рта мундштук, лениво говорит он, – ты на войне людей убивал...

Это звучит не как вопрос. Скорее как утверждение. Констатация факта. Закидываю в рот дольку апельсина, неопределенно дергаю плечом – мол, сам же понимаешь, на то она и война.

– Тебе работа нужна, – снова с непонятной интонацией произносит Витек.

– Ну...

– Есть дело.

И он затягивается, прикрыв глаза. Я усмехаюсь. Чутье не подвело. Что за дело – и так понятно. Не зря он жаловался, что у него нет хорошо подготовленных бойцов.

– Какое дело?

Он проводит большим пальцем по шее. В детстве таким же стом мы показывали, что наелись – мол, во как налопались, до отвалу. Понятно, что сейчас Витек вкладывает в это движение совсем другой смысл.

– Нет, Витек. Моя война давно закончилась.

– Ну-у, ты не спеши, – он открывает глаза, садится, поправляет сползшую с волосатого живота простыню. – Тут дело серьезное. И бабки серьезные. Три тонны бакинских.

– Я не понимаю.

– Три тысячи долларов. В рубли сам переведешь?

– А как? – этот вопрос вырывается у меня непроизвольно.

Витек смеется, берет салфетку, достает с полки над спинкой дивана золотой карандашик, начинает писать:

– Курс сейчас – три тысячи сорок за доллар. Умножаем на три тысячи... Получаем... Девять миллионов сто двадцать тысяч деревянных.

Я сглатываю. ДЕВЯТЬ МИЛЛИОНОВ! С ума можно сойти. Мне таких денег не заработать и за несколько лет. И тут же мне становится стыдно. К чему весь этот пафос, слова о давно закончившейся войне, если все дело лишь в сумме? Да даже за миллион этих проклятых долларов, баксов, гринов или как их там еще называют, я не пойду на убийство! Хватит, настрелялся!

И вдруг ощущаю, как леденеет на груди фигурка коня. Холод расползается по всему телу, я трезвею.

«Не торопись, – возникает в голове еле различимый шепот. – Отказаться ты всегда успеешь...»

Успею? Но ведь если я сейчас хотя бы кивну, дам Витьку понять, что заинтересовался его предложением, обратной дороги уже не будет. Получается, что конь толкает меня на преступление, на убийство, потому что так надо... Кому? Мне? Или тому, кто послал коня через века?

«Соглашайся, – шепчет внутренний голос. – Это решение всех проблем».

Действительно, решение. И, если что, я ведь всегда смогу «скочить», исчезнуть. С Витьком мне не по пути, это ясно. Наша дружба закончилась. В Казани мне делать нечего. Можно получить часть суммы, аванс – и сбежать в ту же Москву. Найти маму, а там... Как кривая вывезет. А может быть, все вообще не так страшно, как я себе представляю? Может, я должен убить какого-нибудь гада, который и так уже зажился на этом свете?

В конце концов, меня ждет Хан-Тенгри. Девять миллионов рублей должно хватить, чтобы совершенно легально добраться до ледяной пещеры. Чего миндальничать, судьба дает мне настоящий шанс!

Конечно, я сейчас уговариваю себя. Иду, как писали в советских романах, на сделку с совестью. Но, если разобраться, вся жизнь человеческая состоит вот из таких сделок.

– Что за дело? – тихо спрашиваю я.

Витек улыбается. Его подбрютые усики похожи на двух гусениц, шевелящихся над верхней губой.

– Чистый бизнес. Понимаешь, Артамон, сейчас все не так, как было раньше... человек человеку – волк. Это закон природы, если хочешь, – Витек говорит теперь серьезно, почти без преблатненности, без жаргонных словечек. – Но даже в стае волков есть свои правила. И тех, кто не хочет по ним жить, стая изгоняет. Или съедает.

– Не тяни, – прошу я.

– Торопливость нужна... сам знаешь когда, – парирует он. – Сейчас всем трудно. Чтобы выжить, нужны деньги, связи. Договариваться надо. Делиться, помогать друг другу. Только так мы со временем станем нормальной страной, не хуже той же Америки.

– Ты прямо Макиавелли.

– Кто? – Витек широко открывает глаза – и тут же вновь опускает веки. – Я, может, не такой образованный, но фишку руబлю четко. Иначе сидел бы с Лилькой в однушке-хрущобе и паленую водку квасил каждый день. В общем, слушай: есть у меня знакомец в Москве, солидный,уважаемый человек, предприниматель. Фамилия его Богдашвили. Год назад открыл он фирму по продаже систем связи. Ну, мини-АТС, телефоны всякие новые, пейджеры, мобилы, какое-то оборудование для конференций, компьютерные приблуды там разные – не важно. Начал торговать, клиент валом попер. И тут наезжают на него бандюки московские – давай, говорят, десять процентов.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему он должен отдавать десять процентов?

– Потому что они – бандиты, – терпеливо объясняет мне Витек. – Если Богдашвили не согласится, они сожгут его офис, тачку раскурочат и так далее. А то и самого грохнут.

– А милиция?

– Слушай, помолчи, а? – он хмурится. – Какая милиция, она вся куплена давно и в такие дела не вмешивается. Короче, обращается этот Богдашвили ко мне: Виктор Альбертович, помоги. Ну, я помог, бандюки отсохли. Бизнес пошел в гору. Конкуренты сдохли. Всем хорошо.

Я смеюсь. Интересно, а сколько процентов берет с торгаша Витек? Он расценивает мой смех как одобрение, тоже улыбается.

– И тут, Артамон, появляется на горизонте некий человек. Студентик, двадцать лет, сопляк. У него тоже фирмочка, мастерская какая-то в подвалчике. Сидят там ботаны в очках и паяют... – АОНЫ, декодеры для теликов. И вдруг выбрасывает этот студентик на рынок новый товар – телефон, который может сразу все.

– Что – все?

Витек раздраженно машет рукой:

– Да я сам не вникал, а Богдан, ну, Богдашвили, говорит, что все. И сообщения на пейджер слать с кнопок, и с любым другим телефоном связаться. Ноу-хау, новые технологии. И главное, втрое дешевле импортных аналогов! Ты прикинь!

Я прикидываю.

– Хорошо же. Наши люди придумали вещь, которая лучше и дешевле, чем за границей.

– Да ничего хорошего! – взрывается Витек, со всей дури бьет кулаком по столу и оборачивается к скрипнувшей двери. – Теллый, я тебя урою!

Дверь закрывается.

– Ничего хорошего, – повторяет Витек. – Это ж бизнес, налаженный бизнес, схемы там всякие, поставщики, контракты, договоры, откаты, то, се... Ну представь: вырастил ты картошку, весь год корячился. Приехал на базар, назначил цену, стоишь, торгуешь. Вдруг – здрасьте вам – приезжает какой-то крюк, тоже с картош-

кой, но продает в три раза дешевле. А ты цену снизить не можешь, потому что потратился на выращивание той картошки – удобрения там, семена, взялку в санэпидемстанцию, водиле заплатил. Если дешевле продавать, не отобьется бабло. Ну, врубаешься?

– Вроде да...

– Вроде, вроде... – ворчит Витек. – Короче, Богдашвили вышел на контакт со студентиком. Тот цену повышать не хочет. А у Богдана продажи падают. Предложил он купить производство. Студентик отказал. Проблемный человек. На контакт не идет, высокомерный такой. Умными словами сыпет: «спекулятивный капитализм», «развитие отечественных технологий» – мне Богдан пленку прислал.

– И что, вот этого студента и надо...

– Погоди, – Витек берется за виски, разливает по стаканам. – Давай по полной, чтоб душа развернулась...

Развернув душу, он утирает мокрый рот краем простыни.

– В общем, Артамон, дело плевое. Ты ж профессионал! Приедешь в Москву, чпокнешь этого хмыря – и все.

– Слушай, а другого способа...

– У Богдана, – перебивает меня Витек, – по всей стране тыщи человек работают. У всех семьи, дети. Они почему из-за одного придурка должны страдать? Ты нам поможешь – большое дело сделаешь, хорошее. Да что я тебя, как девку, уламываю! Три косаря баксов – мало тебе?!

– А если меня поймают...

– Ну, пусть будет пять... Не позорься, брат, – Витек вздыхает.

– Все ж на мази! Приедешь, получишь «снайперку», данные на клиента.

– «Плетку».

– Чего?

– В войсках снайперскую винтовку называют «плетка».

– Да мне плевать, что там у вас в войсках как называют. Рот закрой и слушай: получишь данные, ствол. Сядешь где-нибудь

на крыше, подождешь. Мочканешь клиента. Отход тебе организуют. Все. Партнер студента – нормальный парнишка, с ним уже договорено – возглавит фирму, и все сделает, как надо. А ты полетишь на юга куда-нибудь, в Турцию или на Кипр.

– Мне мать надо найти.

– Найдешь, – уверенно заверяет меня Витек. – Мы поможем, если что. Вместе полетите. Где она?

– Да вроде в Москве.

– Ну, – он с облегчением вздыхает. – Виши, как оно все сложилось – одно к одному. Ты мне друг или не друг?

– Друг.

– Значит, замазали!

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

### Желтый мячик

В темном окне отражается мое лицо. Сигарета подрагивает в такт покачиванию вагона. Я стою в тамбуре, курю и размышляю. У меня пока еще есть на это время. Завтра я приеду в Москву и встречусь с людьми Витька. Они передадут мне фотографию, адрес и данные на клиента, а также оружие.

О человеке, которого мне предстоит отправить на тот свет, я стараюсь не думать. Поэтому и называю его даже про себя «клиент». Так именовал своих покупателей «жучок» Соломон Рувимович. Интересно – в русском языке не нашлось других слов, да и если разобраться, «клиент» явно имеет французские корни...

Господи, какая ерунда лезет в голову! Не о том, не о том я думаю. Завтра прямо с вокзала я отправлюсь на Ленинградский проспект, дом номер восемнадцать. К маме. А уж потом будет все остальное – работа, клиенты, деньги и прочее.

Возвращаюсь в купе, забираюсь на свою верхнюю полку. Мельком бросаю взгляд на подаренные Витьком часы – половина одиннадцатого. Уже поздно. Надо лечь и заснуть. Но сон не приходит. Я думаю о Наде. О Телли. О Чингисхане. О пропавшем Нефедове, об изменившемся Витьке, о дяде Гоше, которому все напочем. О маме.

Проходит полчаса. Н-да, похоже, заснуть так и не удастся. Придется использовать снотворное. Слезаю вниз. Попутчики, точнее, попутчицы, две пожилые женщины в одинаковых свитерах «Boys», прерывают свой бесконечный разговор о невестках, сноихах и золовках, смотрят на меня неодобрительно и с подозрением.

Достаю из-под полки сумку, из сумки – бутылку водки. Наливаю полный чайный стакан, салютую своему отражению в зеркале и выпиваю залпом.

– Похмелье, чтоль? – с интересом спрашивает одна из попутчиц.

– Закусил бы... – укоризненно качает повязанной платком головой другая.

– Спасибо, не требуется, – я завинчиваю пробку, убираю бутылку обратно и лезу наверх. Все, теперь-то здоровый и крепкий сон на всю ночь мне обеспечен.

И сумку, и водку, и удобную кожаную куртку на меху, называемую «пилот», и новые джинсы с ботинками – все это я купил на аванс, выделенный мне Витьком. Теперь я выгляжу, как нормальный человек.

Но лишь выгляжу. В душе моей – марсианская выстуженная пустыня, где воют ветра и шуршит песок. Похоже, я приблизился к некой черте, пределу. За него нельзя переступать до тех пор, пока не будут отданы все долги, сделаны все дела. Но если оглянуться назад, что я там увижу? Обман, смерти, предательства. Привязанную к столбу Телли. Надю, к которой я так и не решился заехать перед отъездом. Не решился, потому что испугался, что не смогу потом уйти.

Скорее бы Москва. Я должен найти маму. Потом погасить все эмоции. Сделать работу. Получить деньги. Все.

С этими мыслями я и засыпаю.

Казанский вокзал. Я был здесь совсем недавно, не прошло и года. Но это по моим внутренним часам. На самом деле пролетели четырнадцать лет. Преобразилось все – и люди, и информационные стенды, и вокзальные попрошайки, и даже голуби, выклевывающие крошки из снежного месива под ногами, стали какими-то другими – разъевшимися, важными.

В Москве много нищих. В Казани я тоже их замечал – и каждый раз столбенел, несколько секунд пытаясь понять – это что, на самом деле или я попал на съемочную площадку фильма по рассказам Максима Горького?

Дом на Ленинградском проспекте, в котором когда-то я получил от Людмилы Сергеевны Чусаевой шкатулку с конем, внешне почти не изменился. Разве что потемнела облицовочная плитка да весь цоколь пестрит разноцветными бумажками объявлений.

Номер квартиры я помню наизусть. Толкаю высокую дверь подъезда – она заперта. Что за черт? Стучусь – тишина. Замечаю возле двери прикрепленную к стене табличку с пронумерованными кнопками. Кодовый замок? Такие я видел в детстве у мамы в институте на дверях лабораторий. А на подъезде он зачем? Как люди, которые не живут в этом доме, попадают внутрь?

Пока я размышляю, что делать, дверь открывается. На пороге стоит огромный, как столовский холодильник, мужик в камуфляже.

– Тебе чего?

– Войти надо.

– Куда?

Я называю номер квартиры.

– К кому?

– К Чусаевым. И Новиковым, – стараюсь, чтобы голос мой звучал ровно.

– По поводу квартиры? – камуфлированный оглядывает меня с головы до ног.

О чем он спрашивает, я не знаю, но на всякий случай киваю.

– Заходите, – тон камуфлированного меняется, дверь передо мной широко распахивается.

Когда я поднимаюсь на нужный этаж, сердце мое стучит так, что отдается в ушах. Сейчас я увижу маму. Сколько раз за

последние дни я мысленно представлял, что скажу ей! Но от волнения все заготовленные слова куда-то делись. В памяти остались только картинки из детства. Вот я болею, у меня температура. Лежу в постели, а мама подходит, кладет прохладную руку на лоб. В ее глазах тревога. А вот я возвращаюсь из школы и с порога кричу:

– У меня две пятерки по русскому и четверка по математике!

Мама улыбается, кивает на кухню:

– Ну, будем праздновать! Я купила заварные трубочки и «Дюшес».

На подгибающихся ногах иду к квартире Чусаевых. Двери нет! Вместо нее проем завешан грязным куском полиэтилена.

Что происходит?

Отгибаю занавеску, просовываю голову. Квартира пуста. Нет ни мебели, ни паркета на полу. Со стен свисают клочья обоев. Из дальней комнаты слышатся голоса. Пахнет известкой, ацетоном, какой-то химией.

Все ясно. В квартире ремонт. Делаю шаг, другой, стучу костяшками пальцев по деревянным козлам, заляпанным краской.

– Хозяева! Эй, кто есть живой?

В коридоре появляются двое парней. За их спинами видны лица рабочих. Парни одинаково причесаны по последней моде – волосы обильно намазаны гелем. Одеты они в строгие деловые костюмы, начищенные туфли, на шеях – галстуки. Все это очень плохо вяжется с откровенно рязанскими физиономиями.

– Здравствуйте. Вы на просмотр? – улыбаясь, спрашивает один из них.

– Э-э-э... На какой просмотр?

– Ну, квартиру будете смотреть?

– Нет, я...

Парни перестают улыбаться.

– Мне нужны хозяева. Жильцы.

Второй пожимает плечами, давая понять, что о судьбе хозяев ему не известно.

– Здесь жила Людмила Сергеевна Чусаева...

– Продавцом квартиры, если мне не изменяет память, был Лев Наумович Гольдман.

Мне это имя ни о чем не говорит. Понимаю только, что мама здесь не живет и, судя по всему, уже давно.

– Ребят, а как бы мне узнать о жильцах? Может, этот Гольдман в курсе?

– Без понятия, – парни разворачиваются, потеряв ко мне всякий интерес.

Стою, словно оглушенный. Что делать, куда идти? Где искать маму и тетю Люду? Наверное, есть какие-то специальные учреждения по розыску людей? Раньше, как я помню, была «Мосгорсправка». Интересно, сейчас эта служба существует?

Бреду к двери.

– А может быть, вы хотите купить квартиру? – окликают меня. – Двадцать тысяч долларов, это чуть дороже среднерыночных цен, зато будет сразу с ремонтом и встроенной техникой.

Двадцать тысяч. За клиента я получу пять. Значит, если я имею желание обосноваться в апартаментах Чусаевых, мне нужно завалить еще как минимум троих. Веселенькая математика!

– Нет, ребята, спасибо. В другой раз.

Забыв о лифте, спускаюсь по лестнице. Где теперь искать маму? Следом приходит другая мысль, в форме вопроса: «А где и как искать Телли? Эх, Артем Новиков, все ты потерял в этой жизни – мать, любимую, друзей...»

Это правда. Горькая, даже страшная, но правда. На темной чаше весов лежит очень много всего. На светлой – всего лишь серебряная фигурка коня. И, пожалуй, надежда.

Выхожу на улицу. По Ленинградскому проспекту сплошным потоком несутся автомобили, все больше иномарки. В сером небе плывут рекламные щиты. По тротуару идут люди, много людей. Говорят, в Москве сейчас официально живет двенадцать миллионов человек, а на самом деле – все двадцать. Огромный чужой холодный мегаполис окружает меня, громоздит вокруг лабиринты из зданий, улицы и переулки становятся ловушками, метро – одной гигантской западней. В горах Гиндукуша я не чувствовал себя так одиноко, как сейчас, посреди громадного города.

Что ж, когда не знаешь, что делать – делай, что должен. Эта древняя мудрость несколько успокаивает меня. Надо пообещать, отдохнуть. В кино сходить, что ли. А в шесть вечера, то бишь в восемнадцать ноль-ноль, у меня встреча с бойцами Витька, работающими у Богдашвили. Витец называет их то ли «следящими», то ли «смотрящими». Бойцы будут ждать меня в баре «100 ампер» на Второй Бауманской улице. Их клички – Чирик и Хазар. Пароль для встречи – фраза из любимого кинофильма Витька «Крестный отец»: «У каждого из нас найдется, что рассказать о своих невзгодах». Отзыв: «Я этого делать не собираюсь». Я этот фильм не смотрел, но знаю, что он про итальянскую мафию в Нью-Йорке. На следующий день после пьянки в сауне похмельный Витец взахлеб рассказывал мне про Вито Корлеоне, сыпал фразами, описывал персонажей.

– Это, Артамон, кино про жизнь. Настоящее. Я его раз тридцать смотрел.

Витец, как я понял, мечтает быть похожим на настоящего крестного отца. Для этого он завел себе шляпу и подбритые усики. В его группировке, или бригаде, царит строгая дисциплина. Авторитета Галимого знают по всей России. Знают и боятся.

До бара я доезжаю на такси. «100 ампер» принадлежит Богдану. Он вообще многостаночник – занимается не только торговлей оргтехникой, но и владеет рынком, несколькими магазинами, барами и ресторанами. Бригада Витька охраняет весь этот бизнес. «Крышует», получая за свои услуги долю от прибыли. Задачи у «крыши» разные – от выяснения отношений с другими бригадами до разборок с конкурентами. В современной России чаще всего финалом таких разборок становится труп несговорчивого предпринимателя. «Грязную работу» выполняют люди, называемые английским словом «киллер». Про киллеров снимают фильмы, пишут романы, они фигурируют в сводках новостей.

Я отныне – киллер. Наёмный убийца. Если повезет, смогу сколотить приличный капитал. Гарантиями того, что меня не «замочат» свои же, чтобы скрыть следы, является мое близкое знакомство с Витьком. По крайней мере, сам он именно так успокоил меня, когда разговор зашел об этом.

В баре царит полумрак, за стойкой скучает бармен в белой рубашке и галстуке-бабочке. Почти все столики свободны. Меня ждут в отдельном кабинете справа от входа. Отодвигаю занавеску, вхожу. Чирик, вертлявый малый с прилизанными волосами, пьет пиво. Хазар, смуглолицый громила в кожаном пиджаке, вертит в руках четки, перекидывая их через ладонь.

– Здорово, – я сажусь на свободный стул, произношу пароль: – У каждого из нас найдется, что рассказать о своих невзгодах.

– Здоровее видали, – бурчит Хазар.

– Ну, это... я этого делать не буду, – сверкает золотыми фиксами Чирик.

– Не «не буду», а не «собираюсь»! – мрачно поправляет его Хазар. – Ты Артамон?

– Артем.

– Э, теперь ты по гроб жизни Артамон. Так Галимый сказал. Пить че будешь?

– Ничего.

– Вот, Богдан передал для тебя, – Хазар достает из внутреннего кармана мятый конверт, двигает его по столу в мою сторону.

– А от нас. Подарочек, – хихикает Чирик, ногой подгребая ко мне черную сумку. Внутри что-то позвякивает.

Сумка небольшая. То есть просто маленькая. СВД в ней не поместится даже в полностью разобранном виде – ствол слишком длинный. Наклоняюсь, вжикаю молнией.

На дне сумки вижу пистолет ТТ с самодельным глушителем и две рубчатые гранаты Ф-1. Приехали.

– Это что? – киваю на сумку. – Уговор был на «плетку».

– Не кипищей, – Хазар наклоняется над столом. – Работать будешь в офисе. Там одна комната всего. Закинешь «лимонку», дверь закроешь. Потом войдешь, сделаешь контрольный в голову – чтобы наверняка. Тачка будет ждать в соседнем переулке. Вопросы есть? Вопросов нет! Всего хорошего, как говорится...

– Мы с Витьком... с Галимым о другом договаривались.

– У нас проблемы?

– Я не буду брать это оружие, – говорю тихо, но твердо.

Хазар лезет в карман своего кожаного пиджака, достает серую угловатую телефонную трубку. Я уже знаю – это сотовый, по которому можно позвонить куда угодно. Хазар зубами вытягивает антенну, набирает номер.

– Есть разговор... Ага... проблема одна нарисовалась с вашим этим...

Он протягивает мне трубку:

– На, тебя Галимый.

Подношу мобилу к уху. Витек орет, как резаный:

– Ты че там, оборзел?!

– Мы договаривались на...

– Знаю! Но этот... форс-мажор получился. Давай, работай!

Трудись, понял?! А то...

– Что «а то», Витя?

– Тут Теплый адресочек бывшей Бикиной бабы пробил. Ты там, кажется, тоже грелся? Если хочешь, чтобы у нее не было проблем, не создавай проблем мне. Ты меня понял?

– Да.

– Все, привет родителям.

Витек отключается. Я отдаю телефон Хазару, поднимаю с пола сумку, застегиваю замок.

– Быстро он тебя обломал, – скалится Чирик.

– Переночуешь на хате, – Хазар кидает на стол ключи. – Не бухай. Завтра, как дело сделаешь, отзовись из будки. Много не базарь, скажи – «да» или «нет», и все. Номер, адрес хаты и номер машины для отхода вот тут.

– Все?

– Не, могу еще стихотворение рассказать.

Я забираю ключи, бумажку с адресом и телефоном, иду к выходу.

– Ключи в почтовке оставь утром, – кричит Чирик.

Меня опутали по рукам и ногам. Если наше сотрудничество с Витьком началось вот так, что же дальше будет?

Однокомнатная квартира на четвертом этаже панельной «хрущевки». Старые обои, старая мебель. На кухне дребезжит пузатый холодильник «ЗИЛ». За окном темно. Пью невкусный чай, смотрю на конверт. Почему-то мне кажется, что пока я не распечатал его, еще можно все вернуть, отыграть назад. Но это всего лишь иллюзия. Намек Витька на Надю и детей не оставил мне выбора. С подводной лодки выхода нет.

Отставляю в сторону пустую чашку, беру конверт в руки. Надрываю, достаю листок бумаги с текстом, напечатанным не на машинке, а на специальном устройстве, именуемом «принтер». Имя, отчество, фамилия. Адрес конторы, куда мне нужно будет подъехать завтра к девяти часам утра.

И фотография. Простое, открытое лицо. Волевой подбородок, темно-русые волосы. Голубые глаза. Кого-то мне напоминает этот парень. Где-то я его уже видел...

Еще раз перечитываю данные. Гумилев Андрей Львович, двадцать лет, студент четвертого курса Московского высшего технического училища имени Баумана. Хм... Гумилев, Гумилев... Нефедов часто рассказывал о своем учителе, историке Льве Гумилеве. А парень на фотографии по отчеству – Львович. Совпадение? Возможно.

Но мне он кажется знакомым не из-за имени. Лицо. Я определенно где-то его видел. Давно, конечно, очень давно, еще в той, нормальной моей жизни. Бывают люди, которые очень мало меняются и, глядя на взрослого человека, ты легко представляешь его маленьким.

Маленьким, маленьким... Так, а сколько лет было Андрею Гумилеву в семьдесят девятом? Четыре, пять? Да, все сходится.

Ледяной холод сковывает мне грудь. Конь! Фигурка явно дает понять – я должен принять правильное решение. Пик Хан-Тенгри ждет меня. И попасть туда, став киллером, у меня очень мало шансов. А вот если сыграть в свою игру...

Но как быть с Надей? Витек, я в этом не сомневаюсь, способен на все. Черт, у меня очень мало времени. Всего несколько часов. Я обязан придумать что-то. Или выполнить заказ и убить Андрея Гумилева. Жаль, что конь не может подсказать мне верного решения. Не может или не хочет?

Расстегиваю сумку с оружием, достаю пистолет – ТТ. У «Тэ-Тэшника» очень мощный патрон и как следствие – хорошая пробивная сила. Накоротке он берет любой бронник. Меня бронежилеты не интересуют. Мне придется стрелять в голову раненому или уже мертвому человеку.

Откладываю пистолет, беру в руки гранаты. Ф-1, разлет осколков – две метров. С гранатой все просто, нас учили

в «учебке» – выпрямляешь усики, выдергиваешь чеку, крепко прижав скобу. Бросаешь – через три-четыре секунды взрыв. Испытывать судьбу, изображая киношного героя и отсчитывая секунды, чтобы накрыть противника мгновенным взрывом, – большая глупость. Запал не всегда горит положенные четыре секунды.

Так ничего и не придумав, ложусь спать на старый продавленный диван. Хозяйский будильник завожу на семь, но на всякий случай приказываю себе проснуться в шесть сорок пять. Закрываю глаза – и вижу розовый снег на пирамидальных склонах Хан-Тенгри...

Дверь, ведущая в офис, приоткрыта. Андрей Гумилев уже там, приехал минут десять назад. Я из глубины двора видел, как он вылез из серой низкой машины, отпер дверь.

Офис – красивое слово. Но к полуподвалу, в котором находится фирма Гумилева, он подходит мало. Смотрю на часы – без пятнадцати девять. Пора приступать, в половине десятого появятся работники. Так написано в «сопроводиловке». Время для убийства выбрано удачно – в половине девятого уходит уборщица, она уже покинула офис, а сам Гумилев всегда приезжает раньше своих сотрудников.

Ну, вдох-выдох – вперед! Подхватываю сумку, перешагиваю через низкий заборчик детской площадки и иду к зданию. Лед похрустывает под подошвами.

Лестница, ведущая вниз, швабра, ведро в углу. Вторая дверь. Она тоже приоткрыта, из-за нее доносится музыка.

Пинаю дверь, захожу внутрь. Большое помещение, столы, компьютеры, много, штук десять. Пахнет кофе. На стенах – плакаты и смешные картинки. Над нишей приколот самодельный лозунг: «Чтобы ваш бизнес не закончился разбирательствами в суде, нужно начинать его с правильно оформленных документов».

Гумилев колдует над кофеваркой. Услышав шум, он вскидывает голову:

– Доброе утро!

Я иду по проходу между столами, держа сумку чуть на отлете. Хазар и Чирик – козлы. Комната слишком большая, столов слишком много. Если бы я кинул гранату с порога, далеко не факт, что она убила бы парня.

– Вы знаете, мы открываемся в половине, – Гумилев улыбается. – Хотите кофе?

– Сядь! – я киваю на вертящийся стул у ближайшего стола.

– Не понял...

Я расстегиваю сумку, думаю: «Тебе ничего и не надо понимать». Достаю желто-белый надувной мячик, кидаю ошарашенному Гумилеву.

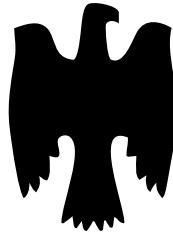
– Много-много лет назад я обещал тебе, что куплю новый мяч взамен того, что лопнул под колесами автобуса. Вот.

– Э-э-э... – он смотрит на мячик, потом поднимает свои голубые глаза на меня. – Не может быть! Как вы меня нашли?

– Тебя нашли другие, Андрей, – я показываю ему содержимое сумки и сажусь на край стола. Серебристый конь на моей груди словно прожигает кожу нестерпимым холодом. – У тебя есть ровно минута, чтобы объяснить мне, почему я не должен тебя убивать.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Кирилл Бенедиктов



# Блокада<sup>2</sup>

Книга вторая  
ТЕНЬ ЗИГФРИДА

Автор идеи  
Константин Рыков



ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом  
«Этногенез»  
Москва, 2010



ПОПУЛЯРНАЯ  
ЛИТЕРАТУРА

Издательство  
«Популярная литература»  
Москва, 2010

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### Аненербе

*Замок Вевельсбург, к югу от Падеборна, Вестфалия*

Луна, похожая на любопытный золотистый глаз, висела точно над правой башней замка.

– А знаете ли вы, что было время, когда у Земли имелся второй спутник? – спросил доктор Хирт.

Оберштурмбаннфюрер Гегель покачал головой.

– Не знакомы с трудами профессора Горбигера? Настоятельно рекомендую. Миллионы лет назад в небе можно было видеть две луны. Приливы и отливы тогда были совсем другими. Потом произошла катастрофа, и вторая луна рухнула на Землю. Это погубило населявших нашу планету гигантов.

– Гигантов? – переспросил, чтобы не показаться невежливым, Гегель. – Говорливый Хирт раздражал его.

– Именно. Помните Книгу Бытия? «В те дни на земле жили исполины». Они пасли стада ящеров на огромных равнинах Пангеи. Вы, конечно, слышали об этом сверхконтиненте, существование которого было блестяще доказано арийским гением Августа Вегенера.

Гегель буркнул что-то невразумительное.

– Когда луна упала, Пангея раскололась. Климат изменился самым драматическим образом, тучи пыли закрыли небо... Короче говоря, гиганты вымерли вместе с динозаврами.

– Вот как, – сказал Гегель.

– Вижу, вы сомневаетесь, – улыбнулся Хирт. – Ничего, вы измените свое отношение после того, что увидите в замке.

– И что же?

– Кое-что особенное. Совершенно особенное. Решительно особенное! Сегодня очень необычная ночь, оберштурмбаннфюрер.

Гегель покосился на Хирта. Сейчас доктор походил на поэта – глаза мечтательно полуприкрыты, лицо словно вызолочено вдохновенным светом. Впрочем, свет был самым обычным – желтым. От фонаря над центральными воротами Вевельсбурга.

– И потому мы оставили машину в километре от замка? – поинтересовался Гегель. – Из-за того, что сегодня очень необычная ночь?

– Разумеется, – Хирт взялся за тяжелый деревянный молоток, висевший при дверях на цепи, и несколько раз с силой ударили в окованную металлом створку ворот. Ворота загудели, будто церковный колокол. – Шум двигателя и особенно бензиновые пары могут помешать концентрации...

– А вот этот грохот, стало быть, не помешает? – ядовито осведомился оберштурмбаннфюрер. С самого начала их знакомства – Хирт встретил его на вокзале в Падеборне два часа назад – Гегеля не оставляло ощущение, что доктор держит его за идиота и даже не очень пытается это скрывать.

– Этот – не помешает! – в голосе Хирта прозвучала обида. – Сейчас мы слышим звук, естественный для того времени, когда... ну, в общем, для героических времен. В отличие от тарахтения дизеля.

Раздался омерзительный металлический скрежет – очевидно, не менее привычный для героических времен, и перед самым носом Гегеля открылась небольшая калитка. В черном проеме стоял высокий худой солдат в парадной форме СС. В руках он держал горящий смоляной факел.

– Хайль Гитлер! – воскликнул солдат, увидев Хирта. Тот вяло махнул рукой.

– Этот господин со мной, – небрежно сказал доктор. – Дайте-ка пройти, Ганс.

Ганс не тронулся с места. Факел дымил и трещал, отбрасывая по сторонам длинные тени. Гегелю показалось, что солдат рассматривает его как-то недобро.

– Он есть в списке, – нетерпеливо добавил Хирт. – Это оберштурмбаннфюрер СС Эрвин Гегель.

– Прошу простить, – в голосе Ганса лязгнул металл. – Имею приказ пропускать только обладателей печати.

Хирт тяжело вздохнул.

– Покажите ему, – сказал он, поворачиваясь к Гегелю. – Ганс у нас образцовый служака.

Гегель, чувствуя себя до крайности глупо, расстегнул верхнюю пуговицу кителя и извлек висевший на крепком черном шнурке каменный цилиндрик размером с мизинец. Цилиндрик дал ему Хирт по дороге к Вевельсбургу. «Формальность, – словно извиняясь, пояснил он. – Но, к сожалению, необходимая». Прежде чем надеть шнурок на шею, Гегель как следует рассмотрел цилиндрик. На темно-красном камне (Гегель решил, что это сардоникс) были грубо вырезаны изображения зверей и птиц. Эрвин видел такие штуки в Берлинском музее, в экспозициях, посвященных культуре Двуречья.

На Ганса печать произвела поистине магическое действие. Он вытянулся во фронт, щелкнул каблуками и вознес факел над стриженою головой. Одновременно он сдвинулся вбок, освобождая проход.

– Давно бы так, – буркнул Хирт. – Прошу следовать за мной, оберштурмбаннфюрер.

Гегель с опаской прошел под чадящим факелом, и чернильная тьма Вевельсбурга поглотила его.

Замок на крутом приречном холме построил на излете Средневековья некий рыцарь по имени Вевель фон Бюрен. Но задолго до этого на месте замка возвышалась твердыня гуннов, наводивших ужас на всю Европу. Ко временам фон Бюrena от

гуннов остались лишь многочисленные подземные коридоры, среди которых, если верить легендам, был один, ведущий к гробнице сына самого Атиллы. Гробница, по слухам, была битком набита золотом и серебром, поэтому на протяжении многих веков всевозможные искатели приключений упорно пробивали в холме штолни и штреки и в итоге превратили его в огромную головку голландского сыра. Когда фон Бюрен начал свое строительство, его ожидал неприятный сюрприз: фундамент все время «плыл», башни и стены замка то и дело норовили просесть в разверзшиеся подземные дыры вместе с камнетесами. Вдобавок главному архитектору оторвало обе руки сорвавшейся цепью лебедки, после чего в округе заговорили о проклятии, висящем над древней крепостью гуннов.

Фон Бюрен оказался малым упорным. Он поговорил со старшинами каменщиков, и выяснил, что согласно старинному поверью в подобных случаях в фундамент нужно замуровать живого человека – тогда, мол, стены простоят тысячу лет. Причем, чем моложе и безгрешнее жертва, тем прочнее станет постройка.

За двадцать пять серебряных талеров в одной из ближайших деревень была куплена восьмилетняя крестьянская девочка. В ночь, называемой Вальпургиевой, когда все ведьмы Германии собираются на горе Брокен и пляшут вокруг костров под красноватым светом полной луны, плачущую девочку запихнули в узкий, как щель, склеп в основании правой башни, и замуровали диким камнем.

Ожидаемого эффекта фон Бюрен не получил. Строительство продолжало идти ни шатко, ни валко, и даже через двадцать лет после начала работ Вевельсбург не мог порадовать глаз гармоничностью и основательностью. Взорам проезжавших мимо путешественников являлись две башни, соединенные неровною стеной. Шептались, что виной тому сердобольный каменщик, который, когда все участники страшного обряда

разошлись, вывел несчастное дитя через потайной лаз, нарочно оставленный в стене склепа. Но времени прошло слишком много, и установить правду не было уже никакой возможности.

Возможно, Вевельсбург так и остался бы живописной развалиной, но в 1933 году он приглянулся проезжавшему по Вестфалии Генриху Гиммлеру. Очарованный мрачной романтической атмосферой, окутывавшей руины, рейхсфюрер решил сделать Вевельсбург мистической штаб-квартирой СС.

За символическую плату в одну серебряную марку в год последний потомок Вевеля фон Бюренса сдал фамильные развалины в аренду сроком на сто лет. Впрочем, дальнейшие капиталовложения в Вевельсбург были куда более серьезными: любимое детище Гиммлера высасывало из государственной казны миллионы. Поговаривали, что рейхсфюрер желает превратить Вевельсбург в Черный Ватикан: сакральный город-крепость, с храмами, казармами, тренировочными залами, аллеями статуй нордических богов и героев, колоннадами и музеями. План реконструкции Вевельсбурга был рассчитан на тридцать лет, но с началом войны работы были приостановлены.

Последний раз Эрвин Гегель был в Вевельсбурге в 1935 году, когда строительство комплекса было в самом разгаре. Тогда, при свете дня, в замке не ощущалось ровным счетом ничего мистического – каменные стены были облеплены деревянными лесами, в котловане деловито рычали бульдозеры, неподалеку натужно гудели бетономешалки. Зато теперь, пробираясь вслед за Хиртом по узким темным коридорам, Гегель чувствовал неприятный озноб, похожий на тот, что охватывает человека, идущего по ночному кладбищу.

– Нам обязательно идти в полной темноте, доктор? – вполголоса спросил он.

– Т-ш-ш! – зашипел Хирт. – Тише! Мы приближаемся к месту, где концентрация наиболее высока! Прошу вас не задавать вопросов,oberштурмбаннфюрер! Только слушайте и наблюдайте! Наблюдайте и слушайте! Осторожнее, здесь ступеньки...

Под ногами Хирта заскрипело дерево. Мысленно проклиная своего спутника, Гегель нашарил полированные перила и начал на ощупь спускаться по лестнице. По ходу считал ступеньки – их оказалось шестьдесят две.

«Высота ступеньки – сантиметров тридцать. Значит, мы на глубине восемнадцати метров под землей... Шесть этажей, неплохо!»

– Стойте, – прошептал Хирт. – Слышите?

Гегель прислушался. Откуда-то из темноты действительно доносился странный тревожный звук – словно бы низкий голос бесконечно тянул «у-у-у». Звук был негромким, похоже, его источник находился за каменной стеной.

– И что это? – изумился Гегель.

– Это Великий Обряд, ведь сегодня ночь Красной Луны. Я же говорил, что сегодня вы увидите то, чего еще никто и никогда не видел! Кое-что решительно особенное!

Хирт протянул руку в темноту и бесшумно откинулся закрывавшую проход тяжелую завесу. Гегель непроизвольно зажмурился – оттуда струился синеватый свет, слабый и холодный, но после совершенной темноты неожиданно слепящий. Эрвину, подрабатывавшему в юности санитаром в анатомическом театре, подобное освещение тут же напомнило покойницкую.

Помещение, в котором оказались Гегель и Хирт, больше всего походило на древнегреческий толос – круглый зал с куполом и колоннадой. Источники света находились где-то в основании толстых колонн, что подпирали собою купол. В центре зала располагалось небольшое ступенчатое возвышение. Там, спиной к вошедшим, стоял высокий человек с длинными седыми волосами. Сначала Гегелю показалось, что это священник в рясе,

но, присмотревшись, он понял, что одеяние человека больше похоже на длинный, до щиколоток, хитон – серая ткань свободно струилась вдоль мощного тела, короткие рукава открывали мускулистые предплечья.

– Кто это? – одними губами спросил Гегель у Хирта. Тот покачал головой и упреждающе приложил палец к губам – «слушайте и наблюдайте!»

Человек на возвышении медленно воздел руки вверх, ладонями в сторону каменного свода. Движения его были такими осторожными, словно на ладонях у него покоился прозрачный стеклянный шар.

Внезапно заунывное «у-у-у-у-у» стало громче и еще тоскливее. Гегель напрасно пытался определить источник звука – гудение неслось одновременно со всех сторон, резонируя под куполом. У оберштурмбаннфюрера по спине пробежали мурашки.

– Внемлите, отважные воины Арминия! – воскликнул человек в сером хитоне. – Во славу бессмертных деяний я извлек ваши кости из безымянных могил. Ныне силою Донарагромовержца я призываю души героев вернуться в Мидгард. Повинуйтесь мне, воины!

Он говорил на старонемецком, который Гегель понимал с пятого на десятое. Но голос у человека был зычный и раскатистый, и Эрвин поймал себя на мысли, что уже слышал его прежде.

Синий свет, сочившийся из-под колонн, потускнел, и Гегелю вдруг почудилось, что у ног человека в хитоне зашевелились серые змеи. Приглядевшись, он понял, что это струйки дыма, сочившиеся сквозь щели между массивными каменными плитами пола. Подобно змеям, струйки сплетались в клубки, причудливо извивались, вытягивались, пытаясь добраться до верхней ступени платформы. Над головой заклинателя, под самым куполом зала, медленно сгущалось расплывчатое, как клякса, темное облачко.

– Храбрые германцы! Титаны, бросившие вызов мощи Рима! Герои Тевтобургского леса! Я взываю к вам, я повелеваю пасть препградам, отделяющим мир мертвых от мира живых! Вернитесь, чтобы вновь обрести плоть, о великие воины!

«Откуда же мне знаком этот голос? – подумал Гегель. – Не с университетских ли времен? Может быть, кто-то из профессоров вот так же гремел с кафедры?»

Он повернулся к Хирту, но тот, как зачарованный, смотрел на клубящийся на ступенях платформы сизоватый дым. Гегель пожал плечами и, неслышно ступая, двинулся к ближайшей колонне.

Заклинатель тем временем забормотал что-то совсем уже непонятное. Гегелю показалось, что он перешел на какой-то скандинавский язык. Оберштурмбаннфюрер дотронулся рукой до колонны – та была холодной и влажной. Откуда-то из-за толстого, как бочонок, основания шел слабый синий свет.

Гегель сделал еще один осторожный шаг – за колонну. Как он и предполагал, источником света была стеклянная колба, прикрытая металлическим колпаком – подобие химической лампы, что сконструировал для подводного флота Рейха Макс Пирани. Колба находилась в небольшой полукруглой нише в стене, заваленной каким-то хламом.

Что это за хлам, Гегель понял лишь через десять ударов сердца – столько понадобилось его мозгу, чтобы справиться с шоком от увиденного.

Это были кости.

Черепа, проломленные, полусгнившие, с черными провалами глазниц, с беззубыми дырами ртов. Длинные берцовые кости, изогнутые дуги ребер, россыпи позвонков – жутковатое ассорти брошенных в беспорядке останков. Иные были выбелены временем дочиста, на других висели сгнившие лоскутья не то одежды, не то плоти. На третьих, музейной сохранности, блестели современного вида металлические бирки. Кое-где

среди фрагментов скелетов чернели обглоданные ржавчиной полоски мечей, обломки доспехов. Синеватый химический свет придавал открывшейся оберштурмбаннфюреру картине совершено инфернальный оттенок.

Запястье Гегеля сжали чьи-то холодные пальцы, и он, вздрогнув, крутанулся на каблуках.

– Что вы делаете? – зашипел на него Хирт. – Я же просил вас смотреть и слушать, не сходя с места!

Возразить контрразведчик не успел – монументальная фигура, возвышавшаяся в центре зала, развернулась к ним как тяжелое артиллерийское орудие.

– Хирт! – во всю мощь рявкнул человек в сером хитоне. – Хирт, мерзавец, сукин сын, вы сбили мне концентрацию!

У заклинателя было тяжелое породистое лицо с широким носом и массивными надбровными дугами. Длинные серебряные волосы падали на мощные плечи, мешая Гегелю сосредоточиться – лицо человека в хитоне было ему определенно знакомо, но, кажется, у него была тогда другая прическа. А что, если сейчас это парик?

Гегель мысленно сорвал серебряный парик с головы заклинателя, и все тут же встало на свои места. Перед ним был никто иной, как Карл Мария Вилигут – некогда любимец Гиммлера, сделавший стремительную карьеру в рядах СС и неожиданно низвергнутый с высших ступеней иерархии за несколько месяцев до начала войны<sup>1</sup>. Ходили слухи, будто неизвестные доброжелатели положили на стол рейхсфюреру досье, в котором го-

<sup>1</sup> Вилигут Карл Мария (1866–1946(?)) – неоязычник, провидец и мистик; одно время пользовался большим авторитетом среди оккультистов Германии. Благодаря незаурядной родовой памяти и богатому воображению попал в фавор к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, при котором играл роль немецкого Распутина.

В СС вступил в сентябре 1933 г. (под псевдонимом Karl Maria Weisthor), выслужился до бригадефюрера СС. Придумал многие ритуалы и эмблемы СС (в частности, разработал дизайн кольца «Мертвая голова»), многое сделал для того, чтобы превратить Вевельсбург в орденский замок и мистический церемониальный центр СС.

В 1939 г. неожиданно попал в опалу к Гиммлеру и был уволен из рядов СС. О последних годах его жизни известно мало: по официальной версии, он жил в провинции под присмотром женщины из вспомогательного подразделения СС, и умер в 1946 г. Однако существует множество легенд о том, что Вилигута видели в окрестностях Вевельсбурга спустя много лет после его официальной смерти.

ворилось, что Вилигут был завсегдатаем у психиатров и даже провел несколько лет в психиатрической лечебнице. Гегель слышал, что старик – Вилигуту было хорошо за семьдесят – живет где-то в глуши под присмотром сиделок из СС. А он, оказывается, вот где – в своем любимом Вевельсбурге, распевает гимны на древнегерманском и призывает каких-то древних мертвцевов.

– Хайль Гитлер, бригаденфюрер! – Гегель сделал шаг вперед и вскинул руку в римском приветствии.

Бригаденфюрером Вилигут, скорее всего, уже не был – три года назад Гиммлер лично принял у него назад кольцо «Мертвая голова», кинжал и шпагу, которые когда-то сам и вручил – но никогда не мешает подсластить пилюлю. Впрочем, на старика нехитрая лесть Гегеля не произвела никакого впечатления.

– Кого вы сюда привели, Хирт? – грозно прорычал он. Гегель заметил, что сизые змеи, свивавшиеся кольцами у ног Вилигута, распадаются и тают, как туман в лучах рассветного солнца.

– Вы тупоголовый болван, Хирт! Я запрещал приводить в Храм посторонних!

«Ага, – подумал Гегель. – Мы, оказывается, в Храме!»

На Хирта было больно смотреть.

– Господин Вайстор, – пробормотал он, – это тот самый человек, о котором я вам докладывал. Оберштурмбаннфюрер Гегель из Имперского управления безопасности. Он выполняет личное задание фюрера...

– И что? – загремел Вилигут еще оглушительнее. – С каких пор это оправдывает грубейшее нарушение орденской дисциплины? У этого вашего Гегеля хотя бы печать есть?

– Разумеется, господин Вайстор, – Хирт повернулся к контрразведчику и сделал страшные глаза – «доставайте немедленно»! – Одну секунду...

Гегель вновь извлек сардониксовый цилиндрик и продемонстрировал его Вилигуту. Но тот, похоже, уже потерял к нему всякий интерес.

– Вы, двое злонравных тупиц, сорвали Обряд! Две недели я сидел на хлебе и воде, ночи напролет проводил в медитациях и молитвах, и все это пошло псу под хвост! Следующая Красная Луна появится на небосклоне лишь через полгода! Как мне оправдаться перед рейхсфюрером? Бессмертные воины Арминия были готовы воплотиться вновь, и они воплотились бы, если бы не вы, безмозглые кретины, не имеющие никакого представления о Великом Обряде!

Гегель усмехнулся про себя. Любому другому такое оскорбление не сошло бы с рук – но обижаться или гневаться на выжившего из ума старика было нелепо.

– Прошу простить меня, господин Вайстор, – покаянно склонил голову Хирт. – Это моя вина. Оберштурмбаннфюрер ничего не знал об Обряде...

– Зачем же вы тогда его сюда притащили? – подозрительно осведомился Вилигут.

– Я хотел продемонстрировать ему, с какими силами имеет дело наше Общество, – продолжал каяться Хирт. – Видите ли, господин Вайстор, задание, полученное оберштурмбаннфюрером, имеет непосредственное отношение к нашим изысканиям...

– И что с того? – громыхнул седовласый.

– Я полагал, что если господин Гегель своими глазами увидит происхождение теней, это изменит его отношение к Аненербе...

Хирт замолчал, глядя в пол. Карл Мария Вилигут тяжело дышал, крылья его массивного носа широко раздувались.

– Проваливайте оба! – заорал он, наконец. – Жалкие профаны! В следующий раз я прикажу Гансу стрелять в каждого, кто посмеет приблизиться к Черной Лестнице! Прочь с глаз моих, недоумки!

Он запрокинул голову и уставился на медленно таявшее под куполом темное облачко.

– Пойдемте, – потянул Гегеля за рукав Хирт. – Нам лучше покинуть подземелье.

Гегель не стал спорить.

Обратный путь проходил в молчании, хотя теперь необходимости соблюдать тишину уже не было.

– Я полагал, старик давно ушел на покой, – заговорил Гегель, когда они добрались до середины лестницы. Хирт кашлянул.

– Его вернули. Речь не об официальном восстановлении в звании, как вы понимаете. Но Вайстору позволили работать по... некробиотической тематике.

– Вызывать духов? – хмыкнул Гегель.

– Это не спиритизм, – возразил Хирт. – Он занимается настоящим воскрешением. Тем, про которое сказано в Писании.

Голос его звучал сдавленно – видимо, нетренированному доктору было сложно одновременно говорить и подниматься по крутой лестнице.

– Вы хотите сказать, что все эти кости...

– Конечно! Это останки воинов-херусков, победителей римлян, раскопанные Вайстором в Тевтобургском лесу и в Шварцвальде. Великий Обряд должен был воссоединить тела и души погибших героев.

– И мы все испортили? – с иронией спросил Эрвин. – Теперь я понимаю, почему старик так разбушевался...

Хирт, поднимавшийся по ступеням впереди него, остановился так внезапно, что Гегель едва не врезался ему в спину.

– По правде говоря, – пробормотал он, отышавшись, – у Вайстора могло бы не получиться и без нашего вмешательства. Великий Обряд – страшно сложная процедура. Вайстор работает над ней уже второй год...

– И как успехи?

Хирт засопел.

– Понимаю, оберштурмбаннфюрер, вы скептически отноитесь к возможности воскрешения давно умерших героев... Но если я докажу вам, что это не выдумка?

Гегель пожал плечами.

– Попробуйте. Правда, я все равно не понимаю, какое отношение это имеет к русскому ученому из Ленинграда.

– Все в мире взаимосвязано, – глубокомысленно изрек Хирт.

– За несколько дней до войны русские вскрыли могилу Тамерлана в Самарканде. Слышали об этом?

– Нет, – покачал головой Гегель. – Я не слишком интересуюсь археологией.

– Напрасно. Существует легенда о том, что могилу Тамерлана трогать нельзя – иначе, мол, начнется большая война. Но русские со своим коммунистическим материализмом, конечно же, не поверили в эту легенду. В результате у них появилась прекрасная возможность убедиться, что не все в мире можно объяснить марксистской теорией...

– Только не говорите мне, что фюрер отдал приказ о наступлении из-за того, что был потревожен прах Тамерлана.

Хирт усмехнулся.

– Конечно же, нет! Война началась бы в любом случае, хотя совпадение, согласитесь, любопытное. Но зачем русским понадобилось вскрывать могилу Железного Хромца?

– И зачем?

– Они кое-что искали там. Еще в 1925 году один наш соотечественник, инженер, работавший по контракту с большевиками в Самарканде, проводил в мавзолее Гур-Эмир исследования магнитных полей. Он обнаружил над могилой Тамерлана возмущения магнитных линий, и предположил, что в гробнице находятся сотни килограммов металла. Однако сама гробница была не такой уж и большой. Инженер предположил, что Тамерлан похоронен в железном гробу. Но когда русские вскрыли могилу, никакого металлического саркофага там не оказалось...

Они, наконец, преодолели последние ступеньки лестницы и очутились в низком сводчатом коридоре. Хирт щелкнул зажигалкой и вынул из пристенного кольца обернутый паклей факел.

– У вас здесь нет электричества? – спросил Гегель.

– Отчего же? Просто электромагнитное излучение негативно влияет на концентрацию Од.

– Концентрацию чего?

– Од. Это невидимая жизненная энергия, разлитая в пространстве. Индуисты называют ее праной, но Вайстор полагает, что «Од» – более правильный термин. Нордический!

Хирт сделал приглашающий жест.

– Пойдемте, я покажу вам... Великий Обряд, в сущности, это концентрация силы Од и вливание ее в органические останки. Чем чище Од, тем больше вероятность того, что органика начнет восстанавливаться.

– Кости оденутся плотью?

– Мыслите верно. На этом этапе больших сложностей не возникает. Нам удалось восстановить тела трех древних германцев и одного римлянина из легиона Вара. Самая большая проблема – вернуть в ожившее тело душу. Именно над этим и бьется сейчас Вайстор.

«А он, похоже, не притворяется, – с удивлением подумал Гегель. – Искренне верит во всю эту чушь... Интересно, сколько средств выделяет на некромантские забавы рейхсфюрер?»

– Восстановленное тело может функционировать неограниченное количество времени, – продолжал, между тем, Хирт. – Оно ест, пьет, отправляет естественные надобности, реагирует на болевые раздражители, но никакого сознания в нем нет и в помине. Для того, чтобы произошло полноценное воскрешение, необходимо соединить тело с покинувшей его душой и – самое главное! – удержать ее там.

Он остановился перед массивной дверью из черного дуба и принял греметь ключами.

– Сейчас вы все увидите своими глазами, оберштурмбаннфюрер...

За дверью оказалась обычная университетская лаборатория – со стеклянными шкафчиками, металлическими столиками

на колесах, вытяжными коробами и буграми зачехленных приборов. Никаких факелов на стенах здесь уже не было, и Хирту пришлось все-таки зажечь электрический свет.

– Это моя епархия, – сказал он важно. – Здесь я стараюсь методами науки улучшить результаты, полученные Вайстором.

Морщась от яркого света, Гегель вытащил из кармана темные очки и надел их.

– Глаза болят, – пояснил он Хирту. – Повредил зрение на Восточном фронте.

На Восточном фронте Гегель никогда не был – не считать же фронтом благополучную, утопающую в вишневых садах, Винницу. Надеть темные очки посоветовал ему хитрец Шелленберг.

– Доктор Хирт курирует в «Аненербе» исследования, связанные с человеческой психикой, – сказал он. – Гипноз, транс, медитации, наркотики... За самого доктора не поручусь, но знаю, что у него в штате есть пара сильных гипнотизеров. На всякий случай старайтесь не встречаться с ним взглядом, а при разговоре с глазу на глаз лучше всего нацепите темные очки.

Теперь лаборатория казалась Гегелю довольно зловещей. Хирт прошел вглубь помещения и, обернувшись, поманилoberштурмбаннфюрера за собой.

– Вот, взгляните, – он указал на накрытый зеленым армейским брезентом ящик, стоявший на металлических подпорках.

– Это наш самый удачный на данный момент образец. Римский легионер эпохи Октавиана Августа. Убит при разгроме легионов Вара воинами Арминия. Останки, в довольно неплохом состоянии, были найдены в Тевтобургском лесу.

Театральным жестом Хирт скинул с ящика брезент. Гегель, ожидавший увидеть очередную кучу гниющих костей, брезгливо отстранился.

Ящик был сделан из хромированной стали. Толстый кабель в черной оплётке соединял его с негромко гудевшим трансфор-

матором. Крышка у ящика была прозрачная, из дюймового армированного стекла.

Хирт щелкнул каким-то тумблером, и под крышкой зажегся слабый зеленоватый огонек.

– Взгляните, не бойтесь, у него довольно приличный вид.

Гегель, пересиливая себя, заглянул в ящик. Там, судя по всему, было очень холодно – на стенках блестели кристаллики льда. За стеклом лежал человек. Не скелет, как можно было предположить, а скорее – замороженный труп: в короткой бороде серебрился иней, лицо застыло под тонкой корочкой льда. Одет человек был в какие-то серые лохмотья, но у левого его бока лежал небольшой круглый римский щит-парма, а по правую руку – покривевший от времени меч.

– Это наш римлянин, – с гордостью проговорил Хирт. – Не правда ли, чудесный экземпляр?

– Где это он так подмерз? – подозрительно спросил Гегель. – Тевтобургский лес все-таки не Сибирь...

Хирт довольно усмехнулся.

– Еще две недели назад он не сильно отличался от тех скелетов, что вы видели в подземелье. Разве что череп был поцелее.

– Хотите сказать, что мясо ему на кости нарастили вы? Как доктор Франкенштейн своему монстру?

Хирт кивнул.

– Именно. Сила Од соединилась с органическими останками, в результате чего произошло телесное воскрешение.

– Но почему вы запихнули его в этот ящик? Сами же говорили, что воскрешенные ведут себя, как люди – едят, пьют...

– Не как люди, – перебил Гегеля доктор. – Скорее, как растения. Едят, если им положить в рот пережеванную пищу. Пьют, если пить их из трубки. Но этот... этому нам удалось вернуть душу.

– Неужели? – вежливо удивился Гегель.

– Да, Вайстор сумел!. К сожалению, вернуть душу оказалось легче, чем удержать ее в теле. Как только две субстанции со-

единились, началось стремительное разложение оживленной силой Од плоти. Чтобы сохранить тело, я был вынужден заморозить этого прекрасного легионера.

Некоторое время Гегель с интересом всматривался в ящик.

– А как вы поняли, что душа вернулась в тело?

– Ну, это было очевидно. Взгляд стал осмысленным, затем он заговорил...

– По-немецки?

Хирт посмотрел на него укоризненно.

– На латыни, естественно. Однако очень скоро ему стало плохо, поэтому эксперимент пришлось прервать.

Гегель постучал по стеклу согнутым пальцем и отошел от ящика.

– Какая жалость, что этот эксперимент нельзя повторить, – сказал он. – Впрочем, я все равно не вижу, чем этот достойный сын Рима мог бы помочь моим поискам.

Хирт пожал плечами.

– Вы правы, оберштурмбаннфюрер. Ничем. Но зато вы могли бы изменить свое отношение к «Аненербе».

– И что бы это мне дало?

– Без «Аненербе» у вас не получится ни-че-го, оберштурмбаннфюрер. Мы занимаемся поисками уже много лет, а потому знаем об этих удивительных предметах гораздо больше, чем любая другая организация на земле.

– Ну так поделитесь со мной своими знаниями, черт возьми!

Для того я сюда и приехал.

Хирт покачал головой.

– Вы не понимаете. «Общество изучения наследия предков» не контрразведка и не партийная канцелярия. Мы не представляем информацию по первому требованию или по запросу. Даже если бы нас попросил сам фюрер.

– Даже так? – прищурился Гегель.

Хирт ничуть не смущился.

– Наши знания – это мощное оружие, – тихо сказал он. – Оружие обоюдоострое, которое может принести пользу, а может – великий вред. Я бы не хотел бы причинить вред, оберштурмбаннфюрер.

Гегель помолчал. Прошелся вдоль стеллажей со стеклянными колбами, остановился у одной из них и долго стоял, рассматривая человеческий эмбрион, помещенный в формалиновый раствор.

– Вас надо понимать так, доктор, – произнес он, наконец, – что никаких сведений о ленинградском ученом и его артефакте вы мне не дадите?

Хирт с виноватой улыбкой развел руками.

– Увы...

Оберштурмбаннфюрер Гегель кивнул. Чуть помедлил, а потом взял со стеллажа колбу с эмбрионом.

– Вот что, доктор. У меня чертовски мало времени. Я еще на вокзале сообщил вам, что именно мне от вас нужно. Вместо этого вы водите меня по каким-то подземельям, показываете выжившего из ума Вилигута, рассказываете сказки о воскрешенных мертвецах, а в качестве решающего довода демонстрируете замороженного покойника. Я не ученый и не мистик, доктор. Я офицер Главного управления имперской безопасности. То, что мне нужно узнать, я узнаю в любом случае. У вас есть выбор – рассказать мне все, что вы знаете о русском археологе и его предмете добровольно или сделать это по принуждению. Поверьте, я умею быть убедителен.

– Вы мне угрожаете, оберштурмбаннфюрер? – голос Хирта едва заметно дрогнул. – Вряд ли вы добьетесь своей цели, действуя грубой силой...

– Неужто? – спросил Гегель. – Мое дело предупредить.

С этими словами он уронил колбу на пол и тщательно растоптал эмбрион начищенным до блеска сапогом.

– Понятия не имею о ценности данного экземпляра, и потому буду, любезный доктор, без разбора уничтожать все, что увижу

в лаборатории – до тех пор, пока вы от всей души не пожелаете ответить на мои вопросы.

Хирт побледнел, на лбу его проступили крупные капли пота. Гегель, напротив, чувствовал себя превосходно – наконец-то он дал волю давно копившемуся гневу, который он испытывал по отношению к этому напыщенному болвану.

– Ну так как, доктор? – оберштурмбаннфюрер рассеянно взял с полки еще одну колбу. – Вы по-прежнему считаете, что я недостоин быть посвященным в ваши тайны?

– Вы ошибаетесь! – выкрикнул Хирт. – Если бы вы были недостойным, я не отвел бы вас в Храм и не показал Великого Обряда! Дело совсем в другом! Вы не понимаете того, что видите, а не понимаете потому, что не верите!

Звон бьющегося стекла заставил его умолкнуть на полуслове. Хирт попытался было поймать взгляд контрразведчика, но темные очки защищали Гегеля не хуже рыцарского шлема.

– Разумеется, верю, – мягко сказал Эрвин. – Верю в то, что вижу. А вижу я следующее: вы со своим сумасшедшим Вайстором отлично тратите на совершенно безумные проекты реальные, живые деньги. Деньги германской нации. И не в мирное время, заметьте, а в тяжелую для Рейха годину, когда на счету каждый пфенниг. А это пахнет саботажем, мой дорогой доктор. В лучшем случае.

– Рейхсфюрер не позволит... – начал Хирт, но Гегель поднял палец, и доктор замолчал.

– Что вы скажете, если РСХА начнет проверку деятельности Аненербе? Обычную, бухгалтерскую, у нас ведь тоже есть бухгалтеры. Как насчет небольшого аудита, а, доктор? Я вполне могу вам это устроить. И устрою, клянусь Богом!

– Делайте, что хотите, – сказал Хирт безучастно. – Вы меня не слышите. Я не отказываюсь выполнить вашу просьбу, я просто не могу это сделать, потому что вы не готовы поверить...

– Экий же вы зануда, доктор, – вздохнул Гегель, подошел к стальному ящику и приготовился вырвать из трансформатора кабель.

– Не смейте!

Крик Хирта был похож на визг раненого зайца.

– Это уникальный экземпляр! Вы не можете погубить его!

– Это почему же? Вы же самисказали – «делайте, что хотите».

Оберштурмбаннфюрер рванул кабель на себя. Заискрило, пахнуло паленой резиной. Трансформатор взвыл на низкой ноте и вдруг заглох.

– Крышка как открывается? – буднично спросил Гегель.

Хирт был похож на соляной столб. Ждать от него разумительного ответа явно не приходилось.

Оберштурмбаннфюрер обошел ящик, приглядываясь. Крышка откидывалась двумя мощными пружинами, для чего следовало отжать вверх два стальных рычажка. Гегель примерился и положил руки на рычаги.

– Ну, доктор? – спросил он, оглянувшись через плечо. – Не передумали?

– Пожалуйста, – умоляюще прошептал Хирт. – Не делайте этого!

Гегель щелкнул рычажками.

Стеклянная крышка откинулась.

Контрразведчику физически ощущил ползущий изнутри холод. Раздалось неприятное шипение – изморозь, что покрывала внутренние стенки ящика, таяла на глазах. Седая борода легионера почернела за несколько мгновений.

«Сколько же там было градусов?» – подумал Гегель, но доктора спрашивать не стал.

– Что вы наделали, – тихо пробормотал Хирт. – Столько трудов, столько трудов...

– Сами виноваты, доктор. Надо быть посговорчивей.

Эрвин не мог оторвать взгляда от римлянина. Тот оттаивал так стремительно, будто жарился на горячей сковороде. Преодолевая отвращение, Гегель сунул в ящик руку и вздрогнул – его металлические стенки действительно излучали тепло.

– Вы включили аварийную систему разморозки, – безучастно сообщил Хирт. – Теперь процесс пойдет очень быстро.

– Надеюсь, этот древний итальянец действительно для вас что-то значил, – сказал Гегель. – Ненавижу тратить силы впустую.

– Хорошо, – Хирт опустил голову, ссутулил плечи и, спотыкаясь, словно незрячий, пошел к стоявшему у стены креслу. – Считайте, вы своего добились. Я расскажу вам все, что вы хотели узнать.

– Вот это другой разговор, доктор. Я внимательно вас слушаю...

Странный звук, раздавшийся за спиной Гегеля, заставил его обернуться.

Легионер смотрел на него широко открытыми глазами.

– Черт, – пробормотал Гегель. – Как это возможно?

Римлянин, в котором минуту назад жизни было не больше, чем в куске замороженной трески, пытался сесть в своем ящике. Руки с черными потрескавшимися ногтями хватались за стальные стенки.

Глаза, в которых не было радужки – одни огромные расширенные зрачки – с безумной тоской смотрели на оберштурмбаннфюрера.

– In Silva Nigra, – проговорил хриплый, надтреснутый голос.

– In sacra Silva Nigra<sup>2</sup>...

– Он живой? – крикнул Гегель.

Хирт часто закивал головой.

– Я же говорил вам – это самый удачный наш экземпляр. Ожившее и одушевленное тело... Конечно же, он живой...

---

<sup>2</sup> В Черном Лесу... в проклятом Черном Лесу... (лат.)

– Заперты, – бормотал между тем человек в ящике, – заперты лесами и болотами, попавшие в западню... они были перебиты теми, кого прежде убивали, как скот, так что жизнь их и смерть зависели от гнева или от сострадания варваров...

– Он рассказывает о гибели своего легиона, – пояснил Хирт. – Римляне попали в засаду...

– Я учился в университете и знаю латынь, – перебил его Гегель.

– Посреди поля белели скелеты, где одинокие, где наваленные грудами, смотря по тому, бежали ли воины, или оказывали сопротивление... были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам... Стояли жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий...

– Что случилось с тобой? – крикнул Хирт по-латыни. – Что случилось с тобой, легионер?

Римлянин продолжал вылезать из ящика, но это получалось у него плохо – мышцы не слушались, руки беспомощно скользили по гладкому металлу. Но он по-прежнему не отрывал взгляда от Гегеля и продолжал монотонно бубнить:

– Вар и его полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов... Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни последовали примеру своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве...

Рука его подогнулась и он тяжело упал в ящик, стукнувшись затылком о металл.

– Имя! – заорал Хирт, подскакивая к ящику. – Твое имя, легионер!

– Мое имя Виктор, – глухо донеслось из ящика. – Виктор... Меня принесли убили на жертвеннике. Принесли в жертву. Я не хотел умирать...

– Проклятье! – Хирт в ярости ударил кулаком по стенке ящика. – Вы все испортили, Гегель!

Оберштурмбаннфюрер подошел и заглянул в ящик. С лицом римлянина происходили странные вещи. Оно растекалось на глазах, как будто бы плавился лед. Дернулась и отвисла челюсть, демонстрируя почерневшие зубы. Из легких легионера вырвалось странное шипение. Пальцы, только что мертвый хваткой вцепившиеся в край ящика, безвольно разжались – белые кости проткнули расплывавшуюся, как гнилое тряпье, кожу.

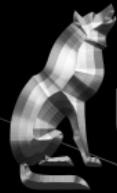
– Он уходит! – прыгающим голосом проговорил Хирт. – Уходит! Это вы во всем виноваты!

Гегель не ответил. Он стоял и смотрел, как тело легионера Виктора превращается в бесформенную кучу стремительно разлагающейся плоти.

## **Содержание**

|                         |            |
|-------------------------|------------|
| <b>ГЛАВА ПЕРВАЯ</b>     |            |
| Погоны                  | <b>3</b>   |
| <b>ГЛАВА ВТОРАЯ</b>     |            |
| Черный поток            | <b>21</b>  |
| <b>ГЛАВА ТРЕТЬЯ</b>     |            |
| Потаенный тракт         | <b>39</b>  |
| <b>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ</b>  |            |
| Рогатая гора            | <b>53</b>  |
| <b>ГЛАВА ПЯТАЯ</b>      |            |
| Телли                   | <b>66</b>  |
| <b>ГЛАВА ШЕСТАЯ</b>     |            |
| Чудо пророка Пилилака   | <b>77</b>  |
| <b>ГЛАВА СЕДЬМАЯ</b>    |            |
| Перевал Сломанных ребер | <b>88</b>  |
| <b>ГЛАВА ВОСЬМАЯ</b>    |            |
| Проклятая долина Неш    | <b>103</b> |

|  |     |
|--|-----|
| ГЛАВА ДЕВЯТАЯ<br>Княгиня Ольга           | 115 |
| ГЛАВА ДЕСЯТАЯ<br>Три ящика динамида      | 129 |
| ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ<br>Дед Чага           | 146 |
| ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ<br>Чужая страна        | 161 |
| ГЛАВА СЛЕДУЮЩАЯ<br>Беспрогрышная лотерея | 179 |
| ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ<br>Витек             | 202 |
| ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ<br>Желтый мячик        | 228 |



# Чингисхан



Титул

Чингисхан

Имя

Темуджин

Фамилия

Бордигин

Время действия

1179 год н.э.

Возраст

18 лет

Адрес

Урочище Гурельгу

Локация

Верховье реки Керulen

Предмет

Волк

Дар

Страх

Сайт

[www.etnogenet.ru](http://www.etnogenet.ru)



Э Т Н О Г Е Н Е З



# Сомнамбула



Имя

Матвей

Отчество

Степанович

Фамилия

Гумилев

Время действия

2468 год н.э.

Возраст

22 года

Адрес

Луна, Новая Москва

Локация

Орбита Марса. Градус Забвения

Предмет

Отсутствует

Дар

Отвага

Сайт

[www.ethnogenез.ru](http://www.ethnogenез.ru)



ЭТНОГЕНЕЗ



# Миллиардер<sup>2</sup>

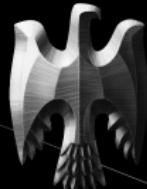


Имя  
Отчество  
Фамилия  
Время действия  
Возраст  
Адрес  
Локация  
Предмет  
Дар  
Сайт

Андрей  
Львович  
Гумилев  
2009 год н.э.  
36 лет  
Москва, Жуковка  
Арктика, борт станции «Земля-2»  
Отсутствует  
Разрушение  
[www.etnogenez.ru](http://www.etnogenez.ru)



ЭТНОГЕНЕЗ



# Блокада<sup>2</sup>



Имя

Отчество

Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Екатерина

Владимировна

Серебрякова

1942 год н.э.

19 лет

Военная база С-212 «Синица»

Подмосковье

Отсутствует

Исцеление

[www.ethnogenез.ru](http://www.ethnogenез.ru)



ЭТНОГЕНЕЗ



ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ  
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

**МОСКВА:**

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская плошадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская плошадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская плошадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

**РЕГИОНЫ:**

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг  
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте [www.elkniga.ru](http://www.elkniga.ru)

Заказывайте книги почтой в любом уголке России  
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»  
или на сайте: [shop.avanta.ru](http://shop.avanta.ru)

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:  
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: [www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)

Издательская группа АСТ [www.ast.ru](http://www.ast.ru)  
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж  
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10  
E-mail: [zakaz@ast.ru](mailto:zakaz@ast.ru)

[www.etnogenez.ru](http://www.etnogenez.ru)

Литературно-художественное произведение

Сергей Волков

**ЧИНГИСХАН 2**

Книга вторая

**Чужие земли**

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Владимир Дьяконов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

**ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»**

**Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,**

**тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)**

**[www.etnogenez.ru](http://www.etnogenez.ru)**

Подписано в печать 15.05.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте [www.shop.avanta.ru](http://www.shop.avanta.ru)

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте [www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)

Издательская группа АСТ

[www.ast.ru](http://www.ast.ru)

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

[zakaz@ast.ru](mailto:zakaz@ast.ru)

Отпечатано в полном соответствии  
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32